

Н.И. МИРОНОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА:

**МЕТАМОРФОЗЫ
САМООРГАНИЗАЦИИ
И УПРАВЛЕНИЯ**

УДК 316.4

ББК 60.5

Миронова Н.И.

Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления

Монография раскрывает возможности системной методологии для описания многофакторных процессов эволюции неоднородных неравновесных динамических социальных систем. Системная парадигма позволяет предложить модель и метод описания и исследования эволюционных трансформаций социальных систем, что радикально меняет подход к взаимодействию самоорганизации и управления в социальной динамике. Предложены матрично-топологические модели социокультурного поля с полюсами традиционного, авторитарного, демократического и гражданского цивилизационных сценариев. Показано, что традиционное и гражданское общество характеризуются равновесием информативности социума и властвующей элиты и консенсусом базовых ценностей, что ведет к снижению затратности управления, в то время как различия информативности социальных акторов в авторитарном и демократическом обществе и поляризация базовых ценностей приводят к резкому возрастанию затратности управления. Описаны три типа управляющих взаимодействий: «экспорт» энтропии управления в социум, энтропийно-негаэнтропийное синергетическое взаимодействие управления и самоорганизации, и негаэнтропийно-энтропийный алгоритмический обмен неустойчивостями. Показана закономерность формирования в этих типах взаимодействий авторитарного, делегированного и участвующего управления. Приведены возможные распределения соотношений между энтропией управления и негаэнтропией самоорганизации. Показано, что производителем негаэнтропии становится гражданский социум, его трансформационная группа, обладающая признаками самоорганизации, актуализации управленческого потенциала и инновационности. Генерирование негаэнтропии зависит от возникающих свойств гражданского социума – его информативности, открытости к получению и переработке информации, способности структурировать его социальный опыт, генерировать новые знания и модели управления.

Предложенные теоретико-методологические модели взаимодействия самоорганизации и управления могут быть применены для формирования эффективной публичной политики и управления в России в условиях социальной неустойчивости. Модели позволяют вести прогнозирование поведения социальных систем в зонах неустойчивости.

ISBN 5-87184-376 – X

© Н.И. Миронова, 2005

© ОАО «Челябинский Дом печати», 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	с. 5
ВВЕДЕНИЕ.....	11
ГЛАВА 1. ФАКТОР ПАРАДИГМЫ.....	17
1.1. Теория самоорганизации и научный конформизм.....	17
1.2. Модель парадигмальных различий.....	20
1.3. Линейная парадигма.....	21
1.4. Организмическая парадигма	23
1.5. Системная эволюционная парадигма	25
1.6. Феномен Вавилонской башни	30
1.7. Системный подход к изменяющемуся обществу	33
Выводы	39
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ.....	41
2.1. Факторы социальной динамики	41
2.2. Согласование базовых ценностей и самоорганизация.....	45
2.3. Информациональность социума	48
2.4. Топология социального пространства.....	51
2.5. Модели и характеристики управления	54
2.6. Гражданское общество как самостоятельный эволюционный сценарий	57
Выводы	62
ГЛАВА 3. МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ	63
3.1. Аттракторы затратности управления как операторы социальных систем.....	63
3.2. Факторы социальной динамики и цивилизационные сценарии	69
3.3. Темпомиры и эволюция социальных систем.....	74
3.4. Цивилизационные сдвиги	80
3.5. Модель эволюционной динамики.....	85
Выводы	97
ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ.....	99
4.1. Три типа взаимодействия самоорганизации и управления	99
4.2. Реформация, модернизация или трансформация?.....	103
4.3. Синергетическое взаимодействие управления и самоорганизации	105
4.4. Алгоритмический «обмен неустойчивостями»	109

Выводы	114
ГЛАВА 5. УПРАВЛЕНИЕ И САМООРГАНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	115
5.1. Моделирование властных взаимоотношений	115
5.2. Кризис управления как конфликт базовых ценностей	121
5.3. Оружие массового уничтожения как артефакт элитарного управления.....	126
5.4. Тенденции и уроки формирования модели «участвующего управления»	132
5.5. Возможности и препятствия формирования эффективного управления.....	135
5.6. На пути к достижению ценностного консенсуса	140
5.7. Факторы взаимодействия государственного управления и гражданской самоорганизации в России.....	144
Выводы	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	162
Литература	164

*Моим детям посвящается,
с верой в то, что они участвуют
в формировании гармоничного мира
и гражданского общества.*

Предисловие

На мое поколение, прорвавшее железный занавес холодной войны и окопного сознания, обрушилась океаническая волна информации, за ней открылась безбрежность мирового культурного и гуманитарного наследия.

На глазах происходило формирование открытой России и просвещенных политически активных граждан, заинтересованных в изменениях. Этому способствовали свободные информационные потоки, формирование открытого общества, зарождение качественно нового социума, гуманистично мыслящего, владеющего информацией и актуализирующего свой управляющий потенциал. Но прошло всего несколько лет, и вновь потянуло подвальной сыростью. Общество стало съезживаться, опускать глаза и прятать мысли. Общество стало снова уходить в себя ...

Возникает вопрос: отношения российского народа и российской власти – это исключительность или часть общих закономерностей?

Меняется порядок вещей. Возникает ощущение нарастающего хаоса. Как формируются взаимодействия людей в изменяющемся обществе? Какую роль играют властвующие элиты и информациональные социумы? Можно ли влиять на изменение институтов распределения общественных ресурсов? Как возникает управление в обществе? Можно ли вообще делать прогноз социальных и политических изменений?

Из этих неопределенностей рождаются новые социальные теории и практики. Риски управления и невозможность их прогнозирования представляют главную интригу современного социального хаоса. Выявление рисков увлекает исследователей.

И в этом захватывающем творческом потоке в какой-то миг вдруг становится очевидным: предлагаемые гипотезы, теории, проекты и предложения достаточно просто распознать и квалифицировать, поскольку они обладают легко выявляемыми общими признаками и особенностями, связанными парадигмальными стереотипами мышления. Более того, и социальные взаимодействия социумов складываются под влиянием доминирующих в них подходов. В основе мировоззрения лежит парадигма. Она и является тем самым магическим кристаллом, сквозь который человек распознает мир и посредством которого участвует в создании новых моделей социальных взаимодействий.

Каждой парадигме свойственны свои стереотипы, по которым можно предсказать не только ход рассуждений, но и тип поведения человека или группы. Сегодня ученые говорят о трех парадигмах: линейной, организмической и системной эволюционной.

Но парадигма – это не только понимание, но и умение принимать решения. Цель управления может быть достигнута при согласии с ней и ценностями, на которые эта цель ориентирована. Возможно ли достижение консенсуса в условиях сосуществования трех парадигмальных подходов, смыслов и тезаурусов? Легко ли договориться о взаимодействии и взаимопонимании, если люди, говорящие на одном языке, под одними и теми же словами подразумевают разные смыслы, и именно поэтому предлагают в качестве ответов на вызовы времени прямо противоположные решения?

С нашей точки зрения, именно в этом и состоит главная интрига. От того, как она сможет быть решена во взаимодействии правящей элиты и гражданского социума, зависит не только возможность эволюционного сдвига России, но и существование нации.

Носителями стереотипов управления являются, прежде всего, лица, принимающие решения. Но не только они. Это и само общество, его различные социумы. Когда общество перерастает парадигму, говорят о кризисе парадигмы, но когда парадигма перерастает общество, говорят о кризисе общества.

Во времена таких кризисов возрастают риски управления. Возможности нахождения правильных ответов на вызовы времени зависят от парадигмальных установок как лиц, принимающих решения, так и лоббистских групп, а также и самого общества. Эти установки воплощены в стереотипах.

Стереотип первый – социальный. В рассуждениях о социальной катастрофе отбрасывается как несущественное социетальное многообразие общества. Между тем как одно и то же событие различными социумами (социетусами) может быть воспринято по-разному. Одними – как негативное, другими как позитивное. Распад империй, расцениваемый элитами как катастрофа, ведущая к их вытеснению или элиминации, позволяет социумам продолжить жизнь во вновь формируемой идентичности и другом общественном сценарии. При этом, как правило, происходит перераспределение общественных ресурсов в пользу общества.

Второй стереотип – культурно-ценностный. Этот стереотип игнорирует культурно-ценностное многообразие, которое в одной и той же ситуации приводит к различным моделям поведения социумов, определяя различающийся выбор в зоне кризиса.

Например, применительно к культуре управления, в линейной парадигме выход из кризиса подразумевает прямое подавление центров возмущения, центров зарождения хаоса и нарушения принятого порядка. В организмической

парадигме проводится диагностирование кризиса, снятие его симптомов, и лишь затем «хирургическое вмешательство». Системная методология позволяет избежать такого насилия. Более того, использовать энергию хаоса для общественного развития.

Здесь уместно сказать, что кризис в системной парадигме означает не болезнь социального организма, а вхождение системы (социальной, политической, экологической, техногенной) в своеобразное Саргассово море, в зону неустойчивости и нарастающих флуктуаций. Наличие в этой зоне возможностей изменения, бифуркаций, открывает путь выхода из кризиса. Важно предчувствовать эти точки и знать логин и пароль. Выход из кризиса может стать эволюционным переходом со структурными изменениями, которые именуются катастрофами в математике и трансформациями в социологии.

Третий стереотип – эволюционный. Рассуждениями о кризисе цивилизации упускается из внимания тот факт, что современное общество представлено как минимум тремя цивилизационными сценариями – традиционным, авторитарным и демократическим. Достигая в своей социальной динамике кризиса, социум переходит в другой эволюционный сценарий и делает свой выбор в зависимости от набора внутренних и внешних факторов. Властвующий социум делает выбор на основе ценностей международной конкуренции. Гражданский социум делает выбор на основе своих базовых ценностей – безопасности человека. Конечный выбор определяется консенсусом ценностей. Переходит ли общество в более затратный сценарий либо в менее затратный и, соответственно, более устойчивый, в основе его предпочтений лежит сохранение человеческого рода. Интуиция, которой люди при этом следуют, позволяет говорить о человеческом бессмертии, что совсем не подразумевает бессмертие социальных формаций и институтов.

Четвертый стереотип – стереотип технократический. Нет сомнения в том, что индустриальная цивилизация, или «эпоха заводских труб», как ее назвал Джон Нейсбит, переживает кризис. Но это совсем не значит, что это кризис всеобщий. Соединенные Штаты пережили этот кризис за счет самоорганизации общества, мобильности граждан, капитала, общественных свобод. Япония и выстраивающиеся ей вслед «летающие гуси» Юго-Восточной Азии этот кризис тоже пережили и приземлились в постиндустриальном обществе. Япония, и особенно страны Юго-Восточной Азии, воспользовались цивилизационным лифтом и проскочили эпоху индустриализации, уменьшив ущерб для окружающей среды и, соответственно, сохранив качество человеческого капитала. Европа же погрязла в индустриальных отходах и мобилизует ресурсы государственной системы в поисках точки опоры для изменений. То же, но в еще более сложной форме происходит в России и будет происходить в Китае и Индии.

Мир многомерен. Поэтому политические, социальные, техногенные, институциональные риски в нем различны. Разрешение этих рисков, их снижение или рост зависят от нескольких факторов: качества социумов, моделей управления, открытости общества к взаимодействию с окружающей средой, в первую очередь, информационной.

Системная парадигма стала живительным источником, ключом к пониманию динамики эволюционирующего общества. Системная парадигма очень оптимистична, она объясняет, как понимать происходящие изменения, и какие в них открываются возможности.

Рассматривая общество как систему социумов, следует признать, что индустриальное общество отличает доминирование линейной парадигмы мышления. Постиндустриальное общество оперирует как организмической, так и системной парадигмой с постепенным переходом к преобладанию последней.

Качество социумов зависит от наличия в их распоряжении ресурсов и от собственных познавательных способностей. Возможность достижения договоренности в отношении распределения общественных ресурсов между властвующей элитой и социумом зависит от уровня самоорганизации социума. Самоорганизация возникает как негаэнтропийный процесс, и вступает во взаимодействия с элитарным управлением. Современное управление многими системными исследователями оценивается как процесс сброса энтропии управления в социум. Технократическая властвующая элита сбрасывает отходы управления в социум так же, как она делает это с радиоактивными отходами.

Нет сомнения в том, что системный кризис в России требует определения, в какой точке социального пространства и времени находятся ее властвующая элита и гражданский социум. Следует понять, каковы ожидания социумов, как они видят желаемое для себя будущее и каковы их ресурсные возможности для совместного участия в воплощении этого будущего.

Россия и российские социумы – часть мировой системы. Например, правящая элита является членом Совета безопасности, участвует в регулировании мировых конфликтов и рисков, влияет на их восприятие. Как государственный институт Россия является членом европейского сообщества и усиливает или ослабляет риски, возникающие в нем. Как гражданский социум россияне являются частью мирового сообщества, из понимания этого формируются их взаимодействия.

В российской властвующей элите есть различные оценки нарастания кризисного состояния, исходящие, скорее всего, из желания переложить проблему сегодняшнего неэффективного управления на произошедшие в начале 90-х годов объективно обусловленные перемены. Следует подчеркнуть, что перемены происходили в обществе, но меньше всего они затронули саму властвующую элиту. Номенклатура на 90% сохранила свои позиции и

взаимосвязи, особенно в регионах. Это позволило ей, как автопоэзной системе, воссоздаться за счет функциональных связей в наиболее эффективных, с точки зрения ее собственного выживания, формах. Незначительное обновление в центре не привело к существенным изменениям в этой социальной страте. Более того, можно заметить тенденции ее самоорганизации и трансформации в военную касту, даже, скорее всего, в клику, в научном содержании этого термина.

Социальный кризис в России, с точки зрения кризиса социальной идентичности социума, тоже ставит много вопросов. Сложно поверить в то, что нация, победившая в борьбе с фашизмом, пережившая сталинизм, то есть имеющая социальный опыт преодоления двух крайне жестоких к социуму авторитарных режимов, добровольно, без манипуляций и подтасовок, выбирает вновь возможность самоуничтожения, словно это путь на Голгофу. Такой выбор противоречит его базовым ценностям безопасности и сохранения жизни.

Социуму не свойственны садомазохистские наклонности. Эта черта, скорее всего, присуща правящей элите. Тому есть и исторические примеры, и литературные. Альбер Камю дал образ Калигулы, наполнив его всем трагизмом конфликта властвующей элиты, обусловленного ее мифологическим сознанием и линейной логикой.

Доминирование линейной логики опасно для общества. Социальная самоорганизация в этой логике воспринимается как хаос. Обогащаясь системной методологией, возникают технологии подавления социальной самоорганизации другим хаосом, регулируемым. Это приводит к торможению общественного развития, углублению структурного кризиса и ставит под сомнение российский институт государственности в его современном виде. У российской властвующей элиты возникают трудности во взаимодействиях с международным сообществом. Не станут соломинкой и ее умения изменять окружающую политическую среду и использовать «эффект бабочки».

Будучи пессимистическим оптимистом, я все же надеюсь, что при сократившейся в 20 раз, по сравнению с СССР, способности России по ликвидации последствий ядерных катастроф нам не придется переживать вновь использование детского труда на реабилитационных работах по очистке радиационно-загрязненных территорий. Еще более будем надеяться, что не будет ядерных ударов, направленных на подавление гражданского социума, чтобы, как замечает Юрген Хабермас, «по привычному образцу выводить внутренние конфликты наружу в военных авантюрах».

Мы находимся лишь в самом начале использования системного подхода и системной теории, которая открывает возможности вызывать значительные изменения систем внесением в них малых возмущающих воздействий в зонах флуктуаций. Этот феномен и получил название «эффекта бабочки». И дай нам

Бог использовать системную теорию во благо, а не во вред человечеству и российской нации.

Эта книга предлагает описание социальной динамики и ее факторов – самоорганизации и управления, в терминах и смыслах системной парадигмы. В ней сконцентрирован опыт практической работы по созданию и развитию сетей общественных организаций в пост-тоталитарной России.

Я воспринимаю свою работу как импрессионистский набросок процессов социального пробуждения российского общества, как описание очевидцем формирования обществом ответов на вызовы властвующих элит, на их усилия по замораживанию общественного развития.

Меня вдохновляли интеллектуальные поиски современников, на глазах превращающихся в «иконоклассиков», и поднимаемые из забвения труды ученых прошлых веков, которые стали доступны благодаря демократическому прорыву и Интернет-Галактике.

Эта книга стала продолжением бесед с Фритьофом Капрой, откликом на гениальные прозрения Мануэля Кастельса и Питирима Сорокина, Эрвина Ласло и Джамбаттиста Вико, Ильи Пригожина и Рассела Акоффа, Вячеслава Романова и Германа Хакена, Юргена Хабермаса и Петра Штомпки.

Я глубоко благодарна доктору философии Валентину Костину за его усилия по структурированию моего сознания и материала работы. Сохранившиеся недостатки следует отнести исключительно на счет моей строптивости. Однако критические замечания создадут возможность совершенствования этой работы.

Более всего мне хотелось бы раскрыть воодушевляющие возможности системного подхода, который обогащает теорию и практику управления, создавая новые возможности.

Было трудно уходить от специфических терминов, но надеюсь, что мои теоретические описания должны быть понятны всем, даже тем, кто менее восторженно, чем я, относится к красоте системного подхода, и тем, кто не владеет его терминологией. Я не очень уверена, что у меня все получилось на «отлично», поэтому не считаю свой труд завершенным.

Эта работа – опыт моего личного сопротивления, и ответ на вызов ракового заболевания.

Наталия Миронова

Сентябрь 2005 г.

Челябинск.

NI_Mironova@yahoo.com

В какое фантастическое время мы живем!
Джон Нейсбит

ВВЕДЕНИЕ

Рост влияния социальной самоорганизации на изменение моделей государственного управления связан с изменением качественных характеристик самих социальных акторов, как именуют социумы в социологии. Важнейшим свойством социумов становится рост уровня их информативности. Современные социальные акторы формируют новые типы управляющих взаимодействий. Социальная самоорганизация активно формирует новые модели управления.

Распространенный в социологии управления подход к современному обществу как к операционно замкнутой самоподдерживающейся системе не позволяет достичь понимания закономерностей возникновения социальной самоорганизации, оценить ее роль в формировании новых моделей управления. Возникает потребность в новых подходах. Наука и практика нуждаются в методологическом инструментарии, способном дать адекватное описание моделей управления в открытом обществе.

В реалиях открытого общества конформизм российской публичной политики и социологии управления все отчетливее воспринимается как кризис познания. Но это всего лишь парадигмальный кризис линейного мышления. Рост числа политических решений, приведших к социальным катастрофам, не только выдвигает требования о пересмотре допущений, лежащих в основе принятых моделей управления, но и позволяет, по Тоффлеру, «подвергнуть сомнению всю систему координат в целом». Социальные и политические решения по «замораживанию» скорости социальной самоорганизации, предлагаемые на основе упрощений линейной парадигмы, неадекватны вызовам современного информационного общества. Сложность и неоднозначность современных социальных процессов порождают активные научные дискуссии и ставят вопрос о «сдвиге» парадигмы.

Доминирующая в обществе парадигма влияет на формирование общественных представлений о государстве, его функциях, структурах, возможностях. В рамках доминирующей парадигмы формируется феномен управления, артикулируются социальные ожидания и представления о динамике социального развития общественной системы, отношение к ее устойчивости/неустойчивости. Именно отношение к неустойчивости как

свойству сложных систем выявляет различие парадигмальных культур. Если последователи линейной и организмической парадигмы относятся к неустойчивости как к девиации, требующей подавления, то последователи системной парадигмы видят в неустойчивости признак общественного развития. Параметры социальной системы и параметры управления становятся предметом исследования теории самоорганизации, уделяющей особое внимание неустойчивостям.

Социальная самоорганизация может рассматриваться как возникающее свойство сложной неоднородной динамической системы. В условиях открытых систем информационность социума и процессы самоорганизации взаимосвязаны и нарастают экспоненциально. Формируются суперинформационные социумы, в которых происходит актуализация рассредоточенного в нем управляющего потенциала. Государственное управление как энтропийный процесс трансформируется негаэнтропийными управляющими воздействиями самоорганизующихся информационных социумов. Это – новые свойства современных общественных систем. Их игнорирование приводит к ошибкам в государственном управлении.

Государственное управление в современном обществе приобретает все более энтропийный характер. Сброс энтропии управления в социум повышает неустойчивость социальной системы в целом и увеличивает ее неоднородность. Особенно ярко это проявляется в распределении власти. Неоднородность распределения власти в социальной системе требует более внимательного рассмотрения этого феномена как фактора социальных изменений. Однако современной социологией не установлена еще взаимосвязь между факторами внешней среды, внутренними параметрами социальной системы, характером взаимодействия в ней социальных акторов и возникновением различных моделей управления, не выделены факторы, предопределяющие формирование различных типов социальных систем и их бифуркации.

Современная российская властвующая элита является носителем ценностей сформировавшей ее разнородной политической ассоциации, отражающей весь парадигмальный спектр. Она подвержена влиянию различных самоорганизующихся групп. Наиболее заметным становится лоббирование изменения политики преимущественно в пользу морально-, физически-, и кадрово устаревших индустриальных монополий, сформированных в период индустриального тоталитаризма. Доминирование номенклатурно-силового представительства в государственных институтах формирует очень высокие силы противодействия переходу к постиндустриальным сферам деятельности. Влияние этих монополий на законодателя и на суд еще более сужает поле взаимодействия власти и общества, снижает влияние гражданского социума на процессы принятия решений.

Инициативы по формированию лояльных к власти общественных движений искажают естественные общественные процессы и блокируют роль общества в разрешении кризисных ситуаций. Все заметнее властвующая элита применяет технологии манипулирования кризисом и, более того, угрозой терроризма для замораживания хода общественного развития. Современная российская властвующая элита предлагает технологию выхода из возникшей неустойчивости в виде реставрации авторитарного иерархического линейного управления, сопровождая ее дополнительной мобилизацией ресурсов и замораживанием общественного развития методами теории катастроф, или теории хаоса. Утверждающийся в России тип элитарного управления ограничивает возможности общественного развития, ставит под вопрос существование государственной организации в целом.

В настоящее время в нескольких российских научных школах активно обсуждается вопрос о необходимости использования системной парадигмы для расширения возможностей управления социальными процессами, их исследования, моделирования и прогнозирования. Это Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Институт философии РАН, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Томская научная школа проф. А.В.Позднякова, ГУ Высшая школа экономики, и др.

В рамках Академии государственной службы кафедрой организации социальных систем и антикризисного управления ведутся исследовательские темы "Разработка синергетической концепции социально-организационной политики государства" и "Критерии и показатели развития социальных систем и процессов", проводятся школы интенсивного обучения, консультации региональных структур, международные и региональные научные конференции. В российской науке идет разработка новых парадигмальных подходов к исследованию социальной динамики (Н.Н.Моисеев, В.С.Степин, С.П.Курдюмов, Е.Н.Князева, В.Г.Федотова, В.Л.Романов, Р.Абдулатипов, Г.Сатаров, А.Аузан, А.Дугин, В.Белковский, С.Караганов, В. Иноземцев, С. Марков и др.). Но процесс общественного восприятия новой парадигмы требует дополнительных усилий и новых методов демонстрации ее преимуществ.

Теория самоорганизации возникает в настоящее время на стыке двух направлений современных наук: с одной стороны, это информационная теория и теория познания, а с другой – общая теория систем и термодинамика. В формировании теории самоорганизации участвуют: эволюционная биология, автопоэзисная теория эволюционирующих систем, теория алгоритмических сложностей, теория игр и принятия решений, теория драмы, теория динамических систем, теория катастроф, теория хаоса, теория сложных

адаптивных систем, системная динамика, теория нелинейных систем, теория стохастических процессов и операционных исследований и др.

Свойства сложных самоорганизующихся социальных систем рассматриваются в работах как зарубежных ученых (М.Кастельс, Д.Ури, П.Бурдые, П.Штомпка, И.Пригожин, Дж.Николис, И.Стенгерс, Г.Хакен, П.Дракер, Р.Акофф, Д.Гараджадаги, Дж.Нейсбит, Ф.Капра, А.Маслоу, Э.Тоффлер, К.Поппер, Ф.Фукуяма, И.Ансофф, Н.Винер, Э.Лоренц, К.Майнцер, Э.Ласло, У.Бек, Э.Янч, П.Сорокин и др.), так и отечественных (В.С.Степин, Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов, В.Л.Романов, В.И.Аршинов, В.С.Капустин, А.П.Назаретян, В.Н.Костюк, В.Н.Садовский, В.В.Тарасенко, В.Г.Буданов, К.Х.Делокаров, Г.Г.Малинецкий, Н.Н.Моисеев, А.А. Богданов, В.И. Вернадский и др.).

Феномен управления остается загадкой, хотя он описан приверженцами линейной парадигмы (О.Конт, М.Вебер, Ф.Тейлор, Г.Форд, Г.Спенсер, Т.Гоббс и др.), последователями организмической парадигмы (Г.Лебон, А.Файоль, Э.Гуссерль, А.Щютц, Т.Парсонс, В.Парето, Н. Сметзер, А.Тойнби, Э.Гидденс, Н.Луман, Ф.Варела, Дж. Форрестер, В.Ядов, С.Караганов и др.), представителями системной парадигмы (Ф.Фукуяма, Э.Тоффлер, П.Друкер, У.Бек, Г.Хакен, К.Поппер, А.Богданов, Л.Гумилев, Н.Кондратьев, П.Сорокин, В.Садовский, С.Курдюмов, Г.Малинецкий, В.Романов, В.Тарасенко, С.Белановский, В.Иноземцев и др.).

Некоторые ответы на загадки управления может подсказать теория властных элит, которая развивается в нескольких социологических школах. Либеральная теория элит, которой мы следуем в данной работе, предлагает кастовый подход, рассматривая элиты как касты, циркуляция которых осуществляется демократической конкуренцией (Ч.Миллз, Й.Шумпетер). Мы используем также работы современных исследователей элит (В.Скоробогачко, А. Дуки, О. Гаман-Голутвиной, О.Крыштановской и др.).

Мы почерпнули идеи просвещенного менеджмента у А.Маслоу, Э.Шейна и П.Друкера, стремление к развитию системных подходов в управлении у Р. Акоффа, социокультурные аспекты системного подхода у Д. Гараджадаги. Мы следовали эволюционному подходу Э.Ласло, А. Тойнби, Л.Гумилева, П.Сорокина, В.Парето, Д.Вико.

В работе использованы также теоретические разработки Центра продвижения системного подхода – Ackoff Center for Advancement of System Approaches, Wharton School, Института системного анализа РАН, работы кафедры организации социальных систем и антикризисного управления и кафедры социологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Московского международного синергетического форума, Института философии РАН, ГУ Высшая школа экономики и др.

Цель работы в исследовании влияния изменяющихся взаимодействий самоорганизации и управления на социальную динамику и, в частности, на динамику общественных процессов в России.

Книга состоит из пяти глав. Первая глава «Фактор парадигмы» посвящена описанию наиболее фундаментальных научных концепций, которые определяют формирование теоретических основ взаимодействия социальной самоорганизации и государственного управления. Исследована суть парадигмальных конфликтов. Во второй главе «Социальная динамика и социальные сдвиги» описаны факторы социальной динамики и влияние их сочетаний на социальные изменения. Предложены матричные модели взаимодействующих факторов и модель социокультурного поля. В качестве полюсов социокультурного поля предложено рассматривать четыре цивилизационных сценария: традиционного, авторитарного, демократического и гражданского обществ. Описаны модели и характеристики управления в каждом сценарии. Гражданское общество выделено как самостоятельный эволюционный сценарий. Третья глава «Моделирование социальной динамики» включает моделирование процессов изменений. Предложена матрица аттракторов затратности управления, показано, что аттрактор управления играет роль оператора управления функцией социокультурного поля, функцией бифуркации. Показана роль параметров порядка при формировании социальных сценариев и цивилизационных сдвигов. Предложена модель эволюционной динамики. В четвертой главе «Государственное управление и гражданская самоорганизация» рассмотрены три типа энтропийно-негаэнтропийного взаимодействия государственного управления и гражданской самоорганизации. Рассмотрены условия формирования тенденций реформаций, модернизаций и трансформаций как социальных сдвигов. Пятая глава «Управление и самоорганизация в современной России» посвящена исследованию управления и самоорганизации в современной России. Предложена модель взаимодействия моделей управления, генерируемых гражданским социумом и властвующей элитой. Исследованы дисфункции управленческих циклов. Показаны пути формирования социального управления обществом. Определяются главные тенденции социальных перемен и исследуются внутренние и внешние факторы, оказывающие значительное влияние на эволюционные переходы.

Применение системной методологии позволяет нам рассматривать эволюцию неустойчивых динамических социальных систем и их поведение в зонах неустойчивости. Системный подход позволяет наблюдать возникновение новых системных свойств и прогнозировать выбор социальных систем в точках бифуркации. Социальная самоорганизация рассматривается нами как эмерджентное свойство сложных неравновесных открытых систем. Ее исследование является крайне актуальной задачей, поскольку она, с нашей точки

зрения, определяет перераспределение власти и общественных ресурсов между правящей элитой и социумом. Автор придает особую важность исследованию процессов актуализации свойств управления самоорганизующегося социума и развития процессов «обмена неустойчивостями», связывая это с возможностями эволюции общества.

Применение матрично-топологического моделирования при построении логико-графических матриц во времени и пространстве (метод социографии) позволило использовать теоретические схемы системного подхода в качестве аналоговых моделей, описать выделенные нами феномены социальной действительности и тем самым подготовить их к пониманию и объяснению в рамках социологического знания. Нами предложены и исследованы модели взаимозависимости типов управления и форм общественной организации, предложены модели цивилизационных сценариев и проведено моделирование перехода социальной системы из одного сценария в другой в зависимости от параметров социальной системы.

Работа посвящена установлению взаимосвязей социальной динамики с типом управления, формируемым в социальной системе, исследованию возникновения в социальной системе новых свойств и влиянию этих свойств на изменение управления и на преобразование общества. Наши поиски алгоритмов социального действия и трансформации социальных структур лежат в междисциплинарной области научного знания социологии управления, социологии власти, социологии изменений и теории самоорганизации (теории сложных систем).

Те, кто захотят понять двойственность
этого переходного периода
и воспринять новую эру,
окажутся на квантовый скачок впереди тех,
кто цепляется за прошлое.
Джон Нейсбит

ГЛАВА 1. ФАКТОР ПАРАДИГМЫ

1.1. Теория самоорганизации и научный конформизм

Ошибки в управлении общественными процессами исследователи все чаще связывают с неадекватной оценкой роли социальной самоорганизации и ее взаимодействия с управлением. Современные практики управления преимущественно исходят из представления об управлении операционно замкнутой системой. Управление в операционно замкнутых системах основывается на отрицании или элиминации новых возникающих свойств системы. Одним из таких свойств является рост социальной самоорганизации. Видимой реакцией государственного управления является стремление к ее подавлению, будь то замещение, вытеснение, присоединение или замораживание.

Таким образом, для уменьшения ошибок современное государственное управление нуждается в новой методологии. Однако скорость развития новой методологии отстает от скорости социальных изменений.

Мэтр теории государственного управления Григорий Атаманчук отмечает, что «в большинстве научных исследований экскурс обращен назад, в прошлое, вместо того, чтобы на основе исторического опыта и обобщения современных процессов смотреть вперед, прокладывая путь в будущее»¹.

Один из таких путей лежит через «понимающую социологию», которая, по М. Веберу, устанавливает регулярность процессов совершенно так же, как закономерности физической природы². Поэтому мы обращаемся к теории самоорганизации (теории сложных систем).

В настоящей работе мы описываем влияние на социальные практики трех парадигмальных подходов: линейного, организмического и системного. Мы видим важную особенность современного исторического момента в

¹ Атаманчук Г.В. Синергетические аспекты государственного управления // http://www.ihik.lib.ru/philosarticles_22apr2005

² Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Русский гуманитарный интернет университет // www.i-u.ru

несостоявшемся вытеснении устаревших парадигмальных подходов. В том, что требуются дополнительные аргументы в пользу четкого разграничения парадигмальных подходов, мы убеждаемся, обнаруживая противоречия в утверждениях известных ученых. Так, например, Петр Штомпка, говоря о классическом подходе, обращается к организмической (органической) метафоре¹. В то время как В. Степин видит в организмической метафоре рефлексию сложных саморегулирующихся систем в неклассической науке².

Современный этап научного и общественного развития характеризуется противоречивыми и интенсивными поисками новых языков, новых моделей, новых культурных паттернов, с помощью которых возможно более точно описывать и понимать новые свойства современного общества, свойства, влияющие на изменение скорости общественных процессов и характер отношений между государственным управлением и социальной самоорганизацией.

Однако смене парадигмы препятствует конформистское большинство: «общественная мысль не может или не хочет осознать содержание и глубину тех факторов, которые привели Россию к самому глубокому в ее истории кризису и упорно держат ее в состоянии отсталости»³, считает Г. Атаманчук. Один из лидеров синергетической школы управления, Вячеслав Романов, объясняет этот парадигмальный конфликт, сдерживающий не только развитие науки, но социальное развитие ментальностью: «не может сформировавшееся в русле классической парадигмы мышление легко принять феномен дезорганизации как необходимый процесс социального творчества»⁴.

Содействие смене парадигмальных концептов, особенно в области взаимодействия социальной самоорганизации и государственного управления, становится жизненно необходимым. Следует отметить, что наиболее заметные шаги на этом пути делает российская синергетическая школа. Продвижение новой парадигмы через просвещение и образование становятся методом достижения цели.

Российская синергетическая школа успешно применяет теорию самоорганизации, которую называют также теорией хаоса, к управлению социальными процессами в рамках исследований Российской академии государственной службы. Ее работы отличает синергизм математического, физикалистского и социально-биологического направлений современной

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С.18–19.

² Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // <http://filosof.historic.ru>

³ Атаманчук Г.В. Синергетические аспекты государственного управления // http://www.ihik.lib.ru/philosarticles_22apr2005

⁴ Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. Гл.1. Мировоззренческие и методологические основания социальной самоорганизации и управления в контексте постнеклассической науки. М.: РАГС, 2002 // <http://www.spkurdyumov.narod.ru>

социологии (в классификации Бюлова, 1955)¹. Такой подход позволяет эффективно использовать концепты теории хаоса и предложить их аппроксимацию на социальные процессы².

В естественных науках связь между хаосом и самоорганизующимся порядком устанавливает теория самоорганизации – новый научный синтез целого ряда теорий, объединенных системным подходом. Авторитет авторов теории хаоса (И.Пригожин, Г.Хакен) и успехи ее приложения к социальной самоорганизации и менеджменту (Р.Акофф) позволяют обойти сложившиеся стереотипы и идеологемы советской социологии и обществоведения. Тем самым исследователи российской синергетической школы опережают конформистское большинство, обретают свободу творчества, необходимую и для решения нестандартных задач, сформулированных проблемами современного этапа общественного развития. Важным результатом следует считать формирование нового подхода к взаимодействию государственного управления и социальной самоорганизации.

Развивая синергетические представления о самоорганизации, В. Романов дает общее определение: «Самоорганизация – в мировоззренческом понимании – это природная реальность, имманентно присущее природе явление. Это нескончаемый процесс движения материи от простых форм ее организации к сложным, высокоорганизованным, саморазвивающимся и самовоспроизводящимся системам. В этом определяется сущность самоорганизации как процесса проявления и становления Мира»³. Однако для социального исследователя это определение выглядит лишь как рамочное. Для его использования социологу предстоит самому пройти путь бифуркационных выборов из нескольких альтернатив. Предстоит определить несколько существенных начал.

Во-первых, в какой мере самоорганизация зависит от открытости-закрытости социальной системы, в том числе, в какой мере в современном открытом мире общественная организация – государство, может сохранять свою суверенность, а именно, считаться «саморазвивающимся и самовоспроизводящимся», т.е. автономным и автопоэзным.

Во-вторых, в какой мере самоорганизация влияет на изменение культурных паттернов закрытых и открытых социальных систем, в чем состоят эти отличия, и как они влияют на изменения социальных систем.

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002. С.430.

² Г.Хакен, математик и физик, основатель синергетики, задаваясь вопросом – предсказуемы ли революции, считает, что именно разрыв между ожидаемым и действительным определяет готовность социальной системы к изменениям / Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. Москва-Ижевск. Институт компьютерных исследований, 2003. 320 с.

³ Романов В. Социальная самоорганизация и государственность. Гл.1. Мировоззренческие и методологические основания социальной самоорганизации и управления в контексте постнеклассической науки. М.: РАГС, 2002 // <http://www.spkurdyumov.narod.ru>

В-третьих, сказываются ли эти отличия на формировании управления общественными процессами, и как это определяет социальную динамику, а также тип и характер управления.

В-четвертых, как это сказывается на выборе цивилизационного сценария в точке бифуркации конкретной социальной системы.

Действительность представляется такой, какой ее конструируют исследователи и лидеры социальных изменений, использующие выбранный ими парадигмальный инструментарий. Этот интеллектуальный процесс, как заметил Г. Атаманчук, невозможен в рамках сложившегося в российской науке исследовательского подхода. Именно поэтому растет интерес социологов к проблеме смены парадигмы. Научный интерес поддерживается потребностями быстро изменяющегося современного общества.

Более того, современные аналитики предупреждают о невозможности проведения социальных изменений и прогнозирования их результатов, основываясь на успешных в прошлом моделях и методах. В то же время современная история дает примеры того, что модели будущего властвующей элитой строятся на основе воспроизводства прошлого опыта или на увлекательных обществу идеальных феноменах. Это противоречие еще раз подтверждает необходимость смены парадигмы и перехода общества к другому парадигмальному тезаурусу¹.

Следует напомнить, что концепция смены типов научного знания в контексте социальных изменений синтезирована В.С. Степиным, который выделяет три основных типа: классический, неклассический и постнеклассический². Разные парадигмы формируют различные типы социального поведения и институциональных структур. Бул и Ватсон подчеркивают различия «наборов конвенциональных предположений, которых придерживаются члены... и которые задают условия для определения того, что следует делать в определенный момент и в определенных обстоятельствах»³.

1.2. Модель парадигмальных различий

Обобщая многочисленные исследования в области управления, социологии общественных отношений и теории систем, рассмотрим парадигмальные возможности создания моделей и систем идеализации социокультурного пространства, возникающие препятствия и противоречия.

¹ Capra F. The Web of Life. A new Scientific Understanding of Living Systems. New York, Doubleday, 1996. С.5–11.

² Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // <http://filosof.historic.ru>

³ Bull H., Watson A. (eds). The Expansion of International Society. Oxford, 1984 / цитируется по: Максим Сафонов «Современные подходы к изучению международных отношений»// Международные процессы, март-апрель 2005 // <http://www.intertrends.ru/one/006.htm>.

Каждая из трех парадигм – линейная, организмическая и системная – лежащих в основе научного знания и социального действия, предлагает свои культурные паттерны, свой тезаурус, свое видение проблемы и набор ее решений, свою методологию: детерминистскую, феноменологическую, системную (рис.1).

Рис.1. Модель парадигмальных различий

Проблемы парадигмальных конфликтов и само понятие парадигмы исследовал Томас Кунн: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹. Продолжая Куна, проецируя его подход на общественные процессы, Фритьоф Капра дает еще одну формулировку: «Парадигма – это совокупность понятий, ценностей, восприятий и практик, разделяемых сообществом, которая формирует

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Изд. АСТ». 2003 г. С.17.

определенное видение реальности, основанное на том, как сообщество организует само себя»¹.

Сравнивая эти две формулы, данные с интервалом в 20 лет, мы видим возрастание научного интереса к проблемам самоорганизации общества и осознание факта влияния доминирующей в конкретном обществе парадигмы на организацию, на восприятие людьми происходящих социальных явлений, изменений и возникающих проблем и на их решение. Парадигмы содержат смыслы, формирующие социокультурную обусловленность действий и изменений.

Исследование причин общественного и научного конформизма позволяет нам высказать два суждения.

Особенностью современного общества является факт сосуществования трех парадигмальных подходов, сформировавших к настоящему времени различающиеся тезаурусы и конфликтующие представления о взаимодействии самоорганизации и управления.

Влияние социальной самоорганизации на модели управления определяется доминирующей в обществе парадигмой, содержащей набор концептов управления.

1.3. Линейная парадигма

Классическая линейная (декартовская) парадигма, называемая еще механистической, была сформулирована в 1637 году Рене Декартом и доминировала в обществе на протяжении 250 лет². Она сыграла важную роль в становлении науки³. Линейная парадигма занимает, и по сей день, сильные позиции⁴. Тем не менее, сформированная в ее рамках позитивистская методологическая доктрина была исходно дисфункциональна для описания

¹ “a constellation of concepts, values, perceptions, and practices shares by community, which forms a particular vision of reality that is a basis if the way the community organizes itself”//цитируется по Fritjof Capra “The Web of Life”. С. 6.

² Cartesius R. Discours de la methode, pour bien conduire la reason et chercher la verite dans les sciences, 1637.

³ Классическая парадигма разработала тезаурус для описания простых систем, для которых «достаточно полагать, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого. Часть внутри целого и вне целого обладает одними и теми же свойствами, связи между элементами подчиняются лапласовской причинности, пространство и время предстают как нечто внешнее по отношению к таким системам, состояния их движения никак не влияют на характеристики пространства и времени» // Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // <http://filosof.historic.ru>.

⁴ И.Пригожин приводит высказывание сэра Джеймса Лайтхилла, президента Международного союза теоретической и прикладной механики, сделанное им в 1986 г.: «...от имени широкого всемирного братства тех, кто занимается механикой...Нас не покидает коллективное желание признать свою вину за то, что мы вводили в заблуждение широкие круги образованных людей, распространяя идеи о детерминизме систем, удовлетворяющих законам Ньютона, – идеи, которые, как выяснилось после 1960 г., оказались неправильными» // Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 84–85

сложных социальных систем, как это отметил С. Белановский¹. Однако в условиях слабой социальной динамики эта дисфункциональность, заключающаяся в рефлексии частного случая и перенесении ее на целое, удовлетворяла потребностям социальных наук. Наиболее значимое социальное выражение детерминистский подход получил в модели управления, предложенной Томасом Гоббсом в 1651 году в его трактате о Левиафане². В модели Гоббса причинный детерминизм общественных взаимодействий строго ограничивал индивидуальную волю человека и его самоорганизацию.

Линейная детерминистская парадигма, в современной управленческой терминологии, формирует целенаправленную (goal-seeking) социальную систему, ресурсы которой подчинены государственной мегамашине – Левиафану. В такой системе доминирует преактивное управление, нацеленное, по Акоффу³, на прирост (продукта, объемов, мощностей и т.д.). Неэффективность управленческой деятельности в линейной парадигме нарастает, поскольку непроверяемость результатов усиливается планированием по «входу». В свою очередь такое планирование в значительной степени направлено на удержание власти действующей элитой. Артефактом линейной культуры управления становятся растущие арсеналы оружия массового поражения.

Описывая тип управления, сформированный в линейной парадигме, Владислав Тарасенко⁴ выделяет четыре фактора: (1) абстракцию цели, когда метод задания цели предопределен созданием образа будущего, нефальсифицируемого (непроверяемого) с позиций наблюдателя, погруженного в настоящее; (2) принцип локализации «входа-выхода», управленца и управляемого, субъекта и объекта управления; (3) принцип иерархии, наличие государственных институтов, формулирующих критерии управления и организующих развитие, влияющих на динамику общества через совокупность известных социальных организаций и структур; (4) принцип единства государства и общества.

1.4. Организмическая парадигма

Ускорение социальной динамики, которое невозможно стало игнорировать уже в XIX веке, выявило узость линейной парадигмы. Наблюдаемая социальная действительность не вписывалась в ее понятийный

¹ Белановский С.А. О природе научного знания. Влияние методологии на исследовательский процесс // <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/rek-lit/nauka/stat/n-znan.htm>

² Гоббс Т. Левиафан. Введение // <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/61982>

³ Ackoff R.. Transforming the Systems Movement / <http://www.spkurdyumov.narod.ru>

⁴ Тарасенко В.В. Синергетика и социальное управление. М.: ПАГС, 1998. С 47–66.

аппарат. Возникшая в механистической линейной парадигме дилемма социальной динамики решалась в «организмической» парадигме. Организмический подход был сформулирован Гербертом Спенсером в 1873 г. Спенсер, вслед за Гоббсом, использовал феномен человеческого организма. Так получило продолжение физикалистское направление социологии (социальной физики, по О.Конт), включив в организмическую парадигму особенности динамики живых сообществ: изменчивость, отбор, адаптацию.

Неклассическая (по Степину) организмическая парадигма сформирована для познания устойчиво воспроизводящихся организованностей. Следуя современному ее пониманию, она формирует смыслы самоподдерживающейся (self-maintaining) социальной системы с реактивным управлением, предпочитающим «реформации» по типу «прокрустова ложа» референтных образцов, сформированных прошлым опытом или феноменологическими представлениями о нем. Смысл управления в такой системе – в поддержании гомеостаза, равновесия в некоем феноменологическом состоянии¹. При этом организмический подход так же, как и линейный, формирует направленное в прошлое представление о времени. В социальном развитии это обрекает замкнутые системы на неадекватную оценку ресурсов и, вследствие этого, на стагнацию.

Организмическая парадигма лежит в основе традиционной теории государственного управления, выстроенной еще Платоном². Новые возникающие свойства системы, которые могли бы изменить будущее, расцениваются как девиации и отторгаются, элиминируются. Такая же участь постигает и социальную самоорганизацию, которой предоставлен выбор – либо принять форму местного самоуправления, либо диссидентства. Некоторые социологи ошибочно именно этот подход называют системной теорией общества. Выявление этой ошибки следует незамедлительно, как только появляется разъяснение, что этот подход следует отнести к ортодоксальному структурному функционализму (П. Штомпка). Хотя правильнее его было бы назвать, в соответствии с методологической последовательностью, феноменологическим структуральным функционализмом (Э.Гуссерль, А.Щютц, Э. Гидденс, Н.Луман и др.).

¹ Джон Урри так излагает теоретические представления традиционной социологии: «Всякое общество – это суверенная социальная сущность со своим национальным государством, которое определяет и обеспечивает права и обязанности каждого члена, или гражданина. Большинство основных видов социальных отношений реализуется в территориальных пределах данного общества. Государство обладает монополией юрисдикции или управления по отношению к членам общества, проживающим в пределах территории, которое занимает государство. Экономика, политика, культура, классы и т.п. структурируются социетально. В сочетании они образуют то, что обычно концептуализируется как «социальная структура». Такая структура организует и регулирует жизненные шансы каждого члена общества» // John Urry. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*. London and New York: Routledge, 2000. С.8.

² Платон. *Государство* // Избранное. М.: АСТ, 2004. С.37-385.

Постпозитивизм в социологии, методологически основанный на организмической парадигме (К.Поппер, Т.Парсонс, И.Лакатос, К.Лоренц), сформировал тезаурус для описания социальной динамики самовоспроизводящихся организационно закрытых замкнутых систем. Однако этот тезаурус оказывается несостоятельным для социальных систем в условиях открытого общества и ускорения социальных изменений.

1.5. Системная эволюционная парадигма

В условиях ускорения социальной динамики и открытого общества особую значимость приобретают свойства, обусловленные неоднородностью социальных систем и неустойчивостью общественных отношений, их зависимостью от окружающей среды. Представления о взаимодействии с окружающей средой качественно изменяют научную методологию. Научный поиск требует рассмотрения многих недетерминированных факторов внешней по отношению к системе среды. Например, возникает потребность учесть такие неустойчивости, как поведение человека, его ценности, ускорение информационных потоков в открытом обществе, рост коммуникативности социумов и, наконец, рост самоорганизации. Перечисленные смыслы и формируют тезаурус системной парадигмы.

Становление постнеклассической, в терминологии В.С.Степина, системной парадигмы и развитие системной теории относят к первой половине XX века. В этот период были сформулированы основные идеи системного мышления – представление об открытых динамических самоорганизующихся системах. Открытость, разомкнутость системы – ключевое понятие. К основополагающим трудам относят монографии В.И.Вернадского – «Учение о биосфере и ее постепенном переходе в ноосферу», 1893–1918 гг.; А.А.Богданова – «Тектология. Всеобщая организационная наука», 1913–29 гг.; Н.Д.Кондратьева – «Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения», 1922–26 гг.; П.Сорокина – «Социальная и культурная динамика», 1939 г.; Л.фон Берталанфи – «Общая теория систем», 1934–1949 гг.; Н.Винера – «Кибернетика или управление...», 1948 г. Из современников следует выделить И.Пригожина, Г.Хакена и Р.Акоффа, В.С.Степина. Факт чувствительности сложной системы к недетерминированным факторам внешней среды был сформулирован Вернером Гейзенбергом в 1930 г. как «принцип неопределенности», что ставило под сомнение закон причинности, доминирующий в линейной механистической парадигме, и открывало возможности создания новых моделей поведения неравновесных диссипативных структур.

Основу новых моделей составляет представление о динамике хаоса и порядка, возникающих в результате самоорганизации открытых неравновесных систем. В настоящее время это направление знания активно обогащает сферу делового администрирования. Нами отмечены две различные тенденции, развивающиеся внутри системного подхода. Первая тенденция состоит в том, что сложные целостности саморазвивающихся систем представляются как иерархии устойчивых состояний саморегулирующихся систем (В.Степин, Р.Акофф). Второй подход предпочитает апеллировать к сетевым структурам, уходя от образа иерархий (Д.Гараджадаги, Ф.Фукуяма).

Системная парадигма позволяет формировать целеустремленную (purposeful) социальную систему с эффективным интерактивным руководством (leading) трансформациями эволюционирующей системы. Возникающие эмерджентные свойства системы рассматриваются не как отклонения, а как источник трансформаций и эволюционного развития системы. Энергия социальной самоорганизации формирует интерактивное управление. Смысл управления – в поддержании эффективности (effectiveness) эволюционных трансформаций.

В основе системной парадигмы лежит эволюционный подход к открытым системам, который следует отличать от эволюционистского для закрытых систем. Системная парадигма базируется на понятии системы как множества взаимосвязанных элементов, порождающей новые свойства, и на доктрине возрастающей сложности и эволюционной изменчивости, обусловленной открытостью системы и ее постоянным взаимодействием с окружающей средой.

Социальным наукам системная парадигма подарила новые возможности качественного описания социальных явлений и процессов с точки зрения неравновесной динамики открытых систем, оперируя понятиями неопределенности и неустойчивости.

Более того, исследователи подчеркивают, что системная парадигма включает социальную и культурно-ценностную парадигмы, именно поэтому ее называют социокультурной парадигмой (Д.Гараджадаги). Наше исследование показывает, что третьей составляющей системной парадигмы следует считать информационную парадигму, автором которой является известнейший социолог и экономист Мануэль Кастельс.

Таким образом, оперируя системной парадигмой, мы включаем в рассмотрение смыслы социальной, культурно-ценностной и информационной парадигм. Это дает возможность, в рамках общей социальной науки, провести сравнительный анализ факторов социальной динамики сложных систем и эволюции управления в линейной, организмической и системной парадигмах.

Окончательное признание системная парадигма получила после того, как Илья Пригожин, впоследствии Нобелевский лауреат, дал новое понятие хаоса, а

Герман Хакен предложил математические модели его самоорганизации. Однако понятийный аппарат системного подхода был оформлен только к концу XX века¹. Наиболее тщательная разработка понятий проведена Расселом Акоффом². И работа эта еще продолжается.

Системный подход, базирующийся на фундаментальных социальных и физико-математических исследованиях неустойчивых динамических процессов, исключительно плодотворен. Он лег в основу синергетики³, отцом которой считают Германа Хакена, старающегося распространить действие одних и тех же концептов на социальные, физические и биологические системы. Понятие синергизма, пришедшее из управления экономикой (И.Ансофф), включает непрерывный процесс повышения эффективности использования ресурсов. Новым свойством современных социальных систем является нарастающая самоорганизация. Изменение функциональных взаимодействий сложных динамически неравновесных социальных систем исследуется с помощью операционного анализа⁴, активно развиваемого современной теорией управления экономическими процессами. Хаос рассматривается как одна из форм порядка, а его нарастание является предвестником функциональных, а затем и структурных эволюционных изменений. Таким образом, системный синтез предопределил переход к представлениям об открытых эволюционирующих системах⁵. Степин формулирует их признаки так: «Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой ("опыт" предшествующих взаимодействий). Эти структуры выступают в функции программ поведения системы»⁶. В отличие от автора, мы считаем, что следует обращать внимание не столько на опыт предшествующих взаимодействий, сколько на инновационные альтернативы, при этом целостность системы может стать предметом обсуждений.

¹ Системная парадигма вводит такие понятия, как эмерджентные свойства системы, синергетика, точки бифуркации, колебания вокруг точки бифуркации, креод, аттрактор, паттерн, системная катастрофа, потеря памяти системой при переходе на другой уровень, обмен неустойчивостью и т.д.

² Акофф Р. Акофф о менеджменте / пер. с англ. под ред. Л.А.Волковой. СПб: Питер, 2002. С.40–84.

³ Синергетика – наука о сложностях, использующая многопарадигмальный / межапарадигмальный подход, развивается европейскими учеными (Г. Хакен и др.) в рамках системной теории. Синергетика, по Степину, сосредоточивает внимание на процессах неустойчивости, состояниях динамического хаоса, порождающих ту или иную организацию, порядок. Теоретическое описание этих процессов основано на введении особых идеализаций.

⁴ Gharajedaghi J. Systems Methodology. A Holistic Language of Interaction And Design: Dealing Through Chaos and understanding Complexities. February 2004 // <http://www.acasa.upenn.edu>.

⁵ Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории // www.iph.ras.ru/~mifs/sections/articles.htm

⁶ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // <http://filosof.historic.ru>

Системный подход объединяет логический системный синтез и анализ, описательные социологические методы, математический аппарат, критерии сравнительной оценки качества альтернативных решений.

Системная методология отличается от детерминистской методологии, использующей последовательность анализа и синтеза, и отличается от организмической методологии, использующей цикл – феноменологический синтез, структуральный анализ и функциональный анализ. Отличие системной эволюционной методологии состоит в спиралевидной последовательности системного синтеза, комплементарного анализа, функционального синтеза, структурального анализа и снова системного синтеза, который формирует этим шагом уже новую систему с новыми системными свойствами¹, и т.д.

Идею открытой цикличной схемы исследования с завершением-началом каждого цикла синтезом новой системы как системы следующего уровня предложил последователь Акоффа, исследователь и консультант по управлению Джамшид Гараджидаги. Гараджидаги относит к свойствам системной методологии целостное мышление (итерацию структур, функций и процессов), операционное мышление (понимание хаоса и сложностей), системную теорию (ее социокультурные подходы), интерактивный дизайн (создание системного целого из частей)². Развивая системную методологию, Гараджидаги подчеркивает непрерывность и эволюционный характер системного подхода. Нужно отметить эволюционный характер и самой методологии.

Исходный алгоритм системного метода был сформулирован «иконотворцом» системной теории Расселом Акоффом как последовательность (1) идентификации целого, содержащего интересующий предмет, (2) рассмотрения особенностей поведения и свойств целого, (3) объяснения поведения и свойств исследуемого предмета по его роли или функции в содержащем его целом³.

Но, как показал Гараджидаги, этот подход не был всеобъемлющим для эволюционирующих систем и подлежал расширению.

В нашем исследовании путь к моделированию сложных эволюционирующих социальных систем открывает предложенное нами видоизменение цикла Акоффа-Гараджидаги, как это отображено на рис.1. Мы предлагаем следовать алгоритму: системный синтез, анализ комплементарности, функциональный синтез, структуральный анализ, системный синтез новой системы. В этом случае мы в полной мере используем системную методологию

¹ Миронова Н.И. Общественное развитие в системной парадигме. Кросс-культурные исследования: методология, опыт эмпирического анализа. Екатеринбург, 2005. С.27–31.

² Gharajedaghi J. Systems Methodology. A Holistic Language of Interaction And Design: Seeing Through Chaos and understanding Complexities. February 2004 // <http://www.acasa.upenn.edu>.

³ Акофф Р. Акофф о менеджменте / пер. с англ. под ред. Л.А. Волковой. СПб: Питер, 2002. С.28.

для исследования параметров управления и прогноза динамики сложных неравновесных социальных систем¹.

Системный подход формирует целостное представление об объекте исследования в его взаимосвязях и взаимозависимостях, в его ко-эволюции. Поэтому такой подход все чаще называют «экологическим»². Системная методология расширяет возможности исследователя, позволяя следовать нарастающей сложности социальной системы. Именно эмерджентные, возникающие, комплементарные свойства являются признаком эволюционного развития и увеличения сложности динамических систем³.

Мы используем возможности системной методологии для описания многофакторных неустойчивых социальных процессов и формирования новых социальных практик в эволюционирующих социумах. Мы исходим из того, что ключом к пониманию является выявление эмерджентных свойств социума. Именно они являются и следствием и причиной социальной динамики и эволюции.

Мы полагаем, что к таким эмерджентным свойствам, ускоряющим изменения сложившихся социальных систем и институтов, можно отнести возникающие типы взаимодействий самоорганизации и управления, а также возникновение новых параметров управления. Новые возникающие свойства, в свою очередь, участвуют в синтезе новой социальной системы, определяя вектор ее изменений. Мы намеренно абстрагируемся от политологических теорий коллективного поведения (Смелзер, Тёрнер, Парк, Блумер) и теории мобилизации ресурсов (МакАдам, Маккарти, Залд), рассматривающих формирование социальных движений «снизу» как реакцию на неоправданные ожидания (теория вулкана), и сверху (теория заговора, теория благоприятных политических возможностей). Мы солидарны со Штомпкой в том, что «социальные движения представляют собой ...промежуточную стадию в динамике возникновения новой социальной ткани, позволяя нам «ухватить» социальную реальность в момент ее рождения»⁴.

Мы используем термин «гражданский социум», следуя в этом эволюционному подходу Д.Вико, и Г.Лебона. Объединяющим фактором гражданского социума являются его базовые ценности. Говоря о социуме, мы

¹ Миронова Н.И. Возникновение параметров порядка динамически неравновесных социальных систем // <http://spkurdyumov.narod.ru/progi.htm#Pro66>.

² Capra F. The Web of Life. A New Scientific Understanding of Living Systems. New York, 1996. С.10.

³ Динамические системы–системы, в которых цикл повторяющегося взаимодействия включает новые образцы воссоздания, что запускает программу структурных изменений в системе. Система становится эволюционной, если в качестве образца выбирает более адаптивный, способный к изменениям в постоянно изменяющейся окружающей среде. Неопределенность заключается в неоднозначности использования уже известных референтных образцов.

⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений /Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С.365.

имеем в виду сложную неравновесную динамическую систему, включающую в себя три субстанции, три различные праматерии для социальных движений и групп изменений – конформистскую, реакционную и трансформационную, формирующие разнонаправленные векторы социальных изменений.

1.6. Феномен Вавилонской башни

Следует отметить, что в значительной степени на «многовекторности» социальных изменений сказывается противоречивость представлений о роли социальной самоорганизации в государственном управлении, а также слабое понимание феномена сосуществования в обществе разных парадигмальных смыслов, различающихся тезаурусов и конфликтующих представлений о взаимодействии самоорганизации и управления.

Назовем этот эффект современности «Феномен Вавилонской башни»¹ (рис.2).

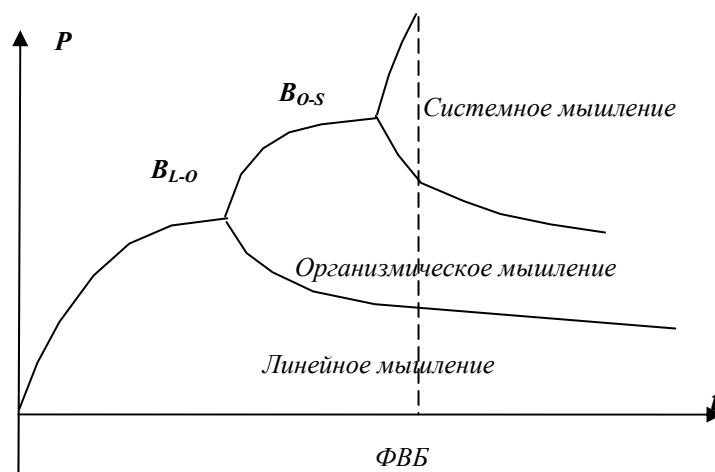

Рис.2. Феномен Вавилонской башни

Феномен Вавилонской башни затрудняет выработку консенсусных социальных практик, в частности, согласования ожиданий, препятствует объединению усилий для проведения социальных изменений. Это и формирует понятие многовекторности в государственном управлении с труднопредсказуемыми результатами.

¹Бытие, 11: 6–9 «⁶ И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; ⁷ Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. ⁸ И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. ⁹ Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» // <http://www.bible-center.ru>

Гражданскому и властному социумам, следующим различным парадигмам, трудно достичь консенсуса при согласовании базовых ценностей, трудно сформировать общее видение социального будущего, трудно согласовать ожидания, поскольку культурные паттерны взаимодействия самоорганизации и управления в названных парадигмах существенно различаются, как это показано нами и на модели парадигмальных различий на рис.1.

Феномен Вавилонской башни формирует в обществе конфликтующие предложения наборов конвенциональных моделей общественных отношений, формируемых под влиянием доминирующей парадигмы. Вектор социальных изменений зависит от «весового» распределения в обществе последователей соответствующих парадигм. Смена моделей управления отражает предпочтения доминирующей группы носителей изменений.

Анализ параметров социальной системы позволит нам в дальнейшем сделать вероятностный прогноз направления вектора социальных изменений.

Но прежде оценим влияние парадигмальных смыслов на появление новых системных свойств и включения их в социальное действие.

Досистемной наукой в рамках классической и организмической парадигм инновационные общественные инициативы и практики, направленные на изменение устоявшихся государственных или общественных институтов, рассматривалась более как негативный, дестабилизирующий процесс. Поведение социальных акторов рассматривалось как девиантное. Н.Смелзер определил новые типы поведения как девиантные, Р.Мертон рассматривал их уже в дуальности – неконформистское/аберрантное, Ф.Клакхон – как вариантное/девиантное, и т.д. Классификация и различные подходы социологов проанализированы П.Штомпкой, выделившим три типа социальных отклонений, определяемых эрозией, сопротивлением или замещением нормативных паттернов¹.

С появлением системной парадигмы и развитием теории систем и системного подхода пришло представление о возможности не только иного взгляда, но и иных социальных практик, направленных не на борьбу и политическую конкуренцию, а на сотрудничество и взаимовыгодное взаимодействие управления и самоорганизации.

В обществе с доминированием в общественном сознании и поведении линейной парадигмы самоорганизация рассматривается как «подрыв культурного ядра» общества. В организмической парадигме общественная самоорганизация либо «канализируется» в местное самоуправление, либо

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений /Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С.312-321.

маргинализируется, вытесняется из общественной жизни и, практически, элиминируется. Инакомыслящие подвергаются публичному остракизму.

Общество, оперирующее системной парадигмой, как мы уже говорили ранее, рассматривает самоорганизацию как источник трансформаций и эволюционных преобразований.

Однако отличительной чертой последних десятилетий является одновременное существование и применение, как в науке, так и на практике, всех трех парадигм. Результатом этого является широкая диверсификация научных подходов, политического и социального анализа, прогнозов и создаваемых на их основе социальных технологий и проектов.

Деятельность самого общества и оценка эффективности управления, во всей полноте этого понятия, также находятся в определенной зависимости от парадигмы. Парадигма формирует образ цели, отношение к ней и способ ее достижения. Парадигма дает тезаурус для ее визуализации. Но наступает время, когда система «перерастает» парадигму – тогда говорят о кризисе парадигмы. Если парадигма перерастает систему, говорят о кризисе системы¹. Кризис системы включает конфликт моделей и культур управления, генерируемых различными социальными акторами в точке социального «здесь и сейчас».

Исследователи, использующие синергетический подход, находят больше решений и ответов, из которых в будущем можно будет сложить всю мозаику современности. Но пока каждый ответ рождает лишь следующие вопросы. Например, Ульрих Бек, исследуя динамику современного открытого общества, обнаружил в нем формирование «надзирающих государств»², признаки которых можно отнести как к США, так и к России, явно находящимся в различных социальных морфогенетических состояниях. Пристальное внимание ученых привлекает феномен стран Юго-Восточной Азии, социальные процессы в которых изначально оценивались крайне пессимистично, но, тем не менее, из стран третьего мира в исторически короткий срок страны Юго-Восточной Азии вышли в мировые лидеры. Да и сама Россия уже четырежды за последние 15 лет сменила вектор своих предпочтений в управлении социальными процессами, но ни одно из них нельзя назвать прорывным.

¹ Белановский С.А. О природе научного знания. Влияние методологии на исследовательский процесс // <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/rek-lit/nauka/stat/n-znan.htm>

² По замечанию Бека, надзирающие государства превращаются в «государства-крепости, где на первом плане стоят безопасность и военная мощь, а свобода и демократия играют второстепенную роль...эта тенденция может привести к политике государственного авторитаризма, когда во внешней сфере идет приспособление к потребностям мирового рынка, а внутри страны господствуют авторитарные подходы. Для тех, кто выигрывает от глобализации, действуют принципы неолиберализма, а тех, кто остается в проигрыше, пугают терроризмом и засильем иностранцев и дозированно травят ядом расизма» / Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска / Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 5, с. 10– 19, С.18– 19.

1.7. Системный подход к изменяющемуся обществу

Очевидно, есть некоторые факторы социальных систем, обуславливающих их изменение, которые недоступны обнаружению в одной парадигме, но открываются в другой. Главная особенность системной методологии проявляется в том, что она нацелена на выявление социальных инноваций: возникающих системных свойств, определение новых функций (действий) системы, формирующихся на основании новых свойств, возникновение новых типов структур (институтов) и синтезирование новой системы, формируемой расширенным набором социальных действий и социальных структур. В системной парадигме не происходит «генерализации тех рамок понимания, которые в ходу у социальных акторов» (Тевено, 2003), что дает нам уникальную возможность описывать изменяющуюся среду изменяющимися образами.

Современное научное сообщество настойчиво продолжает выявлять «проходящие сквозь столетия ритмы» (Вико, Парето, Сорокин, Хабермас), пытаясь диагностировать прошедший век и предсказать будущий. Обозначим самые «горячие» с нашей точки зрения направления и тенденции исследований.

Эти поиски распределены в пересекающихся топологических пространствах: management-informatonality-mobility-mutability, т.е. управления-информационности-мобильности-изменчивости (Друкер, Кастельс, Урри, Литтл); глобальности-суверенности-элитарности-гражданственности (Хабермас, Луман, Крозье, Турен); ресурсов-эффективности-коммуникативности-ценностей (Фукуяма, Акофф, Арато, Бурдые, Федотова); риска-кризиса-адаптивности-трансформационности (Бек, Штомпка, Ядов, Белл). Мы перечислили только знаковые фигуры, оригинальных исследований гораздо больше.

Как отмечает Даниэл Белл, синергизм наук «изменяет систему аксиом и устанавливает новые связи на стыках, что изменяет топологию. Когда две науки объединяются в одну, новая сеть оказывается более богатой и четкой, чем простая сумма двух частей»¹.

Какие же свойства возникают в самом обществе и влияют на его изменения?

Прежде всего, открытость информации – важное свойство современного общества. Мануэль Кастельс пишет, со ссылкой на исследования Фернана Броделя: «Информационное, или постиндустриальное общество – это новая социальная структура во всем многообразии культур, использующая новые способы развития – информационализма, воплощенного в новых информационных технологиях и подходах... Технология не определяет общество, она воплощает его. Но и общество не определяет технологическую

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // <http://NetHistory.Ru/biblio/1043172230.html>

инновацию, оно использует ее... Мы должны ожидать возникновения исторически новых форм социального взаимодействия, социального контроля и социальных изменений»¹.

Кастельс вводит определение информационности как атрибута социальной организации, «в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации становятся фундаментальными источниками производительности и власти»². Кастельс полагает, что в информационном обществе новые способы взаимодействия социума и его внешней среды будут формировать новые типы социального поведения.

Более того, массовые перемещения, связанные с войнами или иными бедствиями, увеличивают пространственную свободу людей, их мобильность (мобильность в настоящее время Кастельсом и Урри исследуется как важнейшее свойство социума) приводит к неконтролируемому государством ускорению обмена информацией. За этим следует и техническое ускорение, которое, в свою очередь, увеличивает свободу перемещения и информационного обмена и усиливает социальную динамику.

Второе. Происходит изменение социальных и культурных норм и усиливается движение за их гуманизацию. Фрэнсис Фукуяма, американский социолог и футуролог, исследуя разрыв социальных норм и разрушение старых порядков, связывает это с успехами технологии и экономики, отмечая, что общественное развитие будет вынуждено ускоряться и переустраиваться в новых изменившихся условиях. Фукуяма считает, что переход общества от заданного сверху порядка, рожденного иерархической властью, к новым порядкам, возникающим как результат самоорганизации независимых индивидов, «является одним из наиболее интересных и важных интеллектуальных процессов нашего времени»³. Таким образом, Фукуяма, связывая разрыв ценностных паттернов с технологическими изменениями и глобализацией, обращается к возрастающей роли свободной личности.

Валентина Федотова, российский философ и социолог, исследует изменения ценностных паттернов. Она обнаруживает изменение ценностных наборов в различных парадигмах и приводит набор ценностей, включаемых в новое содержание современного понятия социального государства. Это направление формируется как «третий путь» и включает: «рост влияния гражданского общества, новые формы социального контроля, связывающие

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура: пер. с англ. Под науч.ред. О.И.Шкаратана. - М.:СЕУ, 2000. С.40.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С.43.

³ Фукуяма Ф. Великий Разрыв / пер.с англ. под общ. ред. А.В.Александровой. М.:ООО «Издательство АСТ», 2004. С.16 – 24.

права с ответственностью; переход к ответственному капитализму, «восстановление в правах» понятий общественного блага и социального равенства; сочетание индивидуализма и коммунитаризма, пересмотр концепции социальной помощи, новое отношение к проблеме занятости; учет нестабильности экосистемы, обеспечение устойчивого экологически безопасного развития; создание условий для раскрытия человеческого потенциала, признание важности социального и человеческого капитала; формирование способности жить в глобальном мире, ощущать ответственность за мир в целом». Федотова явно подчеркивает гуманистическое содержание нового набора ценностей.

Третье. Изменяется отношение к управлению ресурсами, человеческими и природными. Общество знания вытесняет эпоху «заводских труб». В этом процессе наиболее заметно, что в различных парадигмах формируется разное отношение к общественным ресурсам. Это различие определяет еще одно существенное понятие – затратности управления.

Управление в линейной парадигме строится на искусственном занижении стоимости ресурсов, направлено на прирост объемов (продукта, мощностей, богатства и др.). С этим связано, в первую очередь, нанесение ущерба социуму и окружающей среде, откуда эти объемы изымаются без адекватной компенсации, разрушая способность самовосстановления. Государство локализовано, закрыто и устойчиво, ориентировано на изъятие общественных ресурсов и покорение природы. Оно обладает уникальной полновластной возможностью управления жизнью общества и каждого человека. Представления линейной системы управления о цели формируются прошлым опытом, из прошлого берутся культурно-ценностные паттерны. Ощущение времени, таким образом, обращено назад, в прошлое. Такая система общественных отношений подавляет любую самоорганизацию – все предопределено: «выхода нет».

Управление в системной парадигме имеет четко определенную социокультурную доминанту, опирающуюся на высокую стоимость человеческих и природных ресурсов в «обществе знания»¹. Системный подход радикально меняет представления о государстве и управлении. Государство – открытая система. Власть делегируется лидеру перемен, в качестве которого может выступать как властная элита, так и информациональный социум. «Стрела времени», по Пригожину, направлена в будущее².

Четвертым свойством следовало бы назвать выявление парадигмальных противоречий и формирование культуры консенсуса. Она следует из

¹ Gharajedaghi J. On Nature of Development // <http://www.managementwisdom.com/free.html>

² Шейн обращает внимание на взаимосвязь коллективных представлений о времени и складывающейся в социуме культуры управления / Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. С. 108–120.

особенности системной парадигмы, которой является принятие «вызова дисфункциональности»: «Какой бы ни была мотивация ученых, они видят – если они мыслят в терминах системной парадигмы – что вызов заключается в отрицательных дисфункциональных чертах системы, которую они рассматривают... масштабы которых могут быть уменьшены, но не устранены вообще, поскольку предрасположенность к ним укоренена глубоко внутри системы»¹.

Различными исследователями рассматриваются отдельные сочетания выделенных нами факторов в различных парадигмах. Получаемые при этом результаты, оставаясь справедливыми в частном случае, дают отрицательный эффект при аппроксимации их на будущее. Эти противоречия привели нас к разработке предлагаемого к обсуждению теоретического подхода, позволяющего выделить полюса социокультурного поля, выстроить матрицы состояния его напряженности (по Штомпке), выделить различия эффектов различных сочетаний изменяющихся социальных факторов – параметров порядка, определяющих, с одной стороны, и определяемых, с другой, параметрами управления социальной системы.

Многие исследователи считают, что технологии и культура управления, сформированные индустриальными и политическими элитами в XX веке на основе линейной и организмической парадигм, к началу XXI века стремительно устарели. Более того, рост сложности и стоимости управления поставил общество перед проблемой истощения материальных и финансовых ресурсов. Индустриальные страны столкнулись с необходимостью многофакторного анализа при отборе перспективных технологий и путей экономического и социального развития в этих условиях. Однако воспроизводимые властвующими элитами модели управления не могут решить возникающие проблемы современного постиндустриального общества. «Прошлый опыт, в значительной мере, потерял свое значение как руководство при управлении», отмечает Е.Голубков².

Следует честно признать, что отношение исследователей к новым типам социального поведения не однозначно. Например, Хосе Ортега-и-Гассет с негодованием элитарного историка описывает новые типы социального поведения как варварскую энергию масс. В то же время Элвин Тоффлер, анатомируя разломы социальной истории, старается не только исследовать, но и предсказать скорость их развития, оценивая социальную энергию как геологическую мощь. Фрэнсис Фукуяма, Джон Нейсбит, Питер Друкер, Владислав Иноземцев рассматривают когнитивные, интеллектуальные свойства

¹ Корнаи Я. Системная парадигма // Общество и экономика. 1999. №3–4. С.87.

² Голубков Е.П. Системный анализ как методологическая основа принятия решений / Менеджмент в России и за рубежом. №3, 2003.

открытого общества, отводя им главенствующую роль в социальных изменениях. Новым свойством современного социума являются его возможности практически беспредельного информационного насыщения, формирующие общество как всемирный полис. Размывается понятие государства в привычном виде. Растворяются государственные разграничения, но отчетливо проявляются признаки вертикальной стратификации общества на две макросоциальные группы – властвующую элиту и общество. Открытое информационное общество все сильнее влияет на характер общественного социума, определяя его взаимоотношения с властвующей элитой, возможные пути эволюции общественных отношений национальных/государственных организаций и эволюцию самого социума. Оспаривая такой подход, известный немецкий социолог Никлас Луман предлагает рассматривать общество как операционно закрытую устойчивую автопоэзисную систему, считая «тривиальным факт, что никакая система не может оперировать за своими границами»¹. Луман выстраивает на этом свою социальную теорию и теорию выбора «да-нет». Подход Лумана вступает в противоречие с подходом американского исследователя систем Рассела Акоффа. Акофф уверен в ограниченности идеи сведения исследований к исследованиям операций², настаивая на том, что в системе всегда могут возникать неучтенные ранее факторы, приводящие к увеличению выбора и дополняющие выбор системы на неопределенное «или». Энтони Гидденс предлагает свою трактовку системного подхода, исследуя возможные трансформации государственного управления. Николай Лапин анализирует влияние государственного управления на общественное развитие, показывая его деструктивность.

Эта научная дискуссия подводит нас к противоречивым толкованиям открытого общества как возникающего свойства изменяющегося социокультурного пространства. Но, более того, она создает предпосылки к исследованию энтропийных характеристик государственного управления и негэнтропийных свойств социальной самоорганизации.

Исследование коммуникативных свойств социума, находящих конечное воплощение в согласовании базовых ценностей, и исследование информациональности как фактора открытости общества положили начало исследованиям характеристик современных общественных отношений. Углублению этих исследований способствует идея Андреа Арато о концептуализации общественных отношений и форм, в частности, его попытка решения парадокса социалистического тоталитаризма. Он пришел к выработке «эволюционной стратегии... на основе идеи самоорганизации общества,

¹ Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А.О. Бороноева. СПб., 1994. С. 25–42.

² Акофф Р. Акофф о менеджменте / пер. с англ. под ред. Л.А.Волковой. СПб.: Питер, 2002. С. 398–415.

воссоздания общественных связей... минуя ...контролируемую государством... коммуникацию»¹. В этом подходе можно обнаружить встроенный конфликт эволюционистского организмического и эволюционного системного представлений об обществе, конфликт представлений о закрытых и открытых социальных системах. Уязвимость своего подхода Арато сам видит в трудности сопряжения гражданской самоорганизации и жестких форм сложившегося института государственной власти. Арато отмечает глубинный конфликт между локализмом местного самоуправления и транслокальность гражданских институтов. В своей работе мы определили истоки этого конфликта в различной парадигмальной трактовке самоорганизации. Заметим, что институализация гражданской самоорганизации по канонам организмической парадигмы канализирует ее в институт местного самоуправления, замыкая, таким образом, в круге локальных проблем. Возвращая в социологию общественных отношений Гегеля, молодого Маркса и Грамши, прочитанных «от обратного», Арато представляет концепцию гражданского общества в дихотомии "государство — общество". Подобный подход, общепринятый в XIX в., был мало востребован в социальной науке XX в. Арато, с одной стороны, подходит к гражданскому обществу как движению. Но с другой стороны – ощущая проблему его институализации – допускает возможность «институционального прорыва». Он выделяет различия между социальной самоорганизацией как явлением и институционализированным гражданским обществом. В то же время, Арато признает, что на методологическом уровне анализ концепции гражданского общества преследуют смысловые неопределенности. Одним из таких смысловых парадоксов является его собственное суждение о необходимости демобилизации гражданского общества в условиях демократических переговорных процедур, ведение которых делегируется элитам и контрэлитам.

Системный подход позволяет нам в практике «демобилизации» социальной энергии самоорганизации обнаружить, не выявляемый в организмической парадигме, процесс формирования зоны социальной неустойчивости, формирование конфликта и, как следствие, возникновение и развитие нового типа социальных отношений.

Мы показываем, что системная парадигма очень оптимистична. Если следование детерминистскому подходу исходно предполагает детерминистское «выхода нет» (финализм) и исключает вообще из рассмотрения какой-либо ответ социума, а следование организмическому подходу предполагает единственно верный ответ по составленному ранее референтному образцу-модели (фатализм), то в системном подходе выявляется множество возможных ответов.

¹ Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание и направления для дальнейших исследований // Полис, 1995, №3.

Но, что еще более увлекательно, ответ, который был правильным на предыдущем цикле развития, может быть неверным на следующем. Таким образом, общество риска – это не только риск катастрофы, но это и вдохновение мастерства изменения общества путем трансформаций.

Сегодня возрастает число сторонников системной парадигмы, считающих, что она раскрывает дополнительные возможности выявления, исследования и оперирования параметрами социальных систем.

Выводы

Понимание изменений в современном обществе зависит от мировоззренческой парадигмы, доминирующей в обществе, во властвующей элите, в группах, проводящих изменения, в лидерах изменений. Исследование влияния парадигмы на свойства социальных систем и их эволюцию выявляет различия представлений об организации, управлении и самоорганизации, складывающиеся в линейной, организмической и системной эволюционной парадигмах.

Описание и анализ наборов конвенциональных предложений каждой парадигмы позволяет исследовать достоинства и возможные просчеты при применении каждой из парадигм. Сравнивая парадигмальные подходы, мы отдаем предпочтение системной парадигме, предоставляющей наибольший инструментальный набор для исследования социальных процессов в современном неоднородном неравновесном динамическом обществе.

Выдвинут тезис о сосуществовании трех парадигмальных подходов, выявлены и описаны современные особенности эволюции социальных систем и их свойств, складывающиеся в этих условиях. В разных парадигмах формируются очень различающиеся социальные практики, поведение людей, модели управления и коммуникативные способности. Показано, что данное явление увеличивает неустойчивость социальной системы.

Системная методология позволяет увидеть и описать факторы социальной динамики, обращаясь не столько к социальным теориям, сколько к парадигмальным подходам и практикам социумов. Исследование самоорганизации как возникающего свойства изменяющихся социальных систем, позволяет предложить новый взгляд на управление как на динамический, развивающийся процесс взаимодействия социальных акторов. Системный подход позволяет нам перейти от дискуссий: «кто должен править?» к исследованию «как`должно управлять».

Воодушевленные этими концепциями и системной методологией, мы переходим к строительству логических матричных моделей общественных устройств и моделей управления в зависимости от параметров самой

общественной системы. Моделируя парадигмальные смыслы, мы предполагаем наличие альтернативных типов взаимодействия гражданской самоорганизации и государственного управления в зависимости от внешних условий и внутренних свойств социальных систем. Моделирование выявляет алгоритм возникновения эмерджентных свойств сложных социальных систем и определяет поиск управляющих параметров социальной динамики.

Моделированию факторов социальной динамики и исследованию вызываемых ими изменений мы посвятим следующую главу «Социальная динамика и социальные сдвиги».

Во время взрывных перемен можно совершить чудеса – индивидуально, профессионально, институционально, - если только иметь ясный взгляд и четкую концепцию и хорошо видеть лежащую впереди дорогу.

Джон Нейсбит

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ

2.1. Факторы социальной динамики

Сформулируем основные подходы к социальной динамике, которые дает нам системная методология.

Социальная система является операционно разомкнутой сложной неравновесной динамической системой. Как было показано нами ранее¹, в неравновесной и неоднородной социальной системе всегда могут возникать неучтенные ранее факторы (emergences) самоорганизации. Хабермас и Штомпка называют их «сгущениями». Носителем таких неучтенных факторов являются само общество, его социумы в своих разнообразных потенциальных возможностях, и, наконец, сам человек и его парадигмальная культура.

Ускорение движения информации и открытость информационного пространства и повышают информационную насыщенность общества. В итоге это ведет к росту информативности социума. Информативные социумы актуализируют рассредоточенные в нем управляющие воздействия, превращаясь в субъект управления. Это воздействует на сложившиеся государственные институты, ускоряя эволюционные трансформации общества. Новые свойства создают альтернативы поведения и социального выбора, формируют неоднозначность поведения системы в точке бифуркации. Так в сложной социальной системе происходит формирование, с одной стороны, предрасположенности к изменениям, а с другой, набора альтернативных выборов эволюционных сценариев и возможностей трансформационных сдвигов². Баттерфляй расправляет свои прозрачные крылья...

Информативность социумов создает предпосылки ускорения изменений, усиливает роль самоорганизации. Общественная самоорганизация, в свою очередь, является фактором ускорения изменений. И это необратимый

¹ Миронова Н.И. Три парадигмы мышления – три подхода к государству – три культуры управления / Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции // Под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 2, часть 2. С.203–214.

² Акофф Р.Л. Акофф о менеджменте / пер. с англ. в ред. Л.А.Волковой. СПб.: Питер, 2002. С. 398–415.

процесс. Мы видим, что попытки затормозить социальное развитие приводят к нарастанию внутрисистемного конфликта. Возникает ситуация кризиса, неустойчивость увеличивается. Нарастающая неустойчивость включенным в систему наблюдателем воспринимается как хаос. Но с точки зрения внешнего наблюдателя она является объективным признаком исторически необратимых процессов изменений, обусловленных, по И.Пригожину, необратимостью времени. Таким образом, нарастающая неустойчивость непременно приведет к изменениям, если ни в этой, то в следующей зоне бифуркаций.

Сложная эволюционирующая социальная система неустойчива. В понятие неустойчивости мы включаем особую чувствительность открытой социальной системы при ее вхождении в зону кризиса к изменяющемуся набору переменных параметров. Социальные бифуркации неизбежны, они являются признаком эволюционирующей социальной системы. Вопрос лишь в том, как уменьшить социальные потери при бифуркациях, как увеличить эффективность управления общественными изменениями, как создавать команду и достигать консенсуса в согласовании базовых ценностей при управлении общественными процессами.

Рост информативности, самоорганизации и консенсуса при согласовании базовых ценностей социумов ведут к формированию качественно новых социальных тенденций. Среди них исследователи выделяют: (1) изменение отношения к риску от негативного к позитивному – люди начинают воспринимать риск как одну из сторон жизнедеятельности и как способ достижения новых возможностей; (2) запаздывание реакции социума на информационное манипулирование – реакция носит нелинейный, недетерминированный характер; (3) осознание себя субъектами управления – люди начинают более активно артикулировать свои базовые ценности и на их основе развивать свои экспертные оценки; (4) рост роли лидерства – люди начинают играть большую роль в формировании социальных изменений. Формирование этих новых социальных тенденций ускоряет смену парадигм.

Эволюция социальных систем является результатом сложного энтропийно-негаэнтропийного взаимодействия в процессе управления социальными отношениями ведущих социальных институтов – властвующей элиты и гражданского социума. В социальных системах культура эффективного управления возникает как продукт жизнедеятельности и взаимодействия социумов в процессе управления. Фактор затратности управления играет роль управляющего параметра при смене культуры управления.

Поясним используемые в этой главе термины.

Понятие культуры эффективного управления используется в формулировках эффективного просвещенного менеджмента, разработанного американским социологом и психологом Абрахамом Маслоу. Основой эффективного управления он считает творческую самоактуализацию в труде:

«Самоактуализирующий труд есть в одно и то же время и поиск и реализация самости, а также достижение состояния, в котором индивид утрачивает собственное «я», и которое является совершенным выражением его подлинной самости. Этим разрешается дихотомия между самостным и несамостным, а также интроекция причин, побуждающих человека заниматься самоактуализирующим трудом, и превращение его в составную часть его «я» что приводит к снятию различий между миром и самостью»¹.

Мы используем определение социальных институтов, выработанное в рамках английской школы – как "кластеров социальных правил, установлений и норм поведения...наборов конвенциональных предположений, которых придерживаются члены... и которые задают условия для определения того, что следует делать в определенный момент и в определенных обстоятельствах"².

Говоря о властвующих элитах, мы следуем либеральному подходу, разработанному Ч.Миллсом, Й.Шумпетером и М. Крозье, и рассматриваем властвующую элиту как касту. По Миллзу, Шумпетеру и Парето, циркуляция властвующих элит осуществляется путем демократической конкуренции.

Вводя понятие социума, мы подразумеваем согласованно действующую общность людей, характеризуемую социокультурной целостностью. Культурологический словарь расширяет понятие, вводя представление о «социуме культуры» как «особой, в чем-то близкой к полисной социальности как формы свободного общения людей в силовом поле культуры». В такой трактовке понятие «социум» применимо как к властвующей элите, так и к гражданским сообществам.

Мы разделяем далее понятие гражданского социума и властвующей элиты. Разные типы взаимодействия гражданского социума и властвующей элиты формируют разные формы общественного устройства. Используя понятие гражданского социума, мы следуем подходу Д.Вико, и противопоставляем это понятие понятию «масс» в толковании Ортега и Гассет и Г.Лебона.

Мы используем термин «бифуркация» в его широком значении. Под бифуркацией мы подразумеваем скачкообразное приобретение сложной самоорганизующейся системой уникальных, резко отличающихся от предыдущих, и от других, свойств, доминант поведения, и путей развития после прохождения системой некоторой точки – точки бифуркации. В этой точке при изменении некоторых ключевых для данной системы параметров возникает ветвление возможных путей эволюции системы. Ранее говорили о непрерывном и небольшом изменении многих параметров, но С.П. Курдюмовым был успешно

¹ Маслоу А..Маслоу о менеджменте. Гл. «Просвещенные экономика и менеджмент». СПб.: Питер, 2003. С.39.

² Bull H., Watson A. The Expansion of International Society. Oxford, 1984.

рассмотрен «режим с обострением», скачкообразное изменение ключевого параметра, что также приводит к бифуркации системы¹.

Под параметром порядка мы понимаем переменный параметр состояния системы, конкретное значение и соотношение которого определяет устойчивую структуру и квазиравновесное развитие данной диссипативной системы в межбифуркационной области. Спонтанное нарушение установившегося баланса в результате флуктуаций приводит к состоянию системы, характеризующему новыми значениями управляющих параметров.

Параметры порядка должны обладать признаком универсальности, первопричинности. В нашем исследовании мы остановились, в итоге, на трех: согласованности (консенсуса) базовых ценностей, уровня самоорганизации и уровня информациональности. В координатах этих параметров мы рассматриваем свойства социальных систем и их потенциальные возможности влияния на изменение моделей управления².

В качестве управляющих параметров мы рассматриваем операторы социальной системы. Управляющие параметры (операторы) для конкретной социальной системы являются постоянными, в то время как параметры порядка мы рассматриваем как переменные величины.

Формирование моделей управления мы рассматриваем как результат (продукт) жизнедеятельности и взаимодействия двух социумов – властвующей элиты и гражданского социума.

Точкой сопряжения социумов, участвующих в редизайне управления, становятся, по Акоффу, «креативное мышление и инновационность, которые помогут трансформациям общества» на основе ценностей «благополучия, качества жизни и возможностей развития», то есть базовых общественных ценностей.

Большие социальные потери при бифуркациях социальных систем вызывают возрастающую критику в адрес управленческой деятельности властвующих элит³. В конце 2003 года появляется концепция «редизайна» общества, отражающая попытки применить успешную в бизнесе технологию реинжиниринга к повышению эффективности управления. Сформулированная Расселом Акоффом и Шелдоном Ровиным идея исходит из того, что «только через креативное мышление и инновации общество может быть трансформировано так, чтобы достигать более равноправного распределения

¹ Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Синергетика – новые направления. Гл.2. Локализованные процессы и режимы с обострением. М.: «Знание», 1989. С. 4–16.

² Вернер Эбелинг подчеркивает важность осознания расходов и понимания моральных ценностей // Самоорганизация – глобальные стратегии оформления будущего // <http://spkurdyumov.narod.ru>

³ Голубков Е.П. Системный анализ как методологическая основа принятия решений / Менеджмент в России и за рубежом. №3, 2003.

благополучия, качества жизни и возможности развития... Новый дизайн должен тестироваться через ценности, которые подтверждают его приемлемость или неприемлемость»¹.

2.2. Согласование базовых ценностей и самоорганизация

Базовые ценности – коллективные базовые представления социума. Это универсальный параметр, этим он отличается от провозглашаемых ценностей.

Эдгар Шейн определяет базовые ценности как «паттерн коллективных базовых представлений, приобретаемых социумом при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы передавать его в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения следующих этапов адаптации и внутренней интеграции»².

Шейн определяет три уровня ценностей – *базовые* (опирающиеся на глубинные подсознательные базовые представления), *провозглашаемые* (ценности этого уровня сознания во многом определяют поведение, наблюдаемое на уровне артефактов) и *артефакты* (зримые материальные продукты группы, организационные структуры и процессы).

Мы пришли к заключению, что в неоднородной социальной системе согласование базовых ценностей как параметр порядка является более универсальным, чем параметр согласования общественных ожиданий, который мы рассматривали сначала. Психологический и ментальный фактор общественных ожиданий в своей основе опирается на культурный параметр базовых ценностей.

Высокий уровень согласованности базовых ценностей формирует согласованность общественных ожиданий и высокое доверие между социумами, культуру консенсуса. При высокой согласованности базовых ценностей и, вследствие этого согласованных общественных ожиданий и высоком уровне доверия, возникает культура участвующего управления с низкой затратностью. И наоборот, низкий уровень согласованности ценностей, их поляризация, рассогласованность ожиданий, низкое доверие ведут к повышению затратности управления.

Опираясь на вышеприведенные понятия, предложим тезис: уровень согласованности базовых ценностей и уровень самоорганизации социума определяют тип управления (рис. 3).

¹ Ackoff R., Rovin Sh. Redesigning Society / Stanford University Press, Stanford, CA, 2003. P.xii.

² Шейн Э. Организационная культура и лидерство. Питер, 2002. С. 35–51.

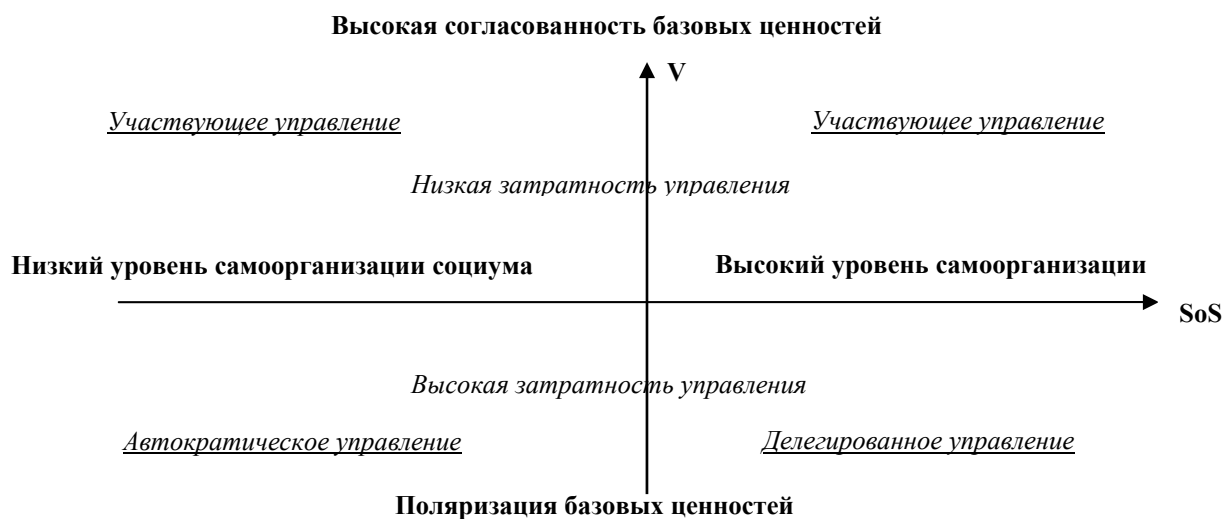

Рис. 3. Матрица культур управления в зависимости от уровня самоорганизации социума и уровня согласования базовых ценностей

Итак, уровень согласованности базовых ценностей (V) мы рассматриваем как переменный параметр порядка социальной системы, изменяющийся от поляризации до консенсуса. Согласованность базовых ценностей в ситуации неравновесия приобретает свойства когнитивного защитного механизма социальной системы.

Вторым переменным параметром порядка мы рассматриваем уровень самоорганизации социума, который вызывает актуализацию распределенного в социуме, в его социальных паттернах, управляющего потенциала. Уровень самоорганизации тоже изменяется от низкого до высокого. Затратность управления растет вместе с ростом самоорганизации, достигая наибольших величин при различающихся базовых ценностях и уменьшаясь при их согласовании.

Мы пришли к заключению, что матрица культур управления позволяет не только качественно оценить затратность управления, но и охарактеризовать типы управления: участвующего, автократического и делегированного.

Актуальность поисков взаимосвязи затратности управления и социальных параметров общества отмечена Г.В.Атаманчуком: «Между идеологией (целеполаганием) государственного управления, его организационно-регулирующим механизмом и обществом существуют очень сложные взаимосвязи, которые в условиях современного уровня информатизации приобрели совершенно новый характер».

Но в то же время Атаманчук в качестве параметров управления предлагает не согласование базовых ценностей, а целеполагание, что отражает линейный подход с его атрибутами государственного насилия: «если нет

целеполагания, то никакие силовые усилия государственного аппарата не заставят людей вести себя угодным кому-то образом. Непременно будет сопротивление – активное либо пассивное, с соответствующими негативными результатами, как для общества, так и для государственного управления»¹. Атаманчук ставит знак тождества между целеполаганием и идеологией государственного управления, которая строится на декларируемых, провозглашаемых, а не базовых ценностях. Следует отметить, что манипулирование базовыми ценностями ведет к повышению затратности управления.

Таким образом, мы видим, как ограничения логики линейного и организмического подходов возвращают российских исследователей к размышлениям в категориях целенаправляемых (goal seeking) систем. Это, в свою очередь, не позволяет изменить критериальную базу оценки эффективности, которая также привязана к целеполаганию.

Недостатки такого подхода состоят в следующем. Линейно-организмический подход формирует представление об эффективности управления по достижению идеологических целей. Идеологические цели отражают не базовые, а провозглашаемые ценности. Вытеснение базовых ценностей социума ценностями, провозглашенными властвующей элитой, приводит к размыванию идентичности социума. Управление, не опирающееся на базовые ценности социума, становится декларативным. Эффективность государственного управления определяется не повышением способности развития социума, а международной конкурентоспособностью властвующей элиты. Линейно-организмическое управление приводит к росту социальной температуры внутри системы. В случае подавления этого симптома система движется к стагнации и затуханию. Затраты на управление системой с подавленным иммунитетом возрастают. В этом случае затраты идеологически оправдываются часто недостижимыми в реальном времени целями. Такой цикл приводит к социальным издержкам, нацелен на содержание и функционирование репрессивной управленческой государственной системы. Формируется устойчивая тенденция роста затратности государственного управления. Нам еще предстоит определить, есть ли у этой тенденции ограничивающие параметры.

Количественно затратность управления можно оценить по прямым и косвенным параметрам бюджета как общие издержки управления. Качественно затратность управления определена нами, в первом приближении, как функция параметров порядка: согласованности базовых ценностей и самоорганизации гражданского социума. Определение этих свойств является необходимым, но

¹ Атаманчук Г.В. Синергетические аспекты государственного управления // http://www.ihitk.lib.ru/philosarticles_22apr2005.

недостаточным фактором, чтобы продолжить рассуждения в отношении современного общества. Поэтому рассмотрим дополнительные возникающие параметры социальной системы.

2.3. Информациональность социума

Рассмотрим еще одно свойство современного общества – информациональность социальных акторов. Это свойство мы предлагаем рассмотреть в качестве третьего переменного параметра порядка.

Еще Габриэль Тард, анализируя активность общественной жизни, отмечал, что «отсутствие быстрых сообщений ставило непреодолимое препятствие интенсивности и широкому распространению общественной жизни...». Он писал: «На долю нашего века, благодаря усовершенствованным способам передвижения и моментальной передаче мысли на всякое расстояние, выпала задача придать публике, всякого рода публике, беспредельное распространение, к которому она так способна и которое создает между ней и толпой столь резкий контраст»¹.

На то, что уровень насыщения общества информацией играет важную роль в социальных процессах, обращает особое внимание Дж. Ленски. П.Штомпка приводит высказывание Ленски: «Я склонен полагать, что в основе всех или большинства тенденций лежит одна, объясняющая остальные. Эта тенденция — рост объема информации, которой располагает человечество, особенно той, которая необходима ему для воздействия на материальный мир, т. е. технологии»². Сегодня лидером исследований в этом направлении является социолог и экономист Мануэль Кастельс.

Мы не затрагиваем в нашем исследовании очевидные явления, такие, как разрушение свободными потоками информации идеологических мифов. Нам важно понять иное – как соотношение информационности социальных акторов влияет на уровень согласованности базовых ценностей. Для этого нам предстоит еще вернуться к исследованию базовых ценностей социальных акторов, чтобы выяснить взаимосвязь координации базовых ценностей и самоорганизации с коммуникативными особенностями социальных акторов, которые являются отражением их информационности.

Прежде всего, рассмотрим информационность в категориях системной парадигмы. Будем исходить из того, что информационность является возникающим свойством открытой социальной системы. Носителем информационности является социум. Социальная система состоит из

¹ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+. 1998. С.263.

² Штомпка П. Социология социальных изменений /Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С.158.

нескольких социумов, способных обладать различающейся информационностью. Свойство информационной неоднородности является фактором социальной динамики.

Более того, разный уровень информационной активности социальных акторов формирует разный тип общественных отношений, соответствующих традиционному, авторитарному, демократическому и гражданскому обществу, и определяет характер управления – интерактивный, преактивный, реактивный.

Тип управления, находящийся также в зависимости от таких социальных факторов, как согласованность ценностей и уровень самоорганизации, отражает форму общественного устройства: традиционного, авторитарного, демократического и гражданского (рис.4).

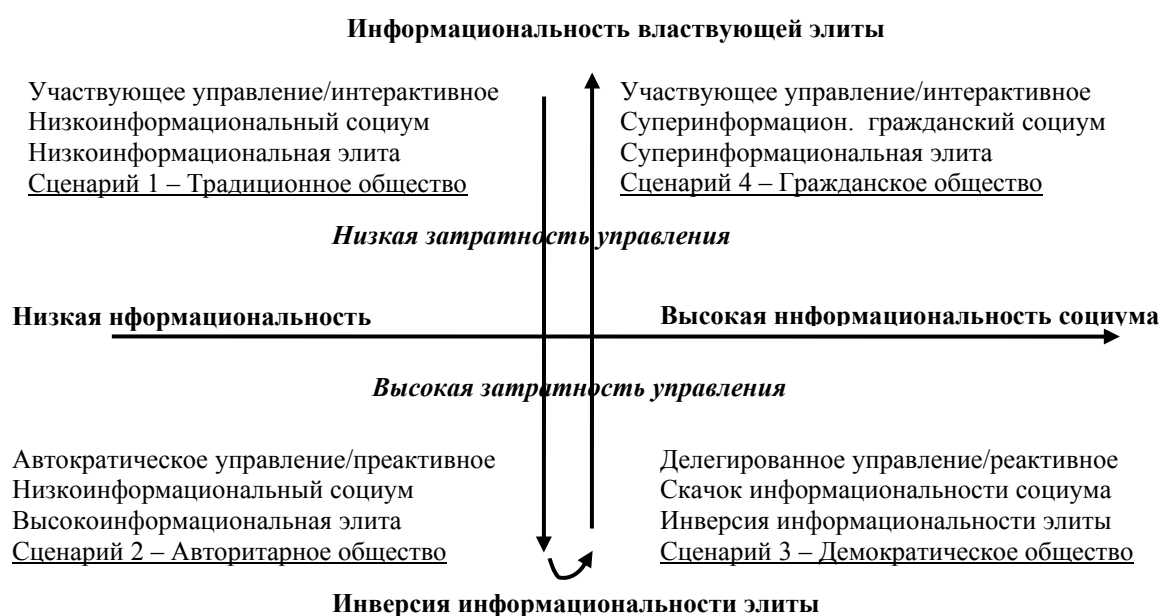

Рис.4. Модель организационного устройства общества. Зависимость управления от информационной активности социума и властвующей элиты

Таким образом, мы получаем матрицы функций: затратности управления, типа управления, характера управления и типа общественного устройства в координатах согласования ценностей, общественной самоорганизации и информационной активности социумов.

Начав наши исследования информационной активности социумов с понятия, введенного Мануэлем Кастельсом¹ и цитированного нами ранее, мы пришли к необходимости оценить динамику информационной активности социума и ввести три качественные категории – низкая информационность, информационность и суперинформационность. Для того чтобы совместить первую и вторую

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура: пер. с англ. Под науч.ред. О.И.Шкаратана. М.: CEU, 2000. С.43.

матрицы, мы используем представление об инверсии информациональности, вводя понятие суперинформациональный социум.

Суперинформациональность социума является эмерджентным свойством современного общества. Расширенное воспроизводство знаний, информационных продуктов и информационных технологий становится источником этих изменений.

Открытое общество создает свободные информационные потоки Интернета, которые не подпадают под внешние ограничения: ни под национально-государственные, ни под социально-культурные, ни под возрастные. Даже языковой барьер и имущественный ценз уже не играют заметной роли. Таким образом, с появлением Интернета возникает утверждение о глобальной природе информации. Общество впитывает информацию, как пески Сахары, создавая неведомым пока образом среди этих песков оазисы актуализации управляющих свойств.

По данным В.Костюка, число пользователей Интернета¹ в 1993 г. составляло 0,5 млн человек, в 1999 г. – уже 150 млн человек². Журнал Foreign Policy приводит данные ежегодного отчета о том, что в 2003 году в мире появилось 130 млн. новых пользователей Интернет-ресурсов. При этом основной прирост пришелся не на индустриально развитые, а на развивающиеся страны. Например, за год число пользователей Интернета в Индии выросло на 136%, а в Бразилии – почти на 79%³. В 2003 году пользователем Интернета являлся уже каждый десятый житель планеты. В общей сложности в электронную сеть имеют доступ 620 млн человек, или 9,9% населения Земли. В России активных пользователей Интернета более 13%.

В открытом информационном мире формируется знание о том, что в разных государствах живут близкие по духу, ценностям, знаниям, миссии люди. Это способствует возникновению трансграничных самоорганизующихся социальных общностей, не укладывающихся в сложившиеся представления о государственном устройстве. Глобализация размывает рамки государства, унифицируя культуры и национальные законодательства. Но важнее всего, что глобализация проявляет, делает различимыми базовые ценности и социума и властвующих элит.

Информациональность как общая характеристика отражает способность социума воспринимать информацию, структурировать ею свой социальный опыт и производить на основе этого новое уникальное знание. Это новое знание ускоряет самоорганизацию социума и актуализацию им распределенного

¹ Датой рождения Интернета считается 1990 г.

² Костюк В.Н. Теория эволюции и социальноэкономические процессы. М.: УРСС. 2001. С.103.

³ Ежегодный отчет / Foreign Policy, 2003 // <http://www.ichip.ru>

управляющего потенциала. Так возникает связь между информационностью и актуализацией управляющего потенциала – самоорганизацией социума для защиты или реализации своих базовых ценностей. Препятствиями на этом пути оказываются отсутствие институтов и ресурсов. И то и другое исторически узурпировано властвующей элитой.

2.4. Топология социального пространства

Несколько иную, но созвучную нашей, логику рассуждений мы находим у Петра Штомпки. Резюмируя исследования Coser, Dahrendorf, Ralf, Burns, Flam, Buckley, Killian, Tarrow в области структурно-преобразовательного потенциала общественных движений, Штомпка выделяет четыре его разновидности, подчеркивая, что раскрытие динамического потенциала движений возможно только в случае реализации каждой из четырех форм¹:

1) идеологического потенциала, влияющего на принятые в обществе идеи, кредо, верования, мировоззрения, представления о настоящем, образы будущего и т.д.;

2) реформаторского потенциала, выражающегося в воздействии на нормативную базу и модели поведения: «основные схватки в человеческой истории и современном обществе вращаются вокруг формирования ключевых правил систем, центральных институтов общества» (П.Штомпка со ссылкой на Барнс и Флам);

3) реорганизационного потенциала влияния на модели и каналы социального взаимодействия, коммуникационные способности новых групп и коалиций, влияющие на переход от иерархий к сетям;

4) перераспределительного потенциала, ведущего к перераспределению привилегий (Штомпка) и изменению структуры политической власти (Тарроу).

Таким образом, выделенные Штомпкой параметры перекликаются с нашей интерпретацией факторов социальной динамики: (1) консенсуса в отношении базовых ценностей, (2) самоорганизации, (3) информационности, (4) затратности управления.

Различие, как всегда, кроется в деталях. Мы рассматриваем не идеологические ценности, а базовые; не реформаторский потенциал (элиты), а самоорганизацию; не реорганизационный потенциал, а трансформационный; не перераспределение власти внутри общественной организации, а характер взаимодействия субъектов управления внутри ресурсных возможностей модели

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 357-360.

управления. Более того, мы вводим еще один управляющий параметр – парадигму.

Мы выносим мировоззрение с его представлениями о прошлом, настоящем и будущем, о власти, ее целях и ценностях, о социуме, его целях и ценностях как парадигмальный смысл.

Это позволяет провести классификацию социокультурных паттернов, моделей поведения и управления, типов взаимодействий и характера общественных отношений в тезаурусах каждой из трех парадигм. Таким образом, мы можем синтезировать социальные системы как дихотомические единства властвующей элиты и гражданского социума и исследовать возникающие свойства этих систем во взаимосвязи с изменяющимися внешними условиями. Более того, введение параметра информациональности позволяет нам дать свою интерпретацию предложенному Петром Штомпкой понятию динамического социокультурного поля¹.

Мы выделяем четыре топологических полюса, в соответствии с предложенными нами параметрами прародительских, морфогенетических состояний социума, определяющих традиционный (Т), авторитарный (А), демократический (Д) и гражданский (Г) тип общественных отношений, определяющих, в свою очередь, модель взаимоотношений самоорганизации и управления (рис.5).

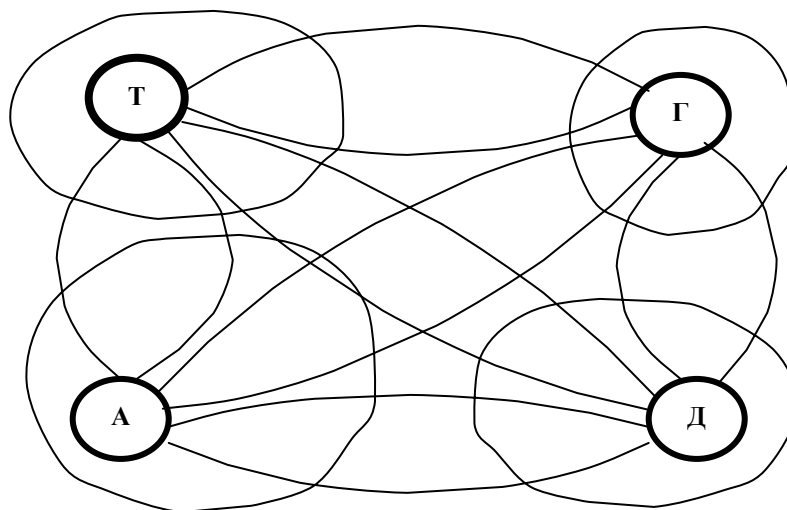

Рис.5 Топологическая матрица социокультурных полей и полюсов

Мы можем предположить, что 200 лет существования современной социологии были посвящены исследованию состояний обществ в их флуктуации

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 25–30.

в собственных окрестностях и при их перемещении от полюса «А» к полюсу «Д» и от полюса «Т» к полюсу «А».

Причем в большинстве эти исследования велись в линейно-организмических представлениях «смотреть в глаза зверю» и «укрощения масс» (Гоббс, Лебон, Ортега-и-Гассет). Такой подход сформировал, по Хабермасу, «жуткие черты эпохи, что «изобрела» газовые камеры и тотальную войну, проводимый государством геноцид и концлагеря, промывание мозгов, систему государственной безопасности и паноптический надзор над целыми народами»¹.

Начиная с Платона, учеными создавались обоснования для дискриминации общества властвующей элитой и задержки общественного развития². Это не способствовало ни росту гуманности, ни увеличению общего блага, ни формированию институтов справедливого распределения общественных ресурсов.

Матричная топология открывает новые возможности для исследования социальной динамики. Например, она позволяет высказать предположение, что широко распространенное в настоящее время политологическое определение «падающих обществ» отражает линейный подход наблюдателя к флуктуациям социальных систем в области Т-А-Т и интерпретацию динамики этих обществ в понятиях организмической парадигмы.

Предложенный нами подход расширяет представления о том, что альтернатив путей развития было и будет гораздо больше, и теперь есть возможность их понять и оценить. Даже в сочетаниях выделенных нами немногих параметров, как в любой матрице, смешанных состояний при перемещении системы от одного полюса к другому может быть гораздо больше, да и альтернативных возможностей перемещения (бифуркаций) тоже значительно больше.

Упростим задачу рассмотрением модели системы, состоящей из четырех социокультурных полюсов. В общем виде это состояние можно описать таким образом:

$$\tilde{F} = P^i [A^j \{ \sum^n | \begin{matrix} I_1 & I_2 & I_3 \\ C_1 & C_2 & C_3 \\ S_1 & S_2 & S_3 \end{matrix} \}] \quad (1),$$

где \tilde{F} – функция состояния социокультурного поля, P^i – оператор парадигмального смысла (управляющий параметр, коэффициент, сегодня мы

¹ Хабермас Ю. Учиться на опыте катастроф? Диагностический взгляд на XX век // Политические работы. М.: ПРАКСИС, 2003 // www.politizdat.ru

² Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Международный фонд «Культурная инициатива»/Soros Foundation, 1992 г. Гл.3, 4, 5, 6, 10.

знаем о трех – линейном, организмическом и системном), A^j – оператор аттрактора затратности (управляющий параметр, коэффициент, мы ниже покажем 5 аттракторов затратности). В скобках – сумма матриц параметров порядка социальных акторов (по числу «n» акторов, включаемых в рассмотрение). Матрицы составлены из переменных параметров порядка: информациональности – I, согласованности базовых ценностей (консенсус) – C, самоорганизации – S. В первом приближении можно взять три величины параметров порядка: низкая – 1, средняя – 2, высокая – 3.

Мы предполагаем также, что формирование состояний социокультурного поля зависит от параметров порядка и наличия в социокультурном поле зон неоднородности. А переход социума из одного состояния в другое зависит от сочетания управляющих параметров, скорости процессов социального «сгущения» силовых линий.

Кроме того, мы учитываем неоднородность самой социальной системы, также обладающей как минимум двумя социальными полюсами, представленными социумами властвующей элиты и гражданского социума, который приобретает свойства субъекта управления по мере увеличения его информациональности.

2.5. Модели и характеристики управления

Как следует из модели организационного устройства общества (рис.4), в условиях равенства информациональности социальных акторов возникает участвующее управление (интерактивное), свойственное традиционному и гражданскому устройствам общества. Преобладание информациональности властвующей элиты по отношению к социуму формирует авторитарное управление (преактивное), характерное для авторитарных общественных устройств. Делегированное управление (реактивное), возникающее при росте информациональности социума, приводит к его преобладанию над информациональностью властвующей элиты, что становится возможным в демократически организованном обществе.

Участвующее управление поддерживается высокой степенью согласования ценностей. Таким образом, традиционное общество при низкой самоорганизации и информациональности социума и властвующей элиты, которая часто еще не идентифицирует себя таковой, характеризуется низкой затратностью управления. Это находит подтверждение в том, что традиционные общества не нуждаются в государственных институтах. Интерактивная естественная участвующая форма управления без государственного договора соответствует традиционному обществу. Такое общество существует в условиях низкой информациональности властвующего и гражданского социумов, но

высокого уровня согласования базовых ценностей. В социально однородном обществе еще не сформирован ценностный конфликт.

Рост информациональности властвующего социума при низком уровне информациональности общества способствует установлению авторитарной власти и авторитарного общества.

Авторитарное управление, свойственное авторитарному обществу, характеризуют низкая общественная самоорганизация, высокая информациональность властвующей элиты, высокий, хотя, чаще всего скрытый, конфликт ценностей властвующей элиты и общества и, соответственно, высокая затратность управления. Чем больше различаются базовые ценности властвующей элиты и общества, тем больше ресурсов должна мобилизовать элита для защиты своих ценностей. Авторитарная элита наращивает институты репрессий, принуждения и подавления социума.

Объективный процесс ускорения обмена информацией и ее доступности повышает роль фактора информациональности, содействует формированию гражданского социума, ведет к перераспределению власти. Эти изменения формируют делегированную форму управления, развивающуюся в условиях демократического общества.

Делегированное управление присуще демократическому обществу с высокой информациональностью и властвующей элиты, и общества, высокой общественной самоорганизацией. Делегированное управление также обладает высокой затратностью, поскольку имеет низкий уровень согласованности базовых ценностей. Ресурсы на управление определяются объемом изъятых у социума общественных ресурсов. Чем выше самоорганизация общества, тем более оно может сопротивляться изъятию ресурсов на решение проблем, не соответствующих общественным ценностям и ожиданиям¹. К тому же при высокой самоорганизации гражданского социума общественные трансформации продвигают общество к разработке согласительных процедур, ведению переговоров, достижению консенсуса. При этом конфликт ценностей снижается, но уровень затрат на управление увеличивается за счет дополнительных затрат на согласительные процедуры.

Ускорение информационализации и ее инверсия формируют новое качество социума, которое называем суперинформациональностью. Суперинформациональность позволяет социуму стать носителем изменений. Именно в этот момент открыто проявляется конфликт базовых ценностей власти

¹ В 1900 году государственные расходы в нынешних постиндустриальных странах составляли менее чем одну десятую национального дохода. Затем они резко пошли вверх и достигли максимума в 1980 году, когда государственные расходы в Швеции составили 60% ВВП. Сегодня они снизились до 54%. В Голландии с 56 до 40 %. В США с 31 до 29 %. В Ирландии с 49 до 26% // Jonas Ridderstrale, Kjell Nordstrom. Karaoke capitalism. Стокгольмская школа экономики в СПб, 2004, С.52.

и общества. Тенденции перераспределения власти и ресурсов усиливаются, это ведет к разработке еще более совершенных процедур согласования ожиданий и согласования ценностей¹.

Ускорение информационализации социума в какой-то момент за счет открытости общества делает его супер-инфомациональным, гражданским, по отношению к информациональной элите.

Вводя понятие суперинформациональности, мы более глубоко раскрываем механизм принадлежащего Мануэлю Кастельсу² определения информациональности, дополняем его важным представлением самоактуализации управляющего потенциала. Характеристикой суперинформационального социума является актуализация им потенциальных управляющих способностей, производство новых управленческих знаний на основе базовых ценностей (Миронова, 2004)³.

Однако проблема конфликта ценностей в результате ускорения информациональности и инверсии не исчезает и не разрешается. Проблема инверсии информациональности выявляет противоречия и неоднородность властвующей элиты и ускоряет процессы формирования новых центров самоорганизации внутри нее самой⁴. При этом происходит дальнейший рост затратности управления/операционных расходов, что ведет к росту напряженности в социальной системе.

Участвующее управление развивается в условиях равенства информациональностей социальных акторов. В ситуации, когда властвующая элита в результате инверсии информациональности преобразуется, вслед за социумом, в суперинформациональную, происходит выравнивание информациональностей социальных акторов. Это приводит к возникновению новой государственной организации – гражданского общества (сценарий 4), и другой формы управления – просвещенного участвующего управления, в котором лидером изменений является гражданский социум, а властвующая элита преобразуется в антикризисный менеджмент.

¹ Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. С.31–32.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура // Пер. с англ. Под науч.ред. О.И.Шкаратана. М.: CEU, 2000. С. 42.

³ Миронова Н.И. Информациональное общество как фактор социальной динамики / Управление социальными, экономическими и политическими процессами в российских регионах. Международная конференция. Ч.1. Сб. статей. Екатеринбург, 2004. С.161–168.

⁴ Миронова Н.И. Процессы самоорганизации как фактор устойчивости и как фактор риска / Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции // Под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 2, часть 1. С.249–263 // <http://spkurdyumov.narod.ru/progi.htm#Pro43>.

2.6. Гражданское общество как самостоятельный эволюционный сценарий

Мы выделяем гражданское общество как самостоятельный эволюционный сценарий, существенно отличный от, казалось бы, близкого ему, демократического общества¹. Мы считаем, что новый возникший фактор суперинформациональности социумов определяет это ключевое различие.

Информационная революция и глобализация стали символами постиндустриального этапа социального развития. Процессы изменений, которые раньше растягивались на поколения или укладывались в жизнь одного поколения, вдруг стали ускоряться, формируя эффект «сжатия времени». Ускорение изменений предъявило к людям требования воспринимать изменения несколько раз в течение своей жизни. Суперинформациональный социум поддерживает эти изменения. В нем культивируется важность непрерывного обучения, быстрой и эффективной реакции на возникающие неустойчивости и видение возможностей в переменах.

Открытому информационному обществу присуща возможность взаимодействия супер-информационального социума с постоянно обновляемой информационной средой. Это ведет к ускорению процессов социальных изменений при непосредственном участии гражданского социума. Суперинформациональный социум формирует положительные обратные связи, генерируя новые управленческие технологии и модели, повышая креативность всей системы, в целом. Информационная насыщенность общества формирует более активные социумы и создает предпосылки его самоорганизации и актуализации управленческого потенциала, существующего в рассредоточенной форме в его сетевых «узелках», паттернах (сплетениях) взаимодействий и подструктур.

Следует отметить, что историческая значимость Интернета по своему влиянию на личностное и общественное развитие превосходит значение начала книгопечатания. Свободные информационные потоки взаимодействуют с каждой человеческой личностью, актуализируя его интеллектуальные и инновационные ресурсы «здесь и сейчас». Информационная революция и открытое общество формируют новые условия социальной динамики. Можно сказать, что в открытом обществе сама информация приобретает новое

¹ С демократическими институтами философия XVIII века связывала представление об Общем Благге. Считалось, что путем демократических средств принятия политических решений осуществляется достижение общего блага. Считалось, что делегирование через выборы самим народом власти индивидуумам приведет к тому, что они соберутся для того, чтобы выполнить его волю. Йозеф Шумпетер. "Капитализм, социализм и демократия". Глава 22 // <http://lib.rin.ru/doc/i/16981p.html>.

системное свойство социального ресурса изменений, влияя на ускорение самоорганизации.

Информационность, самоорганизация, сети, все это практически приводит к изменению представлений о государстве. Гуманистические ценности изменяют шкалу приоритетов. Индивидуум, его гражданские права становятся неотъемлемой составляющей управления, ее ключевой фигурой.

Самоорганизация в открытых социальных системах ведет к возникновению новых субъектов или центров управления. Формируется социальное пространство со многими источниками управляющих воздействий. Появляется возможность выбора альтернативы. Увеличение числа управляющих воздействий может стать как фактором риска, так и условием повышения устойчивости социальной системы.

Предложенный подход позволяет определить гражданское общество как возникающую самостоятельную форму общественной организации, где роль проводника изменений играет суперинформационный гражданский социум.

Мы полагаем, что именно в таком обществе формируется возможность реализовать социальное управление в его триединой цели: человеческого развития, социального развития, безопасности человека, – достигающей социально значимых и ожидаемых результатов.

Выделение в качестве параметров порядка информационной власти властвующей элиты и социума, а также затратности управления позволяет нам найти существенные различия демократической организации общества и гражданской. Суперинформационность социума определяет уровень его креативности, творческого потенциала и способности генерировать новое знание и новые модели поведения. Ключевыми характеристиками этого нового общественного состояния стали рост социальной самоорганизации и рост информационной. Эти параметры становятся управляющими, формируют новый тип поведения социума, актуализируют его потенциальные управляющие свойства. Скачок скорости обмена и обновления информации, свободный доступ к ней в современном обществе открывает возможность перехода к гражданскому обществу.

Сегодня уже очевидно, что фантом терроризма, эффективно используемый властвующими элитами для замораживания общественного развития и для укрепления собственной власти, отдаляет возможность перехода к гражданскому обществу, несущему не только инверсию информационной, но и инверсию власти.

Гражданское общество, формируемое на базе суперинформационных социумов, создает абсолютно отличную от делегированного управления форму участвующего управления. Новый характер отношений снижает затраты на

управление за счет своих неоспоримых достоинств – высокого уровня согласованности базовых ценностей и высокой активности социума.

Процедуры согласования ценностей, становящиеся основой модели эффективного управления, начинают свою родословную в традиционном обществе, но совершенно иссыхают в авторитарном. Процедуры согласования возрождаются и доводятся до совершенства в демократическом обществе. Гражданское общество отличается высокий уровень согласования базовых ценностей на основе суперинформациональных социумов.

Гражданское общество, как и традиционное, чувствительно к личностным лидерским и моральным качествам индивидуумов и представлению об Общем Благе. Рост информативности формирует тенденции изменения общественных институтов и перераспределения власти. Именно поэтому гражданское общество культурно оказывается гораздо ближе не только к демократическому, но и к традиционному обществу. Шведские исследователи Йонас Риддерстрале и Къел Нордстром, рассматривая возникающие тенденции и свойства современного информативного общества, назвали гражданский супер-информационный социум «новыми племенами»¹. Следует отметить существование различия между общиной и племенем, идущим за вождем. Описание, данное Риддерстрале и Нордстромом, более соответствует представлению об общинах.

Наша топологическая матричная модель подтверждает, что характер общественных отношений в демократическом и гражданском обществах существенно различаются. Это позволяет рассматривать формации (полюсы) демократического и гражданского обществ как самостоятельные цивилизационные сценарии.

Мы видим в современности признаки гражданского общества. Возрастает роль добровольной личностной активности на основе социальных ценностей, т.е. бесплатной, волонтерской работы на общественное благо. В первую очередь, к таким «просветителям - миссионерам» можно отнести создателей электронных библиотек и электронных информационных сайтов. Мануэль Кастельс описывает возникновение новой культуры, основанной на «ценности свободы личности, независимости мышления и сотрудничества... культура...

¹ «Новые племена – это глобальные сообщества, состоящие из людей, которые реально ощущают, что между ними есть что-то общее, и не важно, где они родились. Эти соплеменники и соплеменницы уже давно знакомы друг с другом. Они живут и делают одно и то же в одно и то же время... Вместо боулинга в одиночестве они занимаются чем-то интересным совместно в людях из самых отдаленных уголков планеты... Технология предоставляет племенам инструмент для контактов и рукопожатий – в международном масштабе. IT (информационная технология) позволяет маргиналам местного уровня занять серьезные позиции в глобальном масштабе. Кто будут эти маргиналы – хорошие или плохие люди, зависит от того, какие эти люди – хорошие или плохие. Когда эти люди объединятся в Сети и станут группой, племенем из 250 тыс. особей, они из маргиналов превращаются в серьезную силу // Jonas Ridderstrale, Kjell Nordstrom. Karaoke capitalism. Стокгольмская школа экономики в СПб, 2004, С.70.

освобождения, которая вместе с ПК (персональным компьютером) даст людям «силу информации», чтобы они смогли избавиться от власти правительств и корпораций»¹.

Особым признаком этого нового мирового социального потока являются знания и культура. Развитие Интернета обуславливает массовое развитие нового типа человеческой личности – носителей информационной культуры, генераторов знаний и идей, направляемых на достижение социальной справедливости².

Меняется отношение к труду, от фабрично-заводского подневольного к добровольной творческой самоотдаче. Основатель гуманистической психологии Абрахам Маслоу провел интересные исследования новых качественных характеристик моделей формирования новой идентичности в творческом «самоактуализирующем труде». Он выделяет превращение труда в составную часть человеческого «Я», что «приводит к снятию противоречий «между миром и самостью».

Доказывая неправомерность цинизма в отношении человеческой природы, Маслоу объединил представления о моральном в понятии самоактуализации: «Самоактуализирующий труд есть в одно и то же время и поиск и реализация самости, а также достижение состояния, в котором индивид утрачивает собственное «я», и которое является совершенным выражением его подлинной самости»³.

Опираясь на эти исследования, мы связываем личностные, индивидуально-энергетические причины самоорганизации социума с самоактуализацией личности, выявленной Маслоу в человеческой природе как: «способность к состраданию, его творческие потенции, этику, любовь, духовность и иные, сугубо человеческие, качества». По сути, Маслоу показывает неотвратимость развития просвещенного менеджмента через самоактуализацию человеческой сущности. Он трактует синергизм как культуру, в которой польза обществу приходит через пользу индивиду, который сам участвует в ее достижении: «Считайте совершенно естественной для каждого человека тенденцию к улучшению несовершенного, выправлению кривого, очищению грязного, совершенствованию производимого... На высших теоретических уровнях просвещенного менеджмента мы должны исходить из тенденции ко все большему отождествлению себя и мира, из присущего человеку стремления к достижению некоего мистического абсолюта, космического сознания, к слиянию с миром...»⁴.

¹ Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург. У-Фактория при участии издательства Гуманитарного университета. 2004 г. С.40.

² Day P., Schuler D. Community Practice in the Network Society. Routledge, 2004. P. 137-230.

³ Маслоу А. Маслоу о менеджменте. СПб.: Питер, 2003. С.39.

⁴ Маслоу А. Маслоу о менеджменте. Гл. «Просвещенные экономика и менеджмент». СПб.: Питер, 2003. С.63–82.

Изменяется роль знания. Знания в процессах самоорганизации приобретают новый характер, формируют свою новую роль. Новые модели управления, возникающие в сложной самоорганизующейся системе, сопряжены с личностным неотчуждаемым знанием. Развивая подход российского философа В. Тарасенко¹, зафиксируем, что эффективное управление, формируемое в информационных социумах, содержит четыре базовых принципа: (1) принцип неотчуждаемости знания от личности, который приводит к расширению информационных потоков, что в свою очередь создает возможность увеличения коллективного знания и повышения его качества; (2) принцип распределенности знания. Знание воспроизводится в социуме в процессе его жизнедеятельности. Важная характеристика такого социума – это его способность к самообучению; (3) принцип воспроизводства знания. Потребление и переработка знания приводят к воспроизводству нового знания и его передачи для следующего цикла потребления и переработки; (4) принцип ускорения старения знания. Скорость передачи знания, скорость обмена знаниями между субъектами взаимодействия в управляющих процессах влияют на эффективность управленческой модели. Эта модель должна соотноситься со знанием, распределенным в окружающей среде.

Таким образом, информация играет роль энергетического ресурса для социальных систем. Как показано нами ранее, сложные неустойчивые системы эффективно усваивают переизбыток энергии, формируя на границе двух систем (в зонах сопряжения, по В.Рыжову) динамические режимы быстрой обновляемости². Это означает, что не только информация, но и знание уже не является чем-то однажды данным. Знание также становится подвижной, быстро обновляемой средой, в которой формируются новые тезаурусы, вовлекаемые в социальное конструирование реальности³. Таким образом, изменчивыми становятся и социальная реальность, и ее восприятие. Способность к изменчивости способствует снижению конфликта ожиданий⁴.

Это свойство социума отмечает и американский классик теории управления Питер Друкер. Он выделяет феномен общества знания как особую социальную реальность, влияющую на динамичность жизнедеятельности общества в ритме лидеров перемен. Друкер проводит разницу между управлением и руководством. Цель руководства – сделать максимально производительными специфические навыки и знания каждого члена общества.

¹ Тарасенко В.В. Синергетика и социальное управление. М.:РАГС, 1998. С 47–66.

² Исследование автором интенсификации обмена в двухфазных средах в режиме турбулентной «живой пены» показало важность скорости обновления поверхности обмена // Миронова Н. и др. Авторское свидетельство на изобретение № 1643869. Способ вакуумной деаэрации...Государственный комитет по изобретениям и открытиям при Государственном комитете СССР по науке и технике. М., 22.12.1990.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности //Электронная библиотека Максима Мошкова // <http://www.lib.ru>

⁴ Шютц А. "Возвращающийся домой" // Электронная библиотека Мошкова / <http://www.lib.ru>.

Друкер обращает наше внимание на специфические особенности информационного ресурса. В смысле общественной доступности информация потеряла свою «редкость», делавшую ее политическим товаром. «Если я продаю информацию, она по-прежнему остается у меня. Более того, чем больше людей владеет ею, тем ценнее она становится», – описывает новые свойства информации в открытом обществе Друкер¹. Более того, свободные информационные потоки ускоряют гражданское становление социума, насыщая его не только знаниями, но и опытом самоорганизации².

Выводы

Социальная динамика определяется параметрами порядка социальной системы. Системный подход позволяет рассматривать их как эмерджентные свойства социальной системы. Выделено три таких свойства: уровень согласования базовых ценностей, уровень самоорганизации и информациональность социумов.

Моделирование в координатах самоорганизации и консенсуса базовых ценностей позволяет выявить параметр затратности управления. На основе этого параметра появляется возможность исследовать модели и характер управления. Представление социальной системы властвующего и гражданского социумов в координатах информациональности позволяет описать четыре типа общественного устройства, выделить характерные особенности управления в каждом из них.

Показана возможность исследования состояния общества на основе матричной топологии социокультурного поля. Выделено четыре полюса социальной организации: традиционное общество, авторитарное, демократическое и гражданское. Предложена формула социокультурного поля. Парадигмальный смысл включен в формулу в виде оператора. Затратность управления также представлена в качестве оператора социокультурного поля.

Социальная организация гражданского общества является новой формой общественной организации со своим набором новых признаков и свойств, описанных на основе модели. В гражданском обществе формируется новый тип просвещенного участвующего управления. Управляющее воздействие гражданского социума строится на его базовых ценностях, направлено на их защиту, гуманизирует социум и социальное пространство.

Примененный подход матричной топологии позволяет предложить модель эволюционной динамики, чему мы посвящаем третью главу «Моделирование социальной динамики».

¹ Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке // Пер. с англ. М.: «Вильямс». 2001. С.48.

² Schuler D. New Community Networks: Wired for Change, 1996 // <http://www.scn.org>.

...время неопределенности, ...это прекрасное время,
наполненное дрожжами возможностей.
Подружившись с неопределенностью,
можно достигнуть большего, чем в эру стабильности.
В стабильную эру у всего есть имя и место,
и очень мало что можно сдвинуть.
Джон Нейсбит

ГЛАВА 3. МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

3.1. Аттракторы затратности управления как операторы социальных систем

Логические модели помогают формировать видение сложностей и неустойчивостей, возникающих в процессах изменений. Моделирование позволяет имитировать функционирование объекта, использовать аналогии, упрощать сложные системы, выявлять наборы значимых параметров. Моделирование позволяет использовать социально-культурологический стержень системного подхода. Синергизм системного подхода дает возможность использовать три метафоры: гуманистическую (моральную, по Ф.Хайеку), естественно-научную (по И.Пригожину) и физико-математическую (по Г.Хакену). Анализируя модели, мы получаем вероятностное знание, которое несет в себе нечто новое, помогающее разбираться в окружающей социальной среде и предвидеть направление развития исследуемого явления.

Будем исходить из того, что управление исторически возникало как продукт жизнедеятельности социумов, как результирующая управляющих взаимодействий социальных акторов. Модель управления формируется внутри того объема ресурсов, которые обеспечивают ее существование и поддержку. Так возникает представление об аттракторе управления как некоем предельном цикле, играющем роль управляющего параметра. Изменение предельного цикла ведет к изменению модели управления. Как и изменение модели управления, в свою очередь, трансформирует предельный цикл. Но бывают исключения. Например, рост цен на нефть. Он дает возможность увеличивать размер предельного цикла аттрактора управления без прямой мобилизации ресурсов у общества. Второй пример, индустриализация позволила также увеличить размер предельного аттрактора затратности управления за счет изменения структуры труда.

Развивающейся социальной системе свойственна цикличность. На это обращал внимание еще Аристотель. Сегодня социальная динамика является предметом пристального изучения в рамках системной эволюционной

парадигмы. В рамках системного подхода мы определили характер и роль взаимодействия социальных акторов по поводу власти – интерактивного, преактивного и реактивного.

Мы рассматриваем в качестве нового важнейшего свойства социальной системы ее информациональность и вводим понятие информациональности и суперинформациональности социума, в отличие от информациональности общества в целом, по Кастельсу. Это позволяет нам учесть неоднородность общественной системы и различия информациональности властвующей элиты и гражданского социума. Мы рассматриваем воздействие различных сочетаний управляющих параметров на открытую неравновесную социальную систему.

Следуя методу матричного моделирования, мы получаем возможность описания параметрической зависимости взаимодействия социальной самоорганизации и государственного управления. Качественные и количественные характеристики управления сведены нами в матрицу аттракторов управления¹. Размышления над этой матрицей привели нас к удивительным выводам. В рассматриваемой модели нам удалось выявить и классифицировать как эмерджентное свойство системы ментальность социума, доминирующий тип поведения: Homo Sapiens, Homo Faber, Homo Ludens, Homo Divinans, и определить принадлежность каждого из них одному из типов социального состояния. Можно предположить, что в зонах флуктуации вблизи аттрактора происходит растворение одной идентичности и зарождение новой.

Под аттракторами в синергетике понимают относительно устойчивые состояния (или траектории) системы, которые "притягивают" к себе множество других траекторий системы, определяемых разными начальными условиями². С точки зрения синергетики (В.Рыжов), структуры-аттракторы выглядят как цели эволюции. Наше исследование позволяет выйти за рамки этой дефиниции синергетики и показать, что структуры-аттракторы дают представление о наборе альтернатив эволюционных сценариев. Выбор цели определяется состоянием социальной системы. Каждый сценарий социальной организации общества может существовать только в границах предельного ресурсного цикла управления данной социальной системы/

Исследуя матричную модель четырех типов общественных отношений, мы выявили пять «крайних» сценариев социальной динамики в зависимости от пяти предельных аттракторов затратности управления. Любопытно, что при таком рассмотрении аттрактор управления из функции параметров системы

¹ Миронова Н.И. Социальная эволюция и цивилизационные сдвиги: модели динамического развития социальных систем и управления / Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции // Под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 1. С.357–367.

² Рыжов В. Концепции синергетики. http://vladimir.socio.msu.ru/3_SYNERGY/index.htm.

преобразуется в оператор социальной системы и начинает определять ее свойства. В частности, выход системы за параметры своего предельного аттрактора является одним из условий эволюционного перехода из одного сценария в другой. За пределами аттрактора с точки зрения наблюдателя, включенного в систему, начинается управленческий хаос (рис.6).

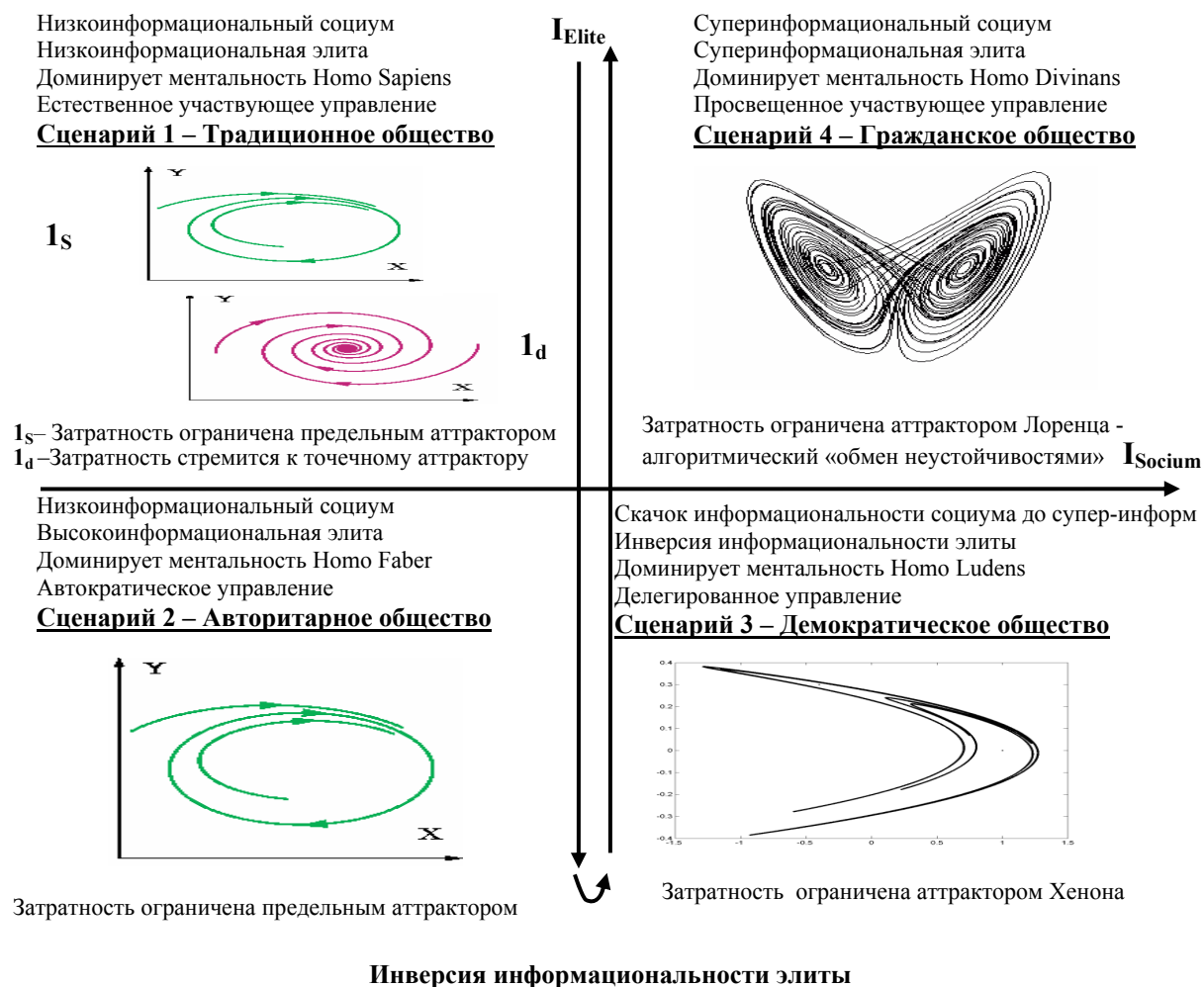

Рис.6. Матрица аттракторов затратности управления как предельного ресурсного цикла социальной системы

Но с точки зрения внешнего наблюдателя можно сказать, что за пределами аттрактора возникают возможности формирования новых моделей управления. Новая модель управления отражает потребности социума в новых типах общественных отношений, востребует инновационные социумы, влияет на формирование иной ментальности. Наступает период, благоприятный для социальных инноваций. Однако инновационные перемены являются хоть и необходимым, но не достаточным условием эволюционных переходов. Трансформации могут быть подменены модернизациями. Модернизационные

инновации, в отличие от трансформационных, сдерживают социальные трансформации, позволяют проводить дополнительную мобилизацию ресурсов, увеличивая параметры аттрактора затратности, не изменяя при этом характер аттрактора, как это следует из различий аттракторов сценариев 1_s и 2. Назовем аттрактор сценария 1_s предельным натуральным, а аттрактор сценария 2 – предельным индустриальным.

Мы предлагаем рассматривать информационность властвующей элиты и информационность социума в качестве параметров управления, позволяющих логически связать эволюционные сценарии и эволюционные переходы. Мы размещаем матричную модель предельных аттракторов LimA – качественно-количественных параметров затратности управления – в координатах информационности социума и властвующей элиты, как это показано на рис.6. Использование предложенной нами параметрической зависимости позволяет получить новые интересные результаты, расширяющие рамки принятого в социологии определения стадий общественного функционирования как аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Введение представления об аттракторах управления позволяет найти объяснения социальным изменениям, ранее остававшимся необъясненными.

Низкая информационность, и социума и элиты, формирует традиционное сообщество. Оно еще мало подвергнуто расслоению, являясь скорее однородным. Это позволяет считать уровень согласования ценностей высоким, как это показано ранее на модели на рис.3.

Традиционное общество живет, подчиняясь сезонным природным циклам. Его существование достаточно устойчиво (сценарий 1_s). В том случае, если доминирующий в обществе тип поведения человека направлен на истощение (dissolving) проблем, сообществу удастся поддерживать затратность управления в размерах предельного аттрактора.

Можно сказать, что сообщество живет по «принципу Нараямы», который был изложен в японской киноновелле «Легенда о Нараяме». Суть заключалась в том, что, получая ресурсы к существованию от полосы земли, дети могли продолжить род только тогда, когда они уводили родителей на гору Нараяма, гору Вечного Духа. Только после этого создавалась новая семья, рождались дети, которые, вырастая, в свою очередь, отводили родителей на гору Нараяма. В этом сообществе преобладает образ человека разумного «Homo Sapience».

Отклонение от «принципа Нараямы» означало игнорирование проблем истощаемости ресурсов, поведение социума становилось неразумным. Такое социальное поведение формировало другой аттрактор управления – точечный. Это означает, что в определенный промежуток времени ресурсы сообщества истощаются, и жизнедеятельность социума в его прежнем виде прекращается (сценарий 1_d). В этом случае социум переживает трансформации. Если в

социуме формируется фактор мобильности, это приводит к перемещению социума, получению им новой информации, что позволяет находить новые ресурсы. Возникает вероятность расслоения социума по признаку информациональности и перехода его в авторитарный сценарий при условии успешной мобилизации ресурсов на управление.

Расслоение общества по признаку информациональности приводит к формированию информациональной элиты в неинформациональном обществе. Эволюционный сценарий авторитарного общества существовал на протяжении 10 тысяч лет племенного, кочевого, аграрного, аграрно-индустриального и индустриального периодов общественного развития. Расслоение общества поддерживается различиями в получении и эффективном использовании информации.

Властвующая элита культивировала в обществе образ «Homo Faber», человека ремесленного¹. Рабский труд и возможность узурпации властвующей элитой продуктов этого труда приводят к тому, что ресурсные возможности управления увеличиваются за счет изъятия их у социума. Такое устройство общества возможно, пока затраты на управление остаются в рамках нового предельного аттрактора. Превышение предельных значений аттракторов затратности ведет к распаду общества. Этот распад происходит по принципу минимизации затрат социальной энергии, или минимизации производства энтропии (универсальный эволюционный принцип Гленсдорфа-Пригожина)².

В третьем сценарии – «демократического общества», неоднородность общества растет, элитарное управление сохраняется, но возникает тенденция повышения информациональности гражданского социума, связанная с увеличением мобильности, развитием транспортных и коммуникационных технологий. Информациональность социума возникает как эмерджентное свойство социальной системы открытого общества³. Идет синтез социального сообщества иного качества, члены которого способны и желают актуализировать управляющий потенциал сообщества. Гражданский социум заявляет о себе как о лидере изменений. Властвующая элита «канализирует» эту энергию изменений в согласительные процедуры и институты местного самоуправления, составляющие суть демократического общества.

¹ «...для них жизнь была всегда тяжелым бременем, физическим и экономическим. С самого рождения они были окружены запретами и препятствиями, им оставалось одно – страдать, терпеть и приспособляться...Для «простых людей» всех этих веков (до XIX) «жизнь» означала прежде всего ограничения, обязанности, зависимость, одним словом – гнет» // Ортега-и-Гассет. Восстание масс. Гл.4.

² Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуации. М.: УРСС, 2003. С. 109–125.

³ Этот феномен можно сравнить с описанными С.П.Курдюмовым «режимами с обострением», т.е. такими режимами, в которых один или несколько наблюдаемых параметров за конечное время возрастают до бесконечно больших величин // Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Синергетика – новые направления. М.: «Знание», 1989. 47 с.

В условиях демократического сценария за счет введения согласительных процедур затратность управления объективно возрастает. В то же время согласительные процедуры и местное самоуправление снижают риски несогласованности ожиданий и неэффективности управления. Это создает возможности снижения затратности управления. Возникают две разнонаправленные тенденции. По сути, затратность управления становится результирующей этих двух ведущих тенденций: роста затратности за счет согласительных процедур и уменьшения затратности за счет согласования ожиданий в согласительных процедурах и местном самоуправлении. Такая сложная интеллектуальная и политическая деятельность ведет к формированию новой ментальности и нового доминирующего поведения – игрового. Йохан Хайзенга отмечает это свойство и описывает его как образ «Homo Ludens» – человека играющего¹. Управление в этом сценарии приобретает характер делегированного управления.

Самоорганизующийся социум является замечательной особенностью этого времени. С ростом информациональности он все активнее заявляет о себе. Социум претендует на перераспределение власти и общественных ресурсов. Социум рождает новых лидеров, новые модели управления и новую ментальность, гражданскую, описанную в принципах «Human Security»². Социум формулирует все более отчетливо свои представления о справедливости и безопасности. Эти процессы сопровождаются стремительным развитием познания. В открытом демократическом обществе информациональный социум стремительно развивает свои познавательные способности. Это позволяет ему формировать свойства супер-информационального креативного социума – «Homo Divinans».

Особенность познающего сознания всегда привлекала внимание ученых. Мы исходим из того, что процесс познания и воспроизводства новых знаний носит негэнтропийный характер и является источником самоорганизации. В результате переработки информации, выработки нового знания, структурирования этим новым знанием собственного социального опыта социум приобретает новые качества. Это приводит к формированию суперинформационального социума, который начинает генерировать новые модели управления. Условия игры заставляют властвующую элиту предпринять усилия для повышения своей информациональности. Если это происходит, то

¹ С одной стороны Хайзенга отмечает усиление агонального чувства, которое движет мир в сторону игры, а с другой он убежден, что « фундамент культуры закладывается в благородной игре и что культура не должна терять это игровое содержание, дабы развить свои самые высокие качества...Нигде нет большей необходимости придерживаться установленных правил, как в общении между народами и государствами» // Йохан Хайзинга. Homo Ludens. М.: АСТ, 2004. С.317-338.

² Балувев Д. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы, т.2 №2 (5), май-август 2004 г.

следует инверсия информационности властвующей элиты, в которой она также приобретает свойство суперинформационности.

В условиях партнерства суперинформационного социума и суперинформационной властвующей элиты формируется возможность возникновения сценария гражданского общества.

Затратность управления в гражданском обществе мы описали аттрактором Лоренца, или «странным» аттрактором. В.Рыжов характеризует его так: «Фазовый портрет странного аттрактора – это не точка и не предельный цикл, как это имеет место для устойчивых равновесных систем, а некоторая область, по которой происходят спонтанные (случайные) блуждания. Странные аттракторы часто называют "привлекающим хаосом". Метафора странного аттрактора имеет глубокие онтологические корни. Это существование некоторых "сопряженных" состояний, в которые система может попадать в зависимости от предшествующего "исторического" пути. Попадая в одно из сопряженных состояний, система может спонтанно, скачком перескакивать в другое сопряженное состояние (и наоборот). Наличие "сопряженных" состояний, когда достаточно минимального воздействия на микроуровне, чтобы произошли изменения на макроуровне, показывает связь хаоса и порядка. Это способ самоорганизации, прорыв хаоса с микроуровня на макроуровень»¹. Подчеркнем, что наличие «сопряженных состояний» является условием возникновения процесса «обмена неустойчивостями».

Следуя В.Арнольду и Н.Костюку, под «обменом неустойчивостями» мы понимаем флуктуационный процесс, в котором «потенциальная альтернатива приобретает устойчивость и актуализируется, а участвующий в обмене актуальный объект теряет устойчивость, делокализуется и становится одной из бесчисленных скрытых альтернатив потенциальной реальности»².

Такое понимание позволяет высказать несколько предположений относительно возможных цивилизационных сдвигов из одного сценария в другой в зависимости от параметра информационности субъектов управления и состояния затратности управления.

3.2. Факторы социальной динамики и цивилизационные сценарии

Описывая параметр затратности управления, мы рассматриваем его как свойство социальной системы, формирующее характер взаимодействий властвующей элиты и гражданского социума. Этот характер формируется в процессах согласования базовых ценностей, самоорганизации и

¹ Рыжов В. Концепции синергетики // http://vladimir.socio.msu.ru/3_SYNERGY/index.htm

² Костюк В.Н. Теория эволюции и социальноэкономические процессы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.12.

информационализации каждого социума. В то же время взаимодействия определяются действиями рассматриваемых нами социумов как коллективных субъектов познания и действия. Действия социумов определяются видением ими их будущего или их ожиданиями этого будущего: забота о сохранении рода (*homo sapiens*), забота о поддержании деятельности «социальной фабрики» (*homo faber*), интерес к социальному театру, его перформансам (*homo ludens*), интерес к социальному творчеству, креативности (*homo divinus*).

Интересно продолжить эту мысль, обращаясь к современным исследованиям в области интеллектуальных систем поддержки принятия решений, конструируемым на основе представлений об интеллекте как «способности осмысленно приобретать, воспроизводить и использовать знания, понимать конкретные и абстрактные идеи, постигать отношения между идеями и объектами»¹.

Юрий Фролов со ссылкой на Никерсона и Перкинса перечисляет черты, характеризующие интеллект человека, которые, видимо, можно рассматривать как элементы ментальности: 1) способность классифицировать паттерны; 2) способность к адаптивному изменению и научению...; 3) способность к дедуктивному мышлению; 4) способность к индуктивному мышлению; 5) способность разрабатывать и использовать концептуальные модели; 6) способность понимать (способность видеть отношения в задачах и оценивать значение этих отношений для решения задач). Очевидно, что три характеристики – способность идентифицировать паттерны, разрабатывать в соответствии с ними концептуальные модели, находить или выбирать решения из некоторого набора, дадут различные результаты в разных типах ментальности. Эти различия формируются ограничениями смыслов в различных парадигмах.

Примером попытки прорыва сквозь парадигмальный смысл является исследование П.Штомпки. Ограничения возможностей становятся очевидными из анализа его текста: «Действие»... является атрибутивным понятием; оно суммирует определенные свойства социальной фабрики, эту «действительно действительную действительность» социального мира. Оно (действие) представляет собой то место, где сходятся структуры (способности к операциям) и агенты (способности к действиям); это синтетический продукт, слияние структурных обстоятельств и способностей деятелей».

Как видим, провидческое ощущение Штомпкой сути социального действия тут же попадает в фрейм, образ современной ему социальной действительности – социальной фабрики. Но, как мы уже знаем, это лишь одна

¹ Фролов Ю.В. Интеллектуальные системы и управленческие решения. М.: МГПУ, 2000. С.20.

из нескольких социальных реальностей с ее «структурными обстоятельствами и способностями деятелей». Включенность исследователя в социальную действительность ограничивает возможности творчества и создает смысловые противоречия.

Рассмотрение нами, по крайней мере, четырех сценариев социальной действительности как полюсов социального пространства, формирующих свои социальные смыслы, структуры, действия и взаимодействия, формирующие различающиеся системы управления, четырех типов коллективных субъектов познания позволяют разрешить отмеченные противоречия и расширить представления о социальных действиях и формируемых ими социальных действительностях, а также о социальных изменениях как о дрейфе системы из одной социальной действительности в другую в условиях и в направлении минимизации аттрактора управления, уменьшения величины производства энтропии, что Гленсдорфом и Пригожиным рассмотрено как «универсальный критерий эволюции»¹.

Мы отметили, что различные взаимодействия социальных акторов (интерактивные, реактивные, преактивные) с присущей им ментальностью и свойствами (параметрами порядка) формируют различные практики управления.

Многие исследователи определяют или описывают сложившуюся к настоящему времени систему управления как элитарную². Эта система выпестована как социальный смысл исторически долгим периодом автократического общества и получила лицензию на деятельность в сравнительно молодом демократическом обществе. Но смысл демократического общества уже вступает в противоречие со смыслом элитарной власти. Это и заставляет подвергать анализу власть и ее носителей. Исследуем дилемму, используя параметр затратности управления.

Главными проблемами элитарной иерархической модели управления являются ее затратность и неэффективность, что приводит к деградации общественных ресурсов³. Быстрое истощение общественных ресурсов ведет к

¹ Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуации. М.: УРСС, 2003. С. 109–125.

² Миллз Ч. Власть элит. М., 1991. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959.

³ В период ускорения информационного насыщения властной элиты обостряется борьба за власть внутри самой властной элиты, которая идет между политическими группами и карьерной бюрократией. Как предсказал в 90-х годах Элвин Тоффлер: «во времена быстрых перемен выход за пределы замкнутого круга министерств или департаментов является, по-видимому, единственным способом добиться чего-то. Это ... приводит к образованию неформальных организационных единиц, а те все больше разрушают правительство, конкурируя с официальной бюрократией и истощая ее... Эта организационная агония начнется, когда политики будут пытаться совладать со все более настойчивой мировой системой и теми опасностями, которые обрисованы ранее – от не имеющих прецедента в прошлом кризисов, связанных с окружающей средой, до взрывоопасной межэтнической вражды и усиливающегося фанатизма». Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: Изд. АСТ, 2004. С.316.

тотальной экспроприации, присвоению элитой права их распоряжения, и перераспределения ресурсов на основе клиентской модели. Все это сопровождается отсутствием реальной ответственности, «организационными шумами», искажающими управляющий сигнал, несвоевременностью, подменой проблем социума возможностями управляющей системы.

Следует отметить, такую систему время от времени сотрясают кризисы. Современные исследователи считают кризисы непременной составляющей эволюционного развития сложных динамических социальных систем. Кризисы сопровождают краткие в историческом масштабе периоды перехода из одного социального состояния в другое. В то же время В.Л.Романов считает, что понятие кризиса, применительно к социальной системе, в его четком определении еще не сложилось. Он предлагает рассматривать кризис «...не как "апогей дезорганизации", а как момент реализации потенции динамического хаоса, проявляющийся внезапным спонтанным образованием структур (самоорганизацией)»¹. Такой поворот был бы чрезвычайно полезен для социальной системы, поскольку уменьшил бы затратность управления.

В то же время нельзя не заметить устойчивость казалось бы неэффективной элитарной модели управления, сформированной в линейной и организмической культуре. Эта модель поддерживается системой барьеров защиты, обеспечивающих операционную замкнутость системы, удерживающих ее от цивилизационного сдвига. Создание и обслуживание барьеров защиты выталкивает систему к ее предельному аттрактору управления, за которым ее неминуемо ждет цивилизационный сдвиг. Уменьшение социальных потерь в этом сложном переходе зависит от того, какой тип управления, какая культура и какая парадигма доминируют в конкретном обществе в конкретный момент социальных изменений.

Системный эволюционный подход дает определение эффективного управления, эволюционного (просвещенного) менеджмента, включающего «трансформации для повышения эффективности» (Акофф). Трансформации позволяют переводить систему от одного социального сценария к другому. Оперирование затратностью управления позволяет расширить сферу исследования, объяснить исторические парадоксы и получить новые результаты.

Отметим некоторые понятия. В понятие «цивилизационный сдвиг» мы включаем обобщающее представление об информационных и социетальных, т.е. культурно-ценностных изменений, определяющих вероятность переходов из одного сценария общественного устройства в другой. Теперь мы можем сказать, что цивилизационный сдвиг определяет также смена аттрактора управления.

¹ Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. М.:РАГС, 2003. Гл.2.

Как отмечает Э. Ласло, «отличительный признак эволюционного изменения состоит в том, что необратимое изменение должно включать в себя процессы, приводящие к возникновению или, по крайней мере, к сохранению упорядоченной структуры в пространстве и времени»¹.

Эволюцию динамических систем во времени оказалось удобным анализировать с помощью фазового пространства — многомерного пространства обобщенных параметров социальной системы. В фазовом пространстве состояние системы отображается точкой, а изменение — траекторией фазовой точки в фазовом пространстве. Фазовое пространство — это геометрический образ, способствующий передаче информации.

Рассмотрим динамику общественного развития (рис.7).

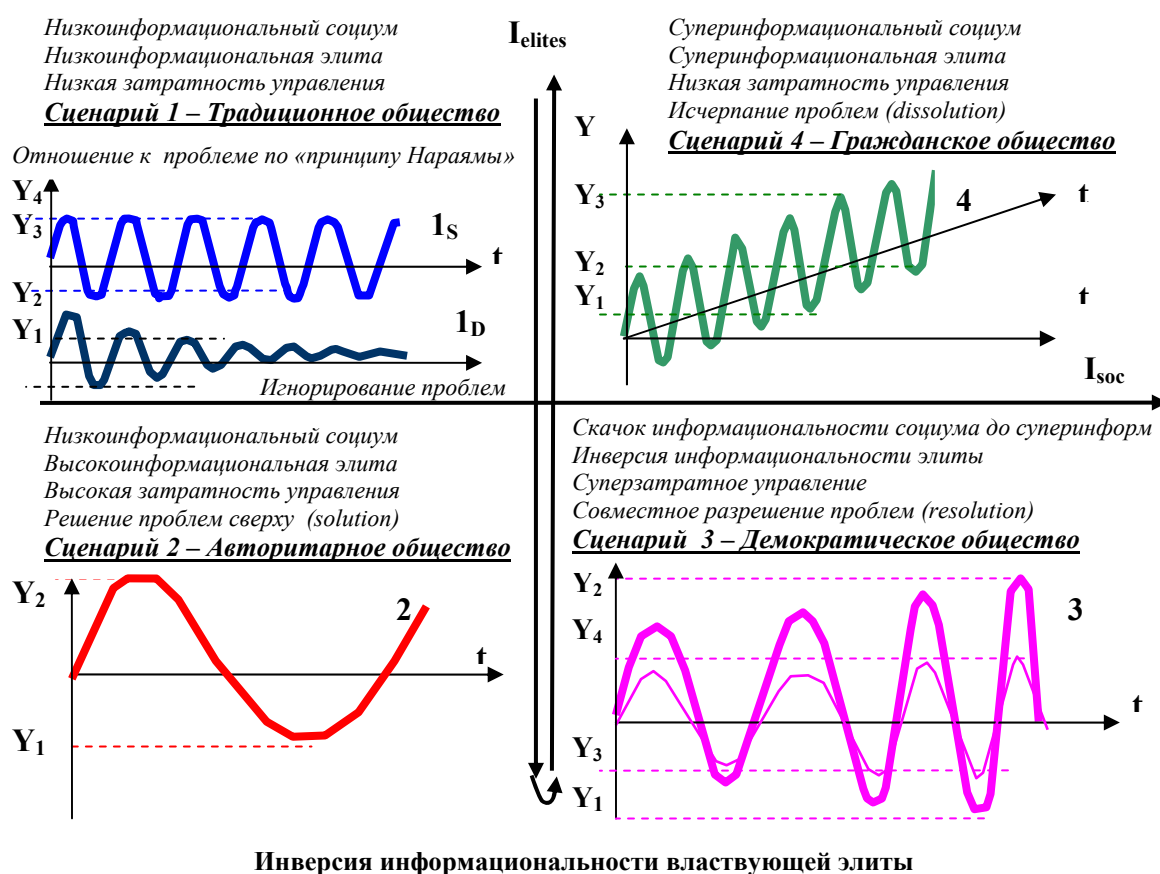

Рис.7. Модель эволюции социальных систем во взаимосвязи организационного сценария с затратностью управления (Y) и в зависимости от информативности социальных акторов (I)

Каждый из сценариев общественного развития, формируемых в рамках присущего ему аттрактора управления, формирует свой набор парадигмальных

¹ Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории // www.iph.ras.ru/~mifs/sections/articles.htm

методов, которые в этом сценарии предпочтительны для решения возникающих проблем. Различие парадигмальных подходов формирует и четыре известных в настоящее время различия в отношении к проблемам: истощение, игнорирование, решение сверху, или, наконец, совместное разрешение.

3.3. Темпомиры и эволюция социальных систем

Анализ динамики позволит нам оценить историческое время формирования культуры управления и возможности ее трансформаций. Исследованию параметров социальной волновой динамики уделяется большое внимание. Динамика общественного развития рассматривается в науке как процесс сочетания социальных подъемов и спадов, определяемый различными сочетаниями разных параметров (Н.Кондратьев).

Сценарии социальной динамики представлены нами в виде временных рядов в фазовом пространстве аттракторов затратности управления динамически неустойчивых систем и в координатах информациональности социальных акторов.

Достаточно интригующим является не только возникающие при таком представлении дополнительные аргументы в пользу дискретности социального времени, но и вывод об отличии социального времени от времени хронологического. Этот вывод сформировался, когда мы предположили, что нет предопределенной последовательности попадания системы в выделенные нами сценарии социальной системы. Состояния могут наступать в зависимости от сочетания внешних и внутренних факторов, не исключая системную деструкцию. Системная деструкция свидетельствует о мгновенном (в историческом времени) локальном изменении свойств поля. В таких точках деструкции социальная система может сделать выбор из альтернативных сценариев, следуя принципу минимизации энтропии. Ее предпочтения зависят от присущего системе в момент выбора набора рассматриваемых параметров: согласования ценностей, самоорганизации, информациональности, затратности управления. Может оказаться, что социум «повернет свое время вспять», выбрав традиционный сценарий из авторитарного, а может оказаться, что социальная система воспользуется системой эволюционного лифта и перепрыгнет через сценарий. Шкала отсчета играет основную роль. Она различна в разных парадигмах. Ценности прогресса могут проявиться как регрессивные (в отличие от общепринятого мнения, что это прогрессивные ценности), если моральные критерии достижения прогресса не будут отвечать базовым ценностям социума.

Еще одно предположение касается различной дискретности времени для властвующей элиты и социума. Штомпка характеризует дискретность социального времени, как «социально ожидаемую длительность»¹. Следуя логике Штомпки, отметим, дискретность времени властвующей элиты и социума различна, и ограничена ожидаемой длительностью их социальной жизни. Для элиты это от 4 до нескольких десятков лет, в то время как для социума это время измеряется временем жизни этноса.

Рассматривая процессы социальной и культурной динамики, Питирим Сорокин определил периоды социальных колебаний около 1200 лет². Лев Гумилев, анализируя общество в его космо-этногенезе, называет период полного затухания этногенеза равным 1200–1500 лет³.

Но в то же время, Гумилев заметил тенденции сокращения периода колебаний этногенеза до 500 лет в период до VI века н.э. до 300 лет, в последующие 12 веков. Николай Данилевский оценил цивилизационный цикл в 400–600 лет⁴. Поскольку социальных изобретений в истории человечества было значительно меньше, чем технологических, то и период социальных колебаний был значительно больше. Социальное развитие человечества менее динамично, чем технологическое.

Однако уже началу XX века колебательный период социальных изменений ускорился до 40-70 лет, и соответственно, резко сократилось время адаптационных преобразований, или модернизаций, которое приблизительно можно считать равным половине периода. В те же годы известный русский экономист, Николай Кондратьев, прогнозируя хозяйственно экономическую деятельность общества, выделил большие циклы конъюнктуры длиной в 40–60 лет⁵, аккумулирующие научные и технические изобретения, включая скорость передачи информации.

Информационная революция внесла свой решающий вклад, сократив период технических обновлений до 3–7 лет. В настоящее время создание нового поколения информационно-коммуникационной технологии происходит за 1,5 года. Подобное ускорение влияет на социальную динамику и вызывает эффект «сжатия времени».

Общественное отношение к изменениям следует рассматривать как социокультурный ответ на вызов времени. Отношение общества к изменениям во многом определяется доминирующей в обществе парадигмой. Доминирование линейной и организмической парадигм формирует негативное

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений /Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова.—М.: Аспект Пресс, 1996. С.73–84.

² Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000.1044 с.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: Гидрометеиздат, 1990. С. 73, 214–227.

⁴ Данилевский Н. Россия и Европа // www.monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm

⁵ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. С.456.

отношение к изменениям. Ускорение социальных изменений вызывает в таком обществе тревожное ощущение постоянного и непрекращающегося кризиса и, в итоге, отрицание изменений. Социальные потери в случае изменений максимизированы.

Доминирование системной парадигмы формирует позитивное отношение к изменениям. В обществе культивируется восторг от захватывающего дух стремительного движения. Люди готовы к изменениям. Социальные потери минимизированы.

Нас системный подход привел к исследованию социального кризиса как одного из состояний общих эволюционных процессов. Термин «эволюция» берет начало от латинского «*evolvere*», что означает разворачиваться, раскрываться во времени. Эрвин Ласло в своей фундаментальной работе «Основания трансдисциплинарной единой теории»¹ убеждает нас в плодотворности эволюционного подхода.

В XX веке было предложено несколько эволюционных теорий. Мы синтезировали положения трех наиболее часто цитируемых, объединенных общим интересом к исследованию взаимодействия социальных акторов с различными системами ценностей, системами управления и императивами развития. Поэтому мы оставляем пока в стороне социокультурную динамику П. Сорокина, хотя считаем его работу фундаментальной.

Теория этногенеза Льва Гумилева рассматривает стадии трансформации этноса, их существование, сосуществование, слияние и распад, связывая их с социокультурной динамикой, вызванной ритмами биосферы². Он выделяет фактор пассионарности в социуме и описывает роль носителей пассионарной энергии: «Порождаемая пассионарным напряжением активность (пассионариев) при благоприятном стечении обстоятельств ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение, тогда как разрозненных пассионариев не только в древности «либо изгоняли из племен, либо просто убивали», цитирует он историка В.И. Козлова. Представления Гумилева о роли пассионарности и пассионариев современной терминологией определяются как группы «носителей изменений». Гумилев вводит понятие дополнительности – «принцип комплементарности» – как «зародыш» самоорганизации, вслед за которой возникают социальные институты. При этом он относит комплементарность к числу всеобщих явлений, а не чисто социальных, подчеркивая его наличие и в других биологических популяциях. Но Гумилев не углубляется в социальные механизмы и взаимодействия социумов.

¹ Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории // www.iph.ras.ru/~mifs/sections/articles.htm

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: Гидрометеиздат, 1990. С.258–281.

Арнолд Тойнби вводит представление о «творческом меньшинстве», рассматривая цивилизационные процессы в категориях «вызова-ответа», в сочетании внешних и внутренних изменений. Социально-политические трансформации и географические перемещения формируют «вызовы». В качестве «ответа» на вызовы рассматривается возникающее (эмерджентное) свойство способности или неспособности общества к мобилизации и преодолению¹. Способности социума на «творческий акт» и самоорганизацию «творческого меньшинства» формируются под влиянием стимулов (вызовов) внешней и внутренней среды. Понятием «творческого меньшинства» Тойнби унифицирует самоорганизующиеся инновационные социумы, что не позволяет выделить управляющие параметры изменений.

Элвин Тоффлер, исследуя современные общественные изменения², выделяет эффект «сжатия времени» и предлагает теорию «футурошока»: «Новая цивилизация зарождается в наших жизнях, и те, кто не способен увидеть ее, пытаются подавить... Эта новая цивилизация ...будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик постимпериалистического мира. Она требует новых, более простых, эффективных и демократических правлений...». Называя власть плутократией, Тоффлер говорит о том, что конфликт властвующих группировок представляет «центральную ось политической напряженности»³. Таким образом, Тоффлер выделяет проблему роста затратности управления, формируемого политической конкуренцией властвующих элит.

Следует указать еще на гениальную догадку Ленских о роли информации: «...в основе всех или большинства тенденций лежит одна, объясняющая остальные. Эта тенденция — рост объема информации, которой располагает человечество, особенно той, которая необходима ему для воздействия на материальный мир...»⁴

Роль самоорганизации социума прослеживается в знаменитой работе экономиста и социолога Джона Нейсбита «Мегатренды». Нейсбит, проанализировав ответ американского социума 70-х на кризис индустриализации, описал участие самоорганизующегося социума в успешной трансформации американской социальной системы⁵. Автор разглядел в кризисе

¹ А.Тойнби исходил из методологии классической физики, проводя эксперимент «с природными феноменами: силой инерции, расой, средой» на фоне божественно определенных космических переходов от гармонизирующего пассивного Инь к активному, вносящему диссонанс Янь, и затем снова к Инь. Тойнби настаивал, что «новое состояние Инь отличается от предыдущего так, как весна отличается от осени» // Тойнби А. Постигание истории. М.:Рольф, 2001. С. 119.

² Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004. 557 с.; Метаморфозы власти, М.: АСТ, 2002. 669 с.

³ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. С.31– 45.

⁴ Цитируется по П. Штомпке / Социология социальных изменений. М.: Аспект, 1996. С. 158

⁵ Нейсбит Д. Мегатренды / пер. с англ. М.Б.Левина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.

«эпохи заводских труб» такое социальное явление, как массовая миграция более мобильных групп населения индустриального Северо-Востока на территории аграрного в то время Юго-Запада. Сочетание многих факторов и условий, таких, как интеллектуальная и гражданская активность социума, усиленная традициями федерализма, приток капитала, свобода инноваций и др., привели к формированию в юго-западных штатах центров роста информационной индустрии, ставшей впоследствии триггером обновления всей нации и государства. За 20 лет американская нация совершила социальный сдвиг от информационного к суперинформационному гражданскому социуму. Американский социум, по многочисленным социологическим и экономическим анализам, накопил к 70-м годам проблемы, весьма сходные с современными российскими. Он задыхался в тисках индустриальной бюрократии. Это предопределило роль самоорганизующегося социума в цивилизационном сдвиге от индустриального общества к постиндустриальному обществу.

Нейсбит описывает, как в условиях социальной самоорганизации центры управления претерпевали изменения и перемещались от информационных властвующих «государственных» элит к социуму (суперинформационному, творческому, основывающему «силиконовую долину»). Это был пример того, как власть делегировалась гражданскому социуму как лидеру перемен. Новый порядок возникал из социального хаоса, упорядочивающегося под воздействием самоорганизации. Резкий рост социальной самоорганизации позволил американской нации совершить цивилизационный сдвиг.

Следует подчеркнуть, что в этот период в США в национальном мировоззрении системный подход занял ведущие позиции, продемонстрировав огромные ресурсы и возможности новой методологии, работающей особенно эффективно в сферах социальной и экономической организации. Привлекательность системной парадигмы возрастала под влиянием нескольких общественных тенденций:

1. ускорение информационного насыщения общества и формирование представлений об открытом обществе;
2. рост социальной активности, самоорганизации и формирования управляющих воздействий в обществе – возникновение суперинформационного социума;
3. очевидная гуманизация общества и формирование ценностного подхода на основе базовых ценностей гражданского социума;
4. изменение отношения к ресурсам, отказ от роста в пользу эффективного развития;
5. кризис парадигм.

Эти же параметры порядка и управляющие параметры определяют методы решения проблем.

Низкоинформационное, но «разумное» традиционное общество находит способ исчерпания проблем путем формирования норм и принципов. Например, уже упоминавшийся нами «принцип Нараямы». Следование принципу здоровой оценки возможности окружающей среды позволяло сообществу поддерживать свое существование сколь угодно долго.

Игнорирование проблем истощения окружающей среды приводило к скорому истощению самого социума и его уходу из истории либо к смене аттрактора управления и переходу в другую социальную реальность.

Базовые ценности выживания формировали человека разумного, обладавшего здравым смыслом.

В авторитарном обществе здравый смысл был подорван увеличивающимися технологическими возможностями. Технократическая информационная элита распоряжалась низкоинформационным социумом «*homo faber*» как материалом для строительства индустриальной цивилизации. Для решения ее проблем цена, а тем более ценность человеческой жизни, была минимизирована.

В демократическом обществе за счет выравнивания информационности социальных акторов методы решения проблем изменились. Социум вносил коррективы. Рабство ушло в прошлое. Массовое самопожертвование тоже стало историей. Проблемы решаются совместно. Цена решения обсуждается. Ментальность социума меняется от человека ремесленного к человеку играющему.

В гражданском обществе следует ожидать возрождения стратегии исчерпания проблем. Элементы такой стратегии мы можем уже заметить, анализируя тенденции замещения опасных, энерго- и ресурсозатратных технологий постиндустриальными, находящимися в большей гармонии с человеком и окружающей средой. Однако становление гражданского общества должно предваряться становлением новой социальной ментальности – человека предчувствующего, предвидящего, системного.

В целом, современное общество уже характеризуется заметными различиями между информационной насыщенностью социума и информационной недосыщенностью властвующей элиты. Элитарная система управления приобретает все более диссипативный характер, увеличивает выбросы энтропии. При этом растет число маргинализированных властью социальных групп. Общественный социум находится, с одной стороны, под давлением ускоряющихся изменений, а с другой в энтропийной среде кризисного властвующего социума. Это способствует социальной самоорганизации и росту негэнтропийных процессов, что находится в тесной связи с приращением распределенного коллективного знания. Мы подробно анализировали это выше. Но нельзя игнорировать и сильное давление другого

подхода к управлению, сформированному в рамках линейных подходов¹, отражающему ожидаемое будущее как «войну всех против всех», и во многом определяющему нарастание проблем и системный кризис. Такой подход включает обязательную дискредитацию ценностей и процедур демократического общества и предопределяет возврат к авторитаризму.

3.4. Цивилизационные сдвиги

Кризис власти в современном обществе заставляет нас снова обратиться к вопросу, заданному еще Толкоттом Парсонсом, но не потерявшему актуальности: «Какое сочетание факторов вызвало события, послужившие переходом к наиболее радикальной структурной регрессии... в частности, упадок Западной Римской империи и восстановление на ее территориях более или менее «архаических» социальных образований..?»²

Рассмотрим модель эволюционного выбора социальной системы в зоне флуктуаций (рис.8).

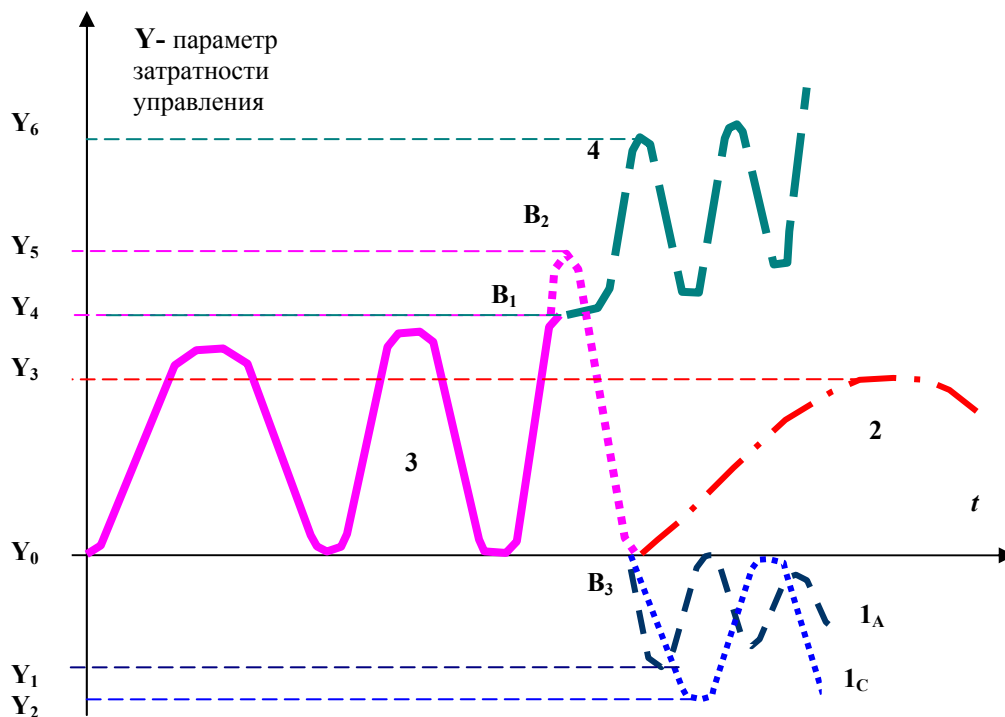

Рис.8. Модель эволюционного выбора социальной системы в зоне флуктуаций

Мы исследуем альтернативные возможности выбора сценария социального развития системой в точках бифуркаций. Нас интересует, как выбор

¹ Почепцов Г. Информационные войны. К.: Изд-во «АДЕФ-Украина», 1998. 332 с.

² Парсонс Т. Общества / О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 786.

системы взаимосвязан с параметром затратности управления. Мы моделируем такие возможные цивилизационные сдвиги из демократического сценария, поскольку демократический сценарий содержит в себе наибольшее число возможных бифуркаций.

Более того, на нашей модели мы можем увидеть, как структура социального времени может отличаться от времени хронологического. Если мы исходим из представлений о прогрессе как развитии и совершенствовании социальных форм, то переход к традиционному обществу должен рассматриваться как повернутое вспять социальное время – «стрела времени» обращена назад. Однако если параметром системы считать совершенствование взаимоотношений и достижение консенсуса в отношении базовых ценностей, то мы обнаружим, казалось бы, невероятное, – направленную привычно вперед стрелу времени как для перехода в гражданское, так и для перехода в традиционное общество. А примеров обратной стрелы времени при переходах демократического общества в автократическое мы имеем достаточно и в новейшей истории. Таким образом, социальное время не является универсальным параметром. Можно сказать, что каждому цивилизационному сценарию соответствует свой темпомир¹.

Свойством универсальности, по нашему мнению, обладает параметр затратности управления. Предложенные параметрические характеристики социальных систем позволяют обосновать эволюционный сдвиг ее врожденным стремлением социальной системы к переходу в сценарий с менее затратным управлением. Обратим особое внимание на возможный переход к новой государственной организации – гражданскому обществу в точке бифуркации B_1 со снижением затратности управления. Такая альтернатива возрождению авторитаризма требует сохранения согласительных процедур. Сдвиг к гражданскому обществу позволяет за счет изменения ролей социума и властвующей элиты снизить затратность управления:

$$(Y_6 - Y_4) < (Y_4 - Y_0) \quad (2)$$

Но возможны и альтернативные варианты выбора социальной системы.

Даже при сильной самоорганизации, но низкой «конституализации» (по Арато) институтов гражданского общества социальная система упускает возможность перехода к гражданскому обществу. Тогда, в ответ на давление самоорганизации, следует ожидать ответное предложение властной элиты к сдвигу в авторитаризм. Властвующая элита, сохранившая в демократическом устройстве свой статус-кво, начинает укреплять свои позиции. Это возможно

¹ Курдюмов С.П. Темпомиры, правила коэволюции, влияние прошлых и будущих стадий развития. XXX Звенигородская конференция по физике плазмы и УТС, 24 – 28 февраля 2003 г.

включением мобилизационных технологий, как это было после 11 сентября в США и после Беслана в России. Для оправдания мобилизационного сценария властвующая элита должна обладать аргументами. Таким аргументом стала угроза терроризма. Это позволило в зоне кризиса власти, точке B_1 , провести реорганизацию властных структур и институтов и осуществить дополнительную мобилизацию общественных ресурсов (Y_5-Y_4). Тем не менее, кризис власти уже обозначен, и общество, даже пройдя эту зону кризиса и продолжив движение в прежнем направлении, непременно войдет в недалекий следующий кризис (B_2). Предельный аттрактор затратности управления и ресурсные возможности общественной системы ограничивают возможности мобилизации. Следующий кризис власти будет связан с невозможностью дальнейшего изъятия общественных ресурсов. В точке B_2 начинается «падение» социальной системы.

Падение обусловлено тем, что дополнительное изъятие властью общественных ресурсов (Y_5-Y_4) на реализацию неэффективной модели управления таит в себе угрозу безопасности и воспроизводству общественного социума.

В демократическом сценарии кризис власти вызывает деградацию согласительных процедур. Краткосрочно это приводит к снижению затратности управления. В том случае, если за этим следует снижение информативности общества, возникают условия «сдвига» демократического сценария в авторитарный в т. B_3 . При этом в этой точке не исключена также радикальная структурная регрессия и переход социума в менее затратные формы общественной организации.

Заметим, что, за редким исключением, выбор социальной системы в зоне кризиса (B_3) предполагает переход в сценарий с более низкой затратностью управления. Это происходит вместе со сдвигом к сценариям традиционного общества (1_S и 1_D) или, что тоже вероятно, к сценарию авторитарного общества – сценарию 2. Авторитарный сценарий также уменьшает затраты на управление, по сравнению с демократическим сценарием, за счет отказа от согласительных процедур. С позиций властвующей элиты такой отказ может быть оправдан как действие по уменьшению затратности управления. Но для общества в целом это означает отказ от демократических процедур и согласования ожиданий. За этим следует поляризация базовых ценностей. В современной социальной среде поляризация ценностей является предвестником падения государства. В дальнейшем это неизбежно приводит к сложному синергетическому кризису и власти и общества, обусловленному нарастанием конфликта базовых ценностей властвующей элиты и гражданского общества.

Сдвиг в сценарий традиционного общества (точка B_3) с позиций социума означает значительное уменьшение отторжения у него общественных ресурсов,

что воспринимается как социальное благо¹. Социум отвечает «нет» на вызов дополнительной мобилизации общественных ресурсов, когда это угрожает безопасности его существования.

Рассел Акофф отмечает, элитарное управление формирует в массовом общественном сознании устойчивые мифы, что властные элиты озабочены интересами тех, на кого простирается их власть. Однако, продолжает автор, элиты, прежде всего, озабочены своей безопасностью и своим качеством жизни². Для этого у властных элит есть возможность мобилизовать институт государства и направить его на изъятие общественных ресурсов в поддержку своей безопасности и качества жизни за счет снижения безопасности и качества жизни общества.

Легитимность такой мобилизации может быть обеспечена различными методами. В том числе, как мы показали, использованием угрозы терроризма³. Подтверждение этому мы находим в широких полномочиях созданного после 11 сентября 2001 года Департамента отечественной безопасности (Homeland Security Department). Подобные же изменения были проведены и в системе управления в России в ответ на террористический акт в Беслане⁴.

Более того, американская силовая элита продемонстрировала принципиальную возможность эволюционного сдвига из демократического сценария в авторитарный. Провозглашенные после 11 сентября ценности безопасности лингвистически совпали с базовыми ценностями самого социума. Социум, пойманный в смысловую ловушку, отказался от необходимых ему для реализации собственных базовых ценностей основных принципов свободы и демократических процедур. Его выбор в искусственно созданной точке бифуркации под воздействием политических фантомов терроризма и

¹ Здесь выполняется принцип Пригожина-Гленсдорфа: в точках бифуркации при неравновесных фазовых переходах, определяемых самоорганизацией, система выбирает путь минимизации энтропии.

² Акофф Р. Трансформация в продвижении систем. Май 2004 / пер. Н.Мироновой // <http://spkurdyumov.narod.ru>

³ В обращении к Конгрессу, озаглавленном «Поле битвы – Земля», 20 сентября 2001 Президентом США Джорджем Бушем было произнесено следующее: «Дорогие сограждане, в последние девять дней весь мир стал очевидцем положения в нашей стране, и это положение непоколебимо. Сегодня наша страна стоит перед лицом опасности и призвана защитить свободу. Наша скорбь сменилась гневом, на смену гневу пришла твердая решимость. Приведём ли мы нашего врага к правосудию или же принесём правосудие нашим врагам – акт правосудия свершится неизбежно... Террор, не встретивший отпора, разрушает не только здания – он угрожает стабильности законной власти. Так вот: этого мы не допустим. Американцы спрашивают: "Что от нас требуется?" Я прошу вас: живите привычной жизнью, успокойте, обнимите детей. Я знаю, что многих из нас сегодня терзают страхи, и я призываю вас к решимости и спокойствию, даже перед лицом постоянной угрозы. Я призываю вас встать на защиту наших ценностей» / Джордж Буш (младший). Поле битвы – Земля: Обращение к Конгрессу и стране. 20 сентября 2001 // http://www.servisism.lg.ua/b_st5.htm.

⁴ «...Мы, как я уже многократно говорил, не раз сталкивались с кризисами, мятежами и террористическими актами. Но то, что произошло сейчас, – бесчеловечное, беспрецедентное по своей жестокости преступление террористов. Это – не вызов президенту, парламенту или правительству. Это – вызов всей России. Всему нашему народу. Это – нападение на нашу страну...», – из телеобращения В.В.Путина к гражданам России 4.09.2004 // <http://www.vesti.ru>.

демонстрационных террористических актов был предсказуем. Социум «носителей демократии» добровольно отказался от демократических ценностей. В критический момент выбора суперинформациональный американский социум повел себя неожиданным, несвойственным для его культуры, образом.

Историческое событие разрушения в XXI веке демократических институтов в цивилизационном контексте можно сравнить лишь с поджогом Александрийской библиотеки.

Об опасности утери культурных ценностей демократического общества предупреждает известный немецкий социолог Ульрих Бек. Он говорит о возможной самоизоляции Запада и даже отказа от приоритета гражданских прав: «Уже слышны мнения о том, что западным обществам, избалованным мирной жизнью и благосостоянием, недостает мышления четкими категориями "друг-враг", недостает готовности принести приоритет, которым до сих пор обладали замечательные права человека, в жертву столь теперь необходимым мерам самообороны. Попытки выстроить крепость для защиты западной цивилизации от людей, представляющих иные культуры, предпринимаются сейчас повсеместно и в ближайшие годы, несомненно, усилятся. Эта тенденция может привести к политике государственного авторитаризма, когда во внешней сфере идет приспособление к потребностям мирового рынка, а внутри страны господствуют авторитарные подходы»¹.

Более того, самые ощутимые дивиденды от существования долгое время неуловимых террористов получил властный клан авторитарного лидера крупнейшей мировой державы. На выборах в ноябре 2004 г. заявление Бен Ладена, прозвучавшее за 4 дня до выборов, принесло, по мнению экспертов, Бушу дополнительно 1,5% голосов. Это позволило не только сохранить режим власти, но и затормозить гражданское развитие нации. Таким образом, применение политической технологии, такой, как угроза террора, эффективно используется для укрепления власти элит. Опасность для общественного развития в том, что манипулирование угрозой террора открывает властвующим элитам путь к тирании. Подтверждение этой тенденции мы находим в сформулированном в 2005 году Рифатом Шайхутдиновым тезисе: «Тот, кто сегодня сумеет втянуть ожидание терроризма в саму сферу общественной жизни, тот, кто поймет, как это можно сделать, – приобретет власть и над терроризмом, и над обществом»².

Игры с терроризмом открывают путь мобилизационной политике властвующих элит. Это, в свою очередь, усиливает социальные флуктуации и

¹ Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска / Международная экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 10–19.

² Шайхутдинов Р. Террорократия: взрыв изнутри // <http://www.polit.ru/author/2005/08/04/terr.html>

приближает общество к точке социальной бифуркации, в которой общество будет делать выбор между падением и социальной трансформацией.

Возможности общества, уровень его самоорганизации и наличие в нем информационных социумов, готовых взять лидерство на следующем этапе социального цикла, определяют цивилизационный сдвиг. В том случае, если у гражданского социума есть институциональная поддержка, мы получаем трансформацию общества за счет ресурсов самоорганизации с наращиванием признаков гражданского общества, как это описано Джоном Нейсбитом. Если у гражданского социума нет институциональной поддержки, то общество движется к структурной регрессии и переходу к менее затратным, но более простым сценариям, с обретением признаков традиционного общества.

3.5. Модель эволюционной динамики

Остановимся на определениях эволюции и обратим внимание на их различия в разных парадигмах.

Эрвин Ласло определяет эволюцию в системной парадигме следующим образом: «Эволюция – негэнтропийная комплексификация системы – начинается, когда критическая флуктуация толкает сильно неравновесную систему еще дальше от теплового и химического равновесия. Новый порядок возникает в ходе взаимодействия критических флуктуаций при резком изменении фазы неустойчивости. Если система скорее эволюционирует, чем деэволюционирует, то, по крайней мере, одна из множества возможных флуктуаций должна подвергнуться “нуклеации”, т.е. быстро распространиться и охватить всю систему. Если такая “ нуклеация” действительно происходит, то вся система в целом претерпевает бифуркацию: у ее эволюционной траектории появляется новая ветвь – новая мода. Динамический режим, в который переходит система, устанавливает ту норму, в окрестности которой в дальнейшем флуктуируют типичные значения параметров, характеризующих систему»¹. Именно такую «нуклеацию» гражданского социума, возмущенного бесчинствующей властвующей элитой, совершавшей манипуляции не только общественным сознанием, но и общественным волеизъявлением, мы наблюдали в конце 2004 года на Украине. И в результате социум формирует новую ветвь эволюционной траектории.

Приведем еще одно определение эволюции в системной парадигме, данное Владимиром Костюком. Он определил эволюцию как: «...способ изменения бытия, ...обладающий чертами (1) необратимости, (2) неустранимости малых флуктуаций, (3) альтернативности, (4) наличием

¹ Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории // www.iph.ras.ru/~mifs/sections/articles.htm

механизма обмена устойчивостями, (5) приводящего к периодическим изменениям законов, по которым происходят изменения»¹.

Под необратимостью понимается нарушение симметрии между прошлым и будущим. Под альтернативностью понимается наличие множества сценариев поведения. Обмен устойчивостями происходит в ходе переговорных процедур взаимодействующих социумов. Параметр затратности оказывает сильное влияние на состояние системы и ее выбор в зоне кризиса.

Чтобы еще раз подчеркнуть различия организмического и системного эволюционного подходов, обратимся к пониманию эволюции в организмической парадигме.

Герберт Спенсер в «Основных началах» в основу своих взглядов положил эволюционный процесс: "Эволюция есть интеграция материи и сопутствующее этому рассеивание движения, в процессе чего материя переходит из [состояния] относительной неопределенности, несвязанной однородности к относительно определенной согласованной разнородности; и при этом сохранившееся движение испытывает параллельную трансформацию"². Таким образом, динамическое неравновесие стремится к достижению равновесия сил, к статике.

В организмической парадигме социальные системы рассматриваются как динамически равновесные. Эволюционные циклы здесь инициируются нарушением равновесия. Неоклассическая парадигма базируется на представлении о рождении, развитии и смерти живого организма. Герберт Спенсер, как и Томас Гоббс, использовал для описания общества феномен человеческого организма, каждый орган которого имеет морфологическую структуру и выполняет свою функцию во взаимосвязи с другими органами. Спенсер внес в социологию управления организмическую аналогию для характеристики общества и государства, цикл жизни которого представлен как цикл человеческого организма. Общество и государство в этом организме взаимосвязаны, у каждого органа есть свои функции, поддерживающие жизнедеятельность системы в целом. Любая трансформация несет в себе образ смерти, т.е. нарушение равновесия, гомеостаза, приводит к смерти.

Герберт Спенсер рассматривает социальную эволюцию как последовательность успешных адаптаций. При этом Спенсер рассматривает адаптацию как установление внутреннего равновесия в процессе изменений (динамического равновесия). В исторический момент достижения гомеостатического порядка в социальной эволюции, т.е. успешной адаптации и установления равновесия между обществом и внешней средой, социум как бы

¹ Костюк В.Н. Теория эволюции и социальноэкономические процессы. М., УРСС. 2001. С.31.

² цитируется по «Эволюционный позитивизм Герберта Спенсера» // Исторический проект Historic.Ru // <http://historic.ru>

локализуется. Он стремится ограничить себя от последующих воздействий как внешних, так и внутренних.

Вильфредо Парето развил идеи Спенсера, создав циклическую теорию развития общества, в которой система из одного состояния равновесия переходила в другое через дестабилизацию и потерю устойчивости. Парето выстроил мостик от организмического подхода к системному.

Толкотт Парсонс развивая, по его собственному признанию, подходы Гоббса, синтезировал идеи социальной эволюции. Он рассмотрел условия достижения состояния адаптации, а также условия сохранения качественного состояния социальной системы. Парсонс исследовал условия восстановления равновесия социальной системы после ее дезинтеграции, обратив внимание на непрерывность и воспроизводство общества. Он выделил процессы структурных изменений, затрагивающих систему основных общественных ценностей и норм. Парсонс определил состояние равновесия как самоподдерживающийся порядок, обеспечиваемый за счет гашения спонтанных флуктуаций. Введя понятия «конформности» и «девиантности», он определил, что социальные ожидания обладают конформностью. Девиантность в социальном взаимодействии рассматривалась им как «мотивированная тенденция актора вести себя вопреки одному или нескольким институализированным стандартам». Девиация гасится в социальном взаимодействии встречным процессом «восстановления равновесия процесса взаимодействия»¹.

Парсонс выстроил свою теорию эволюции на «институализированном стандарте», в качестве которого предложил культурный или правовой образец (паттерн). Но распространение этого стандарта на все общество не позволяло учесть его неоднородность. И тогда Парсонс косвенно признал недостаточность организмического подхода для социальных прогнозов. Парсонс предположил, что катастрофа Римской империи произошла только потому, что, несмотря на сильный институт римского права, «Римская империя не развила достаточно интегрированного социетального сообщества и не смогла интегрировать все крупные этнические, территориальные и религиозные группы через единый первичный нормативный порядок, значимый для всего общества»².

Однако новейшая история опровергает и это предположение. Не отвергая значимость правовых и культурных образцов для формирования этики, она ставит вопрос о них, как о параметрах социального порядка. СССР рухнул, несмотря на тотальную интеграцию общества через правовые и культурные образцы. Это еще раз свидетельствует о наличии неучтенных социально

¹ Т.Парсонс. О социальных системах / Под ред. В.Ф.Чесноковой и С.А.Белановского. М.:Академический проект, 2002. С.361.

² Т.Парсонс. О социальных системах / Под ред. В.Ф.Чесноковой и С.А.Белановского. М.:Академический проект, 2002. С.822.

значимых факторов, которые ограничивают возможность использования организмического научного подхода.

Следует отметить, что притягательность организмической трактовки эволюции для многих исследователей состоит в идеях динамической устойчивости и постоянного воспроизводства функций¹ и структур в некоем относительно постоянном, генетически обусловленном пространстве, физическом или социальном². Организмическая парадигма опирается на представление о локализованных системах. В то же время она открыла новые возможности для исследования процессов управления в них. Согласно организмическому подходу, постоянство феномена обеспечено и поддерживается заданными образцами³. Организмическая парадигма содержит встроенное противоречие, заключающееся в конфликте представлений – о воспроизводстве и об эволюции. В теории и социологии управления этот конфликт разрешен введением представлений об «операционно замкнутых системах».

Однако для неоднородных социальных систем остается открытым вопрос, какие социальные группы берут на себя роль адаптирования, модернизации, реформации или трансформации социальной системы. То, что этот вопрос недостаточно разработан в современной науке, и тем более практике, подтверждается очень частым употреблением всех четырех названных нами понятий в одном смысле.

Ценность эмпирических знаний для социальных практик, направленных в будущее, но конструируемых по образцам прошлого, опровергается современной действительностью. Но она уже подвергалась сомнению английским философом и экономистом Дэвидом Юмом: «Нет ничего

¹ Варела Ф. Автономность и автопоэзис // <http://www.synergetic.ru>.

² Теория структуризации, предложенная Энтони Гидденсом, раскрывает возможность формирования прогностических схем на основе изучения структуральных свойств социальных систем при соединении их в рамках социетальных общностей в конкретном пространственно-временном континууме. Гидденс ввел также представление об отличии структур как совокупности правил и ресурсов, используемых в процессе институциональной артикуляции социальных систем, от структуризации как принципах организации социетальных общностей (С. 262–267). Гидденс расчленяет структуру на правила и ресурсы. Структуризация - условия, контролирующие целостность или изменение структур, а, следовательно, управляющие воспроизводством социальных систем» (С. 69). По сути, предлагаемое Гидденсом представление о достижении социальной системой состояния гомеостаза (там же С.58–85) близко к определению автопоэзиса, данного Варелой. Но если Варела предпочитает говорить о воспроизводстве функций, Гидденс говорит о воспроизводстве структур, определяя которые, он, фактически, описывает функции: «...совокупности отношений преобразования, организованные как свойства социальных систем...». При глубоком уважении к автору следует также отметить несколько вольное обращение Э.Гидденса с терминологией, что лишь затрудняет взаимодействие социологии в его изложении с современной системной теорией / Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.

³ В развитие феноменологии внесли вклад Кант, Гегель, Н.Гартман, но более всего Гуссерль, учение о сущности, которая позволяет воссоединить общность: сущность общности, главенствующей для всех сущностей и создающей «феномен мира», некоей структуры бытия, в конструирование которого вовлечено общество и его индивиды.

противоречивого в предположении, что порядок природы может измениться и объект, подобный тем, с какими мы познакомились на опыте, могут сопровождаться иными или противоположными действиями»¹.

Размышляя в категориях системной парадигмы еще в середине XVIII века, Д. Юм поставил под сомнение эффективность для будущего практики управления, основанной на прошлом опыте: «Как можно успешно действовать до тех пор, как новый порядок природы станет известным?» Логично предположить, что детерминированное этими моделями управляющее воздействие, совершенное в другой точке пересечения пространства-времени, вполне может дать противоположный предыдущему результат. В этом и состоят риски линейного управления.

Непроверяемость результатов лишь наращивает неэффективность «линейной» управленческой деятельности и истощение общественных ресурсов. Вопрос об их перераспределении в пользу гражданского социума приобретает все большую актуальность.

Решая задачу «сопряжения» социальной самоорганизации и государственного управления, следует учитывать неоднородность социального пространства. Она формируется встроенным в систему конфликтом между гражданским и властвующим социумами и усиливается трансграничной и транскультурной горизонтальной консолидацией социальных акторов. На фоне горизонтальной консолидации все явственнее выступают вертикальные различия базовых ценностей. Эти различия носят транснациональный характер.

Суперинформациональный социум становится более пассионарным и креативным. Он сам в этом случае становится носителем изменений. И, что очень важно подчеркнуть, именно социум является носителем гуманизации социальных практик. На эту тенденцию обращает наше внимание Тейяр де Шарден, отмечая, что научный поиск, «направленный вперед, на продолжение «человеческого феномена», выявляет...удивительную перспективу растущей «гуманизации» человечества»².

Проведем оценку взаимодействий социальных акторов в предложенных сценариях, исследуем возникающий в них тип управления, а также свойства социумов, оперируя предложенными параметрами управления: уровнем согласования базовых ценностей, уровнем самоорганизации, информативностью и характеристиками затратности (рис.9).

Будем исходить из того, что модели управления возникают в обществе как продукт взаимодействия социумов и выражают характер этого взаимодействия. Модели управления влияют на эволюционные процессы, определяя выбор

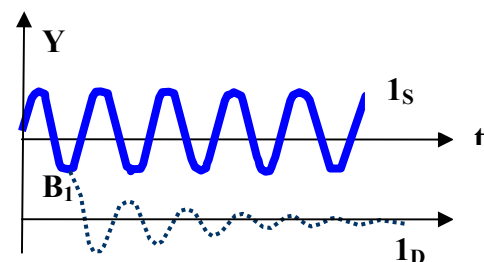
¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. Т.1. М., 1965. С.46.

² Тейяр де Шарден. Феномен человека. М.: АСТ. 2002. С.499.

социальной системы в точке бифуркации. Это позволяет сделать прогнозы о возможных альтернативах выбора эволюционных сценариев сложной социальной системой в точке бифуркации.

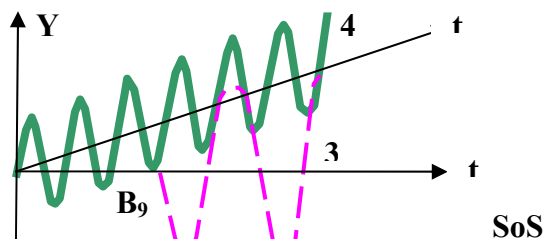
Сценарий 1 – Традиционное общество

Доминирует образ Homo Sapiens
Естественный системный подход
Естественное участвующее управление
Интерактивные взаимодействия
Высокий уровень координации базовых ценностей
Цивилизационный сдвиг от 1_S к 1_D сценарию

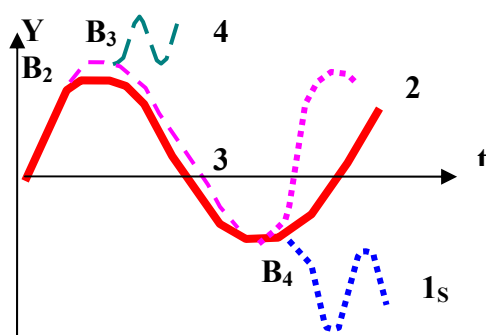
Сценарий 4 – Гражданское общество

Доминирует образ Homo Divinans
Доминирует эволюционная системная парадигма
Просвещенное участвующее управление
Интерактивные взаимодействия
Высокий уровень согласованности ценностей
Цивилизационный сдвиг от 4 к квази-3 сценарию

Сценарий 2 – Авторитарное общество

Доминирует образ Homo Faber
Доминирует линейная парадигма
Автократическое управление
Преактивные взаимодействия
Низкий уровень координации базовых ценностей
Цивилизационный сдвиг к 1_S , к квази-3 и квази-4

Сценарий 3 – Демократическое общество

Доминирует образ Homo Ludens
Доминирует организмическая парадигма
Делегированное управление
Реактивные взаимодействия
Рост уровня координации базовых ценностей
Цивилизационный сдвиг от 3 к 1, 2 и к 4 сценариям
Цивилизационный лифт от 1 через 3 к 4 сценарию

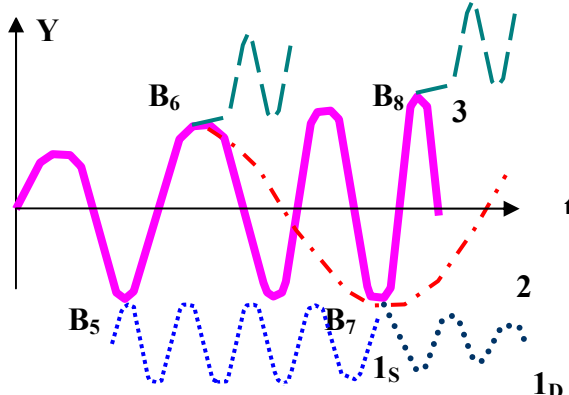

Рис.9. Модель эволюционной динамики

Оперируя координатами согласованности ценностей и уровня самоорганизации, мы смогли обнаружить возможности эволюционных падений, сдвигов и лифтов, определяющих переходы от одного сценария к другому в зависимости от сочетания управляющих параметров: согласованности базовых ценностей, социальной самоорганизации информативности социумов и затратности управления.

Рассмотрим модель эволюционной динамики и цивилизационных «сдвигов» и «лифтов» неоднородных неравновесных динамических социальных систем в зависимости от согласования (консенсуса) базовых ценностей (V) социума и властвующей элиты, уровня самоорганизации социума (SoS) и затратности управления (Y), изображенную на рис.9.

При взаимодействии неинформациональной элиты и неинформационального социума мы получим сценарий динамически равновесного сообщества с участвующим интерактивным управлением (сценарий 1_s), поддерживающего затраты на управление в параметрах биологического предельного цикла, сценарий «традиционного общества».

Жизнь традиционного общества подчиняется более всего сезонной динамике. Фазовым портретом сценария « 1_s » является система с аттрактором предельного цикла, а системы « 1_d » – с точечным аттрактором. Жизнь традиционного общества практически полностью зависит от его взаимодействия с окружающей средой, и это выделяет в качестве доминирующего тип поведения «Homo Sapiens». Неоднородность общества незначительная. В сценарии « 1_s » общественные отношения формируются распределением власти, которое можно назвать естественное участвующее управление на основе высокой согласованности ценностей. Исследователи подчеркивают особый характер распределения ресурсов между племенем и вождем, который является главным поставщиком ресурсов извне. Авторитет власти в сценарии « 1_s » держится на традиции «одаривания» ресурсами членов племени¹.

В случае истощения ресурсов мы, скорее всего, будем наблюдать эволюционный сдвиг в сценарий затухающего сообщества² (сценарий « 1_d ») с дальнейшим снижением затрат на управление³.

Временной ряд второго сценария – «авторитарное общество» – обладает более широкими эволюционными возможностями. Неоднородность общества становится существенной. Формируется информационная властвующая элита. Взаимодействие неинформационального социума и информационной властной элиты увеличивает динамическую неустойчивость системы и резко увеличивает затраты ресурсов на управление, по сравнению с традиционным обществом. Властвующая элита выступает лидером перемен. Согласованность базовых ценностей властвующей элиты и общества низкая. В этом сценарии возникают две детерминанты. Первая – уровень ресурсов, который способна мобилизовать правящая элита, и это тот уровень истощения общественных ресурсов, который может вынести социум до исчерпания возможностей своего воспроизводства. Вторая детерминанта – информационность властной элиты,

¹ Маслоу А. Маслоу о менеджменте. СПб.: Питер, 2003. С.56–57

² Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. Гл.4.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: ЛГУ, 1990. С.130.

которая выступает инициатором социальных изменений. Затратность управления определяется диапазоном желаний властной элиты контролировать общественную динамику. Нижние предельные состояния характеризуются в большей мере истощением ресурсов воспроизводства социума, что обуславливает системный кризис, который в точке бифуркации может «сдвинуть» этот сценарий развития в менее затратный сценарий «традиционного общества». Такой сдвиг иногда может быть благом для социума, поскольку позволяет ему восстановить условия своей жизнедеятельности. Для властного социума он означает «кризис власти», для общества – переход к состоянию «наиболее радикальной структурной регрессии... упадок ...и восстановление на ее территориях более или менее «архаических» социальных образований...?»¹. Управление в этих «архаичных» образованиях требует меньших ресурсов, и такой переход с позиций социума является более эффективным решением. Управление в авторитарном общества «преактивное», авторитарное.

В верхних предельных точках социальное поведение определяется уменьшением возможности концентрации ресурсов властной элитой и, в редких случаях, быстрой информатизацией социума. Уникальное стечение обстоятельств почти мгновенного формирования информационного социума за время инновационного полувекла, создает редкую в авторитарном сценарии ситуацию информационного социума и информационной элиты. При взаимодействии элиты и социума это создает видимую возможность – вероятность эволюционного сдвига к четвертому сценарию «гражданского общества» и переходу к субъект-субъектной менее затратной схеме управления. Однако отсутствие институтов перераспределения власти и ресурсов предопределяют этот переход как «квазигражданское общество». Так мы определяем исторический период 1991–1993 годов в России. В эти годы пассионарный порыв в российском обществе был столь велик, что социум смог инициировать эволюционный сдвиг и начать формирование норм и правил гражданского общества, перепрыгнув через целую эпоху демократического существования. Исторический интервал 1989–91 годов (интервал между точками бифуркации B_2 – B_3 можно охарактеризовать как модернизацию и формирование «квазидемократического» общества в формате СССР. Но невыраженность этого процесса, с одной стороны (что подтверждает и отсутствие зоны перегиба), и огромное напряжение в обществе, с другой, вызвали системный кризис 1991 года, который привел к эволюционным сдвигам на всем пространстве СССР. Очевидно, что страны Балтии выбрали демократическое общественное устройство. Страны Средней Азии – авторитарное.

¹ Парсонс Т. Общества / О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 786.

Россия продолжила путь эволюционных флуктуаций в режиме «квазигражданского» общества¹. События 1993 года (точка В₃) можно рассматривать как кризис власти и «квазисистемную катастрофу» возврата власти властвующей элитой. Следующие пять лет, с 1993 по 1998, можно было бы назвать «квазидемократическим» обществом. В это время общество прилагало усилия по внедрению норм и правил согласования ожиданий, пробовало осуществлять сложные переговорные практики. Властвующая элита в это же время активно дискредитировала в общественном сознании институты гражданского общества. Изменения 1998 года стали следующим «квазисистемным кризисом», который на этот раз уже следует оценить как общественный кризис (точка В₄). Этот кризис обеспечил приход к власти силовой элиты, которая заморозила общественное развитие и занялась реформой тоталитаризма.

Возможные эволюционные переходы из третьего сценария «демократического» общества рассмотрены нами ранее при обсуждении модели на рис.7. Социальная динамика определяется взаимодействием информационного социума и относительно неинформационной элиты в условиях низкой согласованности базовых ценностей. Управление делегированное, «реактивное». Но в условиях открытого общества складывается ситуация опережающего относительно властной элиты роста информативности социума. Социум в демократическом обществе становится лидером перемен, приобретая признаки «суперинформативности».

Неоднородность социальной системы становится критической, и властвующей элитой выдвигаются различные социальные инновации по ее преодолению, включая «win-win-win» переговорные технологии и перераспределение ресурсов через благотворительные фонды. Социум актуализируется как субъект управления и начинает генерировать инновационные модели управления, соответствующие его собственным ожиданиям. Ожидания социума основаны на его опыте и сформированы в новой информационной среде, откуда социум черпает энергию изменений. Происходит актуализация человеческого капитала, концентрация человеческих талантов, распределенных в социуме, трансформация социального опыта, что ускоряет процессы самоорганизации. Социум более мобильно, чем элита, актуализирует

¹ В.Федотова отмечает высокий уровень согласования ожиданий в российском обществе: «В начале 90-х эксперты и массы оказались единомышленниками. Весь народ составлял социальную базу реформ своим желанием жить лучше» // Федотова В.Г. Социальные знания и социальные изменения, М.: Русский гуманитарный интернет-университет, 2001. Глава 5. Социальное знание и российские реформы 90-х годов // <http://www.i-u.ru>

свои интеллектуальные ресурсы для производства социально значимого продукта – новых моделей управления.

Демократический сценарий отличается еще большим динамизмом, чем авторитарный, и еще большими затратами на управление. Повышение затрат на управление в демократическом обществе вызвано проявленным конфликтом ценностей властной элиты и социума и, как следствие, обострением конфликта по поводу управления общественными ресурсами¹. Это проявляется в большом наборе необходимых согласительных процедур, приводящих к взаимовыгодному решению. В такой социальной среде становится востребованным и доминантным психотип «человека играющего» – Homo Ludens. В игре разрушается сакральность власти. Власть становится доступной, подвергается критическому анализу и трансформациям. Этому способствует информационализация социума.

Иерархические правящие элиты теряют возможность удерживать связи в стремительно расширяющемся информационном континууме². Властвующая элита в этом случае может следовать одной из трех парадигмальных альтернатив – взаимодействовать с инновационным социумом, противодействовать ему или игнорировать общественные инновации. Ее выбор влияет на выбор общественной системы в точке бифуркации.

В нижних предельных точках динамического цикла возможны варианты сочетания факторов, при которых в результате эволюционного сдвига «демократическое общество» может предпочесть один из сценариев с меньшими затратами на управление – традиционного или авторитарного общества. Такой переход сопровождается «потерей информациональности» социума и может быть охарактеризован как «кризис общества».

Но крайне важно отметить, что в демократическом сценарии, при условии инверсии информациональности властной элиты, и в условиях взаимодействия суперинформационального социума и суперинформациональной властной элиты появляется большая вероятность эволюционного сдвига к «гражданскому обществу» с интерактивным планированием и управлением, что повышает эффективность управления³, снижает его затратность.

Следует отметить еще один важный результат наших исследований. Нами показана принципиальная возможность «цивилизационных лифтов» (переход от сценария традиционного общества к гражданскому В₇ – В₈). Можно

¹ Миронова Н.И. Процессы самоорганизации как фактор устойчивости и как фактор риска. «Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления / Материалы Первой международной научно-практической конференции // под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 2, часть 1. С.249–263 // <http://spkurdyumov.narod.ru/progi.htm#Pro43>

² Fukuyama F. Death of hierarchy. From “The Great Description: Human Nature and the Reconstitution of Social Order” // Financial Times 1999. June 12 / June 13.

³ Ackoff R. A brief guide to interactive planning and design. May31, 2001 // www.acasa.upenn.edu

предположить (подробное рассмотрение выходит за рамки данного исследования), что в отношении стран Юго-Восточной Азии реализуется именно этот феномен. Вывод, который можно сделать из этого, заключается в том, что намерения индустриальных акторов продвинуть в эти страны ресурсоемкие индустриальные технологии обречены на неуспех. Эти страны уже вышли на магистраль постиндустриального развития со всеми его преимуществами и проблемами, и они не будут заинтересованы в делегировании им индустриальными монстрами своих проблем.

Еще один цивилизационный сдвиг ($B_6 - B_7$) был продемонстрирован нам после 11 сентября и подробно обсуждался выше.

Следующий сценарий – временной ряд «4» – визуализирует динамически устойчивую развивающуюся общественную систему – «гражданское общество». Эволюционный сценарий «гражданского общества» может реализоваться в случае высокой информативности обоих взаимодействующих сообществ: социума и властной элиты при высокой согласованности базовых ценностей. Этот сценарий развивается в условиях, ограниченных двумя предельными циклами затрат на управление. Особенность этого сценария заключается в том, что, оставаясь ограниченным предельными циклами, качественно управление улучшается за счет мобилизации внутренних ресурсов суперинформационных социума и властвующей элиты. Следует отметить, что предельный ресурсный цикл инновационного периода будет длиннее, чем предельный цикл периода спада¹. Каждый последующий спад социального развития не достигает уровня предыдущего, и каждый следующий этап инноваций начинается с более высокого уровня. Именно это и обеспечивает повышающую динамику социального развития.

Расход ресурсов на управление снижается за счет внутренней самоорганизации. Социум становится более пассионарным и креативным. Он является носителем изменений. И, что очень важно подчеркнуть, идет процесс гуманизации социума и гуманизации моделей управления. Это находится в полном соответствии с миссией и ценностями самого социума.

В гражданском обществе властвующая элита, потерявшая роль лидера изменений, находит себя в роли антикризисного менеджмента в период социальных спадов. В таком распределении ролей и реализации «обмена неустойчивостями» появляется возможность продолжить общественное развитие по сценарию гражданского общества.

Следует отметить, что гражданское общество – гармонизированный сценарий динамичного общества, и предполагает наличие возможностей и

¹ Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. Нелинейная динамика и проблемы прогноза. Вестник РАН, 2001, т. 71, №3. С.210–232.

способностей постоянного взаимного обучения, делегирования управленческого лидерства, создания новых моделей управления, которые можно, в целом, охарактеризовать как участвующее интерактивное управление в алгоритме «обмена неустойчивостями». В том случае, если властвующая элита решит «придержаться» властные полномочия и не передаст их гражданскому социуму, возможен обратный переход от гражданского к демократическому устройству. Поддержка алгоритма «обмена неустойчивостями» требует качественно другой общественной культуры, поддерживая и развивая новую ментальность – человека предчувствующего, иррационального – Homo Divinans.

В период лидерства социума властная элита участвует в формировании обратной связи, согласовании ожиданий и оценке эффективности управления. В период лидерства властной элиты эти ролевые функции переходят к социуму. В обществе достигается согласие относительно культурных изменений. Высокая информационность поддерживает готовность к изменениям и обеспечивает мобильность системы и ее готовность к изменениям внешней среды. Как социум, так и властная элита становятся носителями культурных и ментальных изменений.

Информационность выступает как фактор социальной динамики и основа эволюционного развития нации. Открытому информационному обществу присуща возможность взаимодействия информационно насыщенного общества с постоянно обновляемой информационной средой. Это ведет к ускорению процессов социальных изменений при непосредственном участии социума, что ведет к повышению уровня согласования ценностей и, соответственно, социальных ожиданий. Информационная насыщенность общества формирует более активные суперинформационные социумы и создает предпосылки его самоорганизации. Самоорганизация способствует актуализации существующего в рассредоточенной форме управленческого потенциала в его сетевых «узелках», паттернах (сплетениях) взаимодействий и подструктур.

Очень важной социальной инновацией следует считать то, что информационный социум включается в трансформирование социального пространства на основе своих базовых ценностей. Гуманистические ценности меняют шкалу общественных приоритетов. Человек, его гражданские права, его безопасность становятся неотъемлемой составляющей управления. В управлении идет активное развитие согласительных процедур и переговорных практик, формирующих культуру участвующего управления. Информационный социум ускоряет изменение культуры управления на основе базовых социальных ценностей безопасности, здоровья, сохранения среды обитания и производства.

Гуманистические принципы остаются важнейшей составляющей современного гражданского общества. Носителем этих принципов был и

остается самоорганизующийся гражданский социум. В наше время эти принципы нуждаются в защите, ибо они подвергаются давлению. В то время как путь гражданского социума лежит от тирании к гуманизму, властвующие элиты направляют мир к автократии и тирании.

Выводы

Социальные сдвиги происходят в области предельных значений управляющих параметров. Такие возможности появляются в периоды смены парадигм и при выходе системы за предельные значения аттракторов управления.

Каждый их типов общественных отношений обладает набором характерных свойств, что позволило нам построить модель эволюции общественных отношений, модель эволюционной динамики, и осуществить прогнозирование переходов от одного сценария к другому через цивилизационные падения, сдвиги и лифты.

Показано, как при социальных бифуркациях проявляется дискретность исторического времени.

Применение для описания затратности управления смысла предельного аттрактора позволило определить границы устойчивости социальной системы. Превышение предельного аттрактора затратности управления вызывает формирование механизмов саморегуляции социальной системы, не исключающих ее трансформации. Достижение иного аттрактора управления системы происходит через бифуркации, т.е. эволюционные сдвиги, лифты и падения.

Моделирование процессов социальной динамики и рассмотрение аналогий позволило определить парадигмальные смыслы и затратность управления как операторы социальной системы. Оператор парадигмальных смыслов имеет три различающихся набора в линейной, организмической и системной эволюционной парадигмах. Оператор затратности представлен в виде пяти аттракторов затратности: точечного, натурального предельного цикла, индустриального предельного цикла, аттрактора Хенона и аттрактора Лоренца (странного аттрактора). Развертка аттракторов в фазовом пространстве позволили нам создать модели типов общественных отношений: традиционного, авторитарного, демократического и гражданского.

Выделено сочетание параметров, влияющих на эволюционные предпочтения социальных систем в точках бифуркаций. Исследовано влияние возникающих свойств социальных систем на ее эволюционные переходы. Предложена логическая модель в координатах: 1) согласования/поляризации

базовых ценностей, 2) отсутствия/наличия самоорганизации, 3) низкой/высокой информациональности.

Продемонстрировано, что социальная эволюция состоит в образовании новых социальных систем и взаимодействий, которые возникают, разрушаются и вновь возникают в неустойчивой динамической неравновесной социальной системе. Описаны четыре типа социальной организации и государственного управления. Выделены признаки каждого типа управления. Определен тип ментальности социума, поддерживающий формирование каждого из типов социальной организации.

На основе предложенных сценариев в зависимости от состояния и сочетания параметров порядка системы сделан прогноз возможного выбора наиболее вероятной модели социальных трансформаций системы, находящейся в зоне флуктуаций.

Механизм взаимодействия самоорганизации и управления как негаэнтропийно-энтропийный процесс мы рассмотрим в четвертой главе «Государственное управление и гражданская самоорганизация».

Понятие политической власти сейчас полностью переопределяется. Современные хорошо образованные и хорошо информированные граждане способны и желают принимать более широкое участие в политических решениях, чем это позволяет современная система представительства.
Джон Нейсбит

ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ

4.1. Три типа взаимодействия самоорганизации и управления

Мы рассматриваем государство как форму взаимодействия социумов. Управление рассматривается как продукт взаимодействия социумов, участвующих в формировании управления. Некоторое допущение заключается в том, что мы рассматриваем систему двух социумов: гражданского социума и властвующей элиты. Наши модели показали, что это допущение позволяет нам вести исследование.

Выбор из альтернатив возможных бифуркаций формируется как результирующая управляющих воздействий социумов. Важным представляется исследование ролей этих социумов в социальной динамике. Мы полагаем, что это может зависеть как от направления результирующего вектора, так и от той точки пространства-времени, в которой находится социальная система.

Открытое общество формирует новые свойства как социокультурного пространства, так и самого социума, ускоряя его информационализацию и перераспределение социальных ролей. И то, и другое представляет интерес для социологического исследования. В контексте эволюционной теории мы предлагаем модели, способные объяснить, как информационная революция инициирует перераспределение социальных ролей.

Покажем, как в дихотомическом негаэнтропийно-энтропийном взаимодействии возникают, наполненные драматическими противоречиями и волнующими возможностями, типы управления: энтропийный автократический, синергетический делегированный, и «обменный» участвующий.

Исследуем возможности самоорганизации и роль социальной негаэнтропии в различных типах взаимодействия самоорганизации и управления:

- 1) «экспорт» энтропии управления в социум при отсутствии или подавлении самоорганизации (автократический);
- 2) синергетическое взаимодействие негаэнтропии самоорганизации и энтропии управления (делегированный);

3) алгоритмический «обмен неустойчивостями» самоорганизации и управления (участвующий)¹.

Зафиксированные нами различия свойств и характера взаимоотношений социальных акторов формируют заметно различающиеся эволюционные сценарии – традиционный, автократический, демократический и гражданский.

Энтропийный принцип управления описан В. Романовым: «Самоорганизация (а она всегда креативна) обязательно связана с выведением энтропии во внешнюю среду,...организация одной социальной системы сопровождается дезорганизацией (в том числе, патологической) других социальных систем. Внешняя среда (другие системы) не может не сопротивляться этой энтропийной экспансии, хотя для собственной креативности энтропия ей необходима»². Неустойчивость социума, как отметил Романов, вызывается экспортом (выбросом) в него энтропии управляющей системой. Социальный и политический смысл экспорта энтропии состоит в переносе ответственности за ошибки управления на социум. Однако выброс энтропии управления в социум – неоднозначный процесс, он вызывает нарастание неустойчивости социальной системы. Если ответом на вызов становится самоорганизация социума, система обнаруживает свойства креативности и инновационности. Отсутствие или подавление самоорганизации деструктивно влияет на творческие способности социальной системы. Деструктивный сценарий описан известным российским социологом Н.Лапиным как «состояние патологического социального кризиса»³.

Энтропийный тип управления определяет автократическое управление с подавлением самоорганизации. В случае выхода социальной системы в зону неустойчивости «взрыв самоорганизации» ведет к элиминации властвующей элиты и создает условия цивилизационного сдвига социальной системы в сценарий традиционного общества с естественным участвующим управлением в условиях низкой информациональности социума.

Синергетический тип взаимодействий основан на сложении социальных энергий разных знаков – энтропии управления и негэнтропии самоорганизации. Такой тип управленческих взаимодействий возникает в условиях роста самоорганизации и генерирования социумом гражданских инициатив. Производство негэнтропии является параметром социальной самоорганизующейся системы. Подчеркнем, что, в свою очередь, такая

¹ Алгоритмический обмен неустойчивостями – в природе это обратимый периодический обмен энергиями негэнтропии и энтропии на пороге устойчивости системы. Обмен неустойчивостями существует в природе и реализован в химических, физических и биологических процессах. Произвольные периодические колебательные процессы неживой природы открыты Б.Белузовым в 1951 г. Колебательные процессы на уровне живых систем описаны моделью «хищник–жертва».

² Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. М.:РАГС, 2003. Гл.2.

³ Лапин Н.И. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.:ИФРАН. 1994. 245 с.

самоорганизующаяся система синтезируется благодаря возникающим свойствам открытой динамической социальной системы. Отметим, что синергетическое делегированное управление более затратно, чем энтропийное автократическое. Это является следствием частичной «аннигиляции» социальных энергий разных знаков. Однако в результате такой «аннигиляции» управляющих воздействий возникает и формируется новая культура взаимоотношений социальных акторов. Эта культура взаимодействий становится интеллектуальным продуктом и собственностью социумов. В случае перехода такой социальной системы в зону неустойчивости ее бифуркационный выбор сильно зависит от уровня информациональности социальных акторов.

Третий, наименее затратный, тип участвующего управления возникает как алгоритмический «обмен неустойчивостями», как автомодельный обмен энергиями негаэнтروпии и энтропии на границе устойчивости социальных систем в случае взаимодействия суперинформациональных социумов. Повышение эффективности управления достигается за счет высвобождения креативности, реализации инновационного потенциала гражданского социума на стадии социального подъема и переменного лидерства. Можно, с некоторой долей осторожности, предположить, что такой тип управления формирует сценарий «устойчивого развития». Но это требует дополнительного исследования фактора алгоритмичности, который предполагает формирование культуры добровольной передачи власти и институтов гражданского общества (что гораздо шире, чем просто наличие и деятельность неправительственных организаций).

В нашем исследовании мы выделили в качестве параметров порядка информациональность, самоорганизацию и ценностный консенсус. Поляризацию базовых ценностей мы рассматриваем как источник дихотомии управления.

Мы проводим качественное исследование сочетаний параметров порядка, при которых процесс взаимодействия управления и самоорганизации формирует одну из трех определенных нами форм управления – энтропийной, энтропийно-негаэнтропийной синергетической, негаэнтропийно-энтропийного алгоритмического «обмена неустойчивостями».

Рассмотрим более подробно различия формируемых взаимодействий управления.

Представление о синергии введено в 1965 году математиком и экономистом Игорем Ансоффом¹ короткой формулой: $2+2=5$. Вячеслав Романов предлагает понятие управленческой энтропии, которое можно описать формулой: $2+2=3$. В

¹ Igor Ansoff "The New Corporate Strategy" – 1965, 1968, 1988. Впоследствии наука «синергетика» получила свое развитие в работах немецкого ученого Германа Хакена.

чем же состоят различия социальных взаимодействий, в одном случае открывающих дополнительные возможности, а в другом – их исключающие?

Вячеслав Романов обращает внимание на особенности дестабилизации общества, описывая взаимодействие управления и самоорганизации с позиций синергетики: «...за порядок и восходящее развитие одних систем "расплачиваются" другие утратой порядка и деградацией. Цена этого процесса для внешних, по отношению к самоорганизующейся системе, социальных индивидов может быть очень высокой, вплоть до социальной патологии, кризисов и катастроф»¹.

Развивая тезисы Романова и Ансоффа, будем рассматривать общество как систему социумов, в которой в результате совместной жизнедеятельности возникает эмерджентное свойство – феномен управления. Управление можно отнести к одному из спонтанных социальных порядков, возникающих в результате самоорганизации социумов². Тренды общественного развития формируются под управляющим воздействием, которое является результатом экспорта энтропии управления, либо суммирования, либо обмена энтропии, производимой властвующей элитой, и негаэнтропии, генерируемой социумом.

Воспользуемся представлением Эрвина Ласло о взаимодействии энтропии и негаэнтропии³: «Реальные системы, существующие в окружающем нас мире, – неравновесные системы, эволюционирующие нелинейно и открытые для потоков энергии из окружающей среды и в окружающую среду...Открытая система вдали от термодинамического равновесия, совершая работу, рассеивает энтропию: ... она импортирует свободную энергию из окружающей среды и экспортирует в окружающую среду энтропию. Если такая система импортирует больше негаэнтропии, чем рассеивает энтропии, то она растет и развивается».

В своем анализе Ласло, как и Романов, говорит об импорте негаэнтропии. Нами же исследуется гипотеза генерирования негаэнтропии самой социальной системой (Миронова, 2005)⁴. Мы исследуем ответ на вопрос, заданный еще В.И.Вернадским: «Здесь перед нами встала новая загадка. Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы?»⁵. Предположим, что разгадка – в генерировании системой негаэнтропии. Генерирование негаэнтропии происходит при переработке мыслящей системой информации.

¹ Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. М.: ПАГС, 2003. Гл.2 // www.spkurdyumov.narod.ru

² Хиценко В.Е. Эволюционный менеджмент / Московский международный синергетический форум // www.sinergetic.ru

³ Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории / www.iph.ras.ru/~mifs/sections/articles.htm.

⁴ Миронова Н.И. Возникновение параметров порядка динамически неравновесных социальных систем // <http://spkurdyumov.narod.ru/progi.htm#Pro66>

⁵ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // В.И. Вернадский. «Научная мысль как планетное явление» Отв. ред. А.Л. Яншин, Москва, "Наука", 1991.

При переработке информации в системе происходит структурирование социального знания и актуализация управляющего потенциала. Ранее уже показана возможность включения фактора информациональности в процессы управления (Миронова, 2004)¹. В этом взаимодействии формируются воздействия с различающимися характеристиками, которые можно обобщить как реформацию, модернизацию или трансформацию. Рассмотрим отличия.

4.2. Реформация, модернизация или трансформация?

Эволюционные предпочтения системы рассмотрим как результирующую управляющих воздействий. Возможности реформации, модернизации или трансформации системы возникают как следствие сочетаний факторов ее динамической неустойчивости.

Но, прежде всего, вернем термину реформация его первоначальный смысл. Этот термин пришел к нам из XVI века, когда под ним формировалось социально политическое движение, отражавшее поляризацию ценностей крестьянства и нарождавшейся буржуазии. Смысл реформации, в полном соответствии с организмической парадигмой, был в том, чтобы свести общественную самоорганизацию, провести ее реформацию в соответствии с канонами представлений властвующих элит об устойчивости государства. Таким образом, смысл реформации – в возврате к предыдущему устойчивому состоянию.

Управление в дихотомической социальной системе формируется как продукт энтропийно-негаэнтропийного взаимодействия социальных общностей, обладающих свойством генерации негаэнтропии. Эта гипотеза продвигает нас на пути рассмотрения феномена управления, который мы представляем как результат взаимодействия энтропийных и негаэнтропийных воздействий властвующего и гражданского социумов. Рассмотрим модель динамики открытой системы двух взаимодействующих на каждом этапе социумов и покажем, какие смыслы в системной теории приобретают понятия реформации, модернизации и трансформации.

Исходим из того, что один из социумов является источником энтропии, другой – негаэнтропии. (рис.10).

Обратим внимание без подробного обсуждения, что на нисходящей кривой наша модель демонстрирует отмеченную ранее инверсию. Энтропийный социум начинает выработку негаэнтропии, а негаэнтропийный – выработку энтропии.

¹ Миронова Н.И. Информациональное общество как фактор социальной динамики / Управление социальными, экономическими и политическими процессами в российских регионах. Международная конференция. Ч.1. Сб. статей. – Екатеринбург, 2004. С.161–168.

Рассмотрим поведение системы на восходящей кривой и в точке ветвления (точке бифуркации В). Результирующая внутреннего сложения энтропии-негаэнтропии не является величиной постоянной и может меняться, изменяя роль социума в диапазоне: конформист (консерватор), реформатор, инноватор.

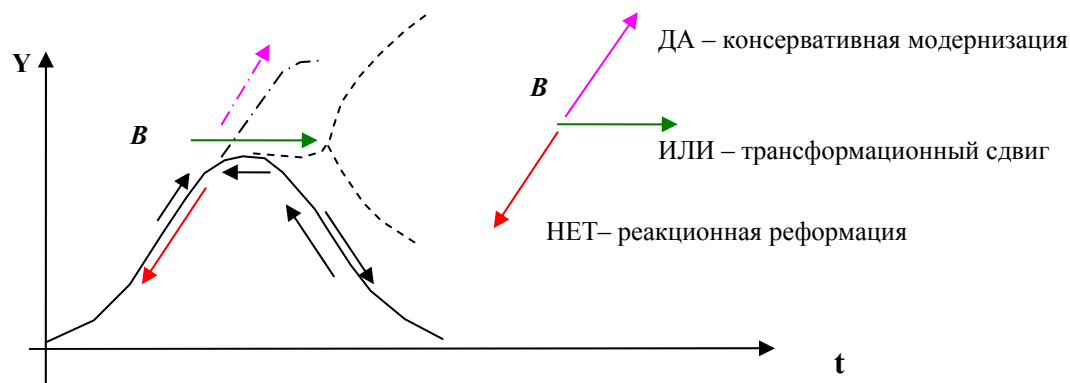

Рис.10. Модель синергетического энтропийно-негаэнтропийного управления

Социум неоднороден. В нем можно выделить конформистов или консерваторов (с доминантой конформистского присоединения), трансформаторов (с инновационной доминантой) и реформаторов (с реакционной протестной доминантой).

Как показывают выборы, доля конформистов в обществе поддерживается на уровне 50%. В то же время, как следует из закона «20/80» Вильфредо Парето, инноваторы составляют около 20%, чего, однако, уже вполне достаточно, чтобы осуществлять 80% изменений, определяющих трансформацию организации. Это относится и к общему реакционному (обращенному в прошлое) потенциалу в социуме, который тоже составляет около 20%.

Таким образом, важную роль приобретает группа неопределившихся – примерно 10% социума, которые могут усилить один из трех потенциалов, или одну из трех социальных ролей. Это может определить выбор всей системы в точке бифуркации¹.

В условиях открытого общества возникает возможность использования негаэнтропийного информационного ресурса для эволюционных трансформаций. Общество получает возможность предложить альтернативы линейным подходам и манипулированию информацией, которые стали

¹ Таким образом, можно сказать, что в выборах в 2000 и 2004 годах в США решающую роль сыграли конформисты, а в России в 1999 и в 2004 годах – конформисты и реакционеры.

врожденным свойством властвующей элиты и источником энтропии управления¹.

4.3. Синергетическое взаимодействие управления и самоорганизации

Приведенная ниже математическая последовательность посвящена информационной негаэнтропии, играющей роль источника трансформаций.

Важнейшей характеристикой управления мы выделили его затратность. В самом общем виде ее фиксированный параметр Y выразится как способ взаимодействия энтропии управления и негаэнтропии самоорганизации:

$$Y = |S| \wedge |N| \quad (3)$$

Для энтропийного управления, когда самоорганизации подавлена, негаэнтропия стремится к нулю, т.е. при $N \rightarrow 0$, эта формула преобразуется в:

$$Y = S \quad (4)$$

Таким образом (4) – формула энтропийного автократического линейного управления.

Для синергетического делегированного управления мы будем исходить из взаимодействия:

$$Y = |S| \wedge |N| = |S| + |N| \quad (5)$$

Для управления по принципу алгоритмического обмена неустойчивостями получим:

$$Y = |S| \vee |N| \quad (6)$$

Исследуем далее более подробно случай синергетического управления – равенство (5). Введем некоторое упрощение. Допустим, что производство энтропии – это скрытый от исследования процесс властвующего социума. Допустим, что производство негаэнтропии более прозрачно и поддается определению как функции от информативности гражданского социума. Положим, что сам социум неоднороден и состоит из конформистов, реформаторов-реакционеров, инноваторов и неопределившихся. Тогда:

$$Y = S + N = S + I(K + R + T + W) \quad (7),$$

¹ Существует широкий спектр манипулятивных технологий, приведших к кризису власти и общества. Эти технологии отражают силовую линейную ментальность властвующей элиты и порождают информационную энтропию, как это показано Г. Почепцовым // Георгий Почепцов. «Информационные войны» К.: Изд-во «АДЕФ-Украина», 1998. 332 с.

Где Y – затратность управления, I – информационность социума, обеспечивающая воспроизводство негэнтропии, объем которой будет зависеть от распределения в социуме групп консерваторов (K), реформаторов/реакционеров (R), трансформаторов/инноваторов (T) и неопределившихся (W), а также от способности этих групп приобретать свойство информационности.

В то же время предельная затратность управления определяется достижением системой некоего состояния предельного аттрактора $\lim A$. Затратность управления в социальной системе по синергетической модели описывается как стремление системы достичь некоего соотношения отрицательной энтропии S и положительной негэнтропии N . Тогда зона устойчивого гомеостаза системы определится неравенством:

$$Y = S + N < \lim A \quad (8)$$

Неравенство (9) будет характеризовать зону хаоса:

$$Y = S + N > \lim A \quad (9)$$

Следует отметить важную особенность. Оценка неравенства (9) как характеристики хаоса сделана с позиции наблюдателя, находящегося в системе (гомеостазной). С позиций же внесистемного наблюдателя можно отметить, что зона за пределами предельного аттрактора характеризуется избыточной социальной негэнтропией, креативностью, инновационностью, и возможностями трансформаций социальной системы.

Зона перехода из одного качества системы в другое характеризуется неустойчивостью, это зона флуктуаций, содержащая точки бифуркаций. Она определится условием:

$$Y = S + N = \lim A \quad (10),$$

где величина $\lim A$ определяется предельной величиной аттрактора управления, как это проиллюстрировано нами в матрице аттракторов затратности управления на рис.6.

Неравенство (11) определит нисходящий вектор развития общества:

$$dS/dt + dN/dt < 0 \quad (11),$$

а вот неравенство (12) определит восходящий вектор его динамического развития:

$$dS/dt + dN/dt > 0 \quad (12)$$

Равенство энтропии и негэнтропии определит стагнацию системы:

$$dS/dt - dN/dt = 0 \quad (13)$$

Обратим внимание на то, что именно это равенство и является целью устремлений последователей организмической парадигмы. Следование организмической парадигме ограничивает социальное развитие достижением гомеостаза, равенства производства энтропии и негаэнтропии. Это устремление отражено в феномене «управляемой демократии» и в «феномене суверенной демократии». Идея управляемой демократии воплощается в любопытном фантоме квазигражданских общественных организаций, так называемых ГОНГО¹, которые, видимо, должны, по замыслу власти, создать феномен управляемой самоорганизации.

С точки зрения неравновесных динамических систем, достижение равенства энтропии и негаэнтропии определяет зону неустойчивости и возможностей бифуркаций социальной системы. В точке бифуркации, в момент выбора системой направления результирующего вектора F , все будет зависеть от значимости вкладов различных групп предпочтений – конформистских (модернизаторских), реформистских (реакционных), трансформистских и неопределившихся:

$$dS/dt + d(IK)/dt + d(IR)/dt + d(IT)/dt + d(IW)/dt = dF/dt \quad (14)$$

Проанализируем возможные сценарии выбора социальной системы.

Низкий уровень самоорганизации приводит к тому, что в системе доминируют конформисты – консерваторы. Факторы $d(IR)/dt$, $d(IT)/dt$ и $d(IW)/dt$ являются пренебрежимо малыми, не влияющими на выбор системы. Консерваторы голосуют за правительственный курс, и система продолжает движение в направлении, определяемом увеличением выработки и сброса энтропии и формированием затратного управления и консервативного вектора движения системы:

$$dS/dt + dIK/dt \geq dS/dt = dS^k/dt = dF^k/dt \quad (15)$$

Креативность этой группы, в лучшем случае, воплотится в проекты консервативной модернизации, что приведет к еще большему увеличению затратности управления и дополнительной мобилизации общественных ресурсов в пользу властвующей элиты.

Рассмотрим теперь систему с высоким уровнем самоорганизации, в которой реакционеры, трансформаторы и неопределившиеся, то есть факторы $d(IR)/dt$, $d(IT)/dt$ и $d(IW)/dt$, приобретают большее значение. При доминировании фактора $d(IR)/dt$ получаем реакционный спад:

¹ Government Organized Non-Government Organizations (GONGO).

$$dS^k/dt + d(IR)/dt + d(IW)/dt = dF^r/dt \quad (16)$$

При доминировании фактора $d(IT)/dt$ возникает вектор эволюционной трансформации:

$$dS^k/dt + d(IT)/dt + d(IW)/dt = dF^{tr}/dt \quad (17)$$

При соразмерности групп трансформаторов и реакционеров и сравнимости значений актуализированных ими управляющих воздействий социальная система попадает в ситуацию «буриданова осла». Она получает два равносильных вектора регрессии и трансформации.

В этом случае выбор системы определит умение социальных групп принимать, перерабатывать информацию, генерировать новое знание на основе собственного социального опыта и трансформировать его в управляющее воздействие, т.е. фактор информациональности.

Как показывает анализ реальной ситуации, реакционеры обычно запаздывают с освоением информационных технологий и не стремятся в своем большинстве развивать информационную культуру, и не заинтересованы в поиске и приобретении новых знаний. Тогда можно предположить с большой достоверностью, что в момент кризиса $d(IR)/dt$ стремится к нулю.

Тогда возможность генерации системой социальной негэнтропии определится неравенством (18):

$$N = I(T+W) \quad (18),$$

из чего следует, что всю социальную ответственность и роль производителя негэнтропии берут на себя группы трансформаторов и неопределившихся. Представители этих групп должны обладать высокими качественными характеристиками, позволяющими вывести систему в зону больших возможностей и креативности, и достигнуть трансформационного соотношения:

$$S + I(T+W) > 0 \quad (19)$$

Негэнтропийные трансформационные управляющие воздействия можно усилить за счет актуализации их именно в зоне кризиса, обладающей возможностями бифуркаций, когда достаточно осуществить малое воздействие, чтобы привлечь симпатии неопределившихся и добиться значительных результатов. В итоге, может реализоваться альтернатива и трансформационная смена затратного сценария социального развития на эффективный.

Однако в социальной системе, сделавшей выбор и удалившейся от зоны бифуркации внутрь пределов аттрактора управления, этих усилий уже будет недостаточно. Ту же картину мы получим и при искусственном увеличении параметров аттрактора управления, например, за счет нефтяных денег.

Консервативный выбор, сделанный социумом, отдаляет, но не исключает возникновение нового кризиса. В таком движении жесткое мобилизационное изъятие дополнительных общественных ресурсов заканчивается «неожиданным» в линейной эволюционной концепции кризисом. Система отдает предпочтение иному, чем консервативная модернизация, пути. Социальная система может перейти на более низкий уровень эволюционной модели (реакционный сценарий), который может быть оправдан с точки зрения самосохранения общественного социума. Инстинкт самосохранения основывается на базовых ценностях и включает интуитивное поведение каждого индивида и социальной системы в целом.

4.4. Алгоритмический «обмен неустойчивостями»

Рассмотрим возможности, которые возникают в социальной системе в случае преодоления границы неустойчивости (9) и выхода за пределы аттрактора управления. Тогда в системе может возникнуть и развиваться процесс алгоритмического обмена негаэнтропией и энтропией $Y = |S| \vee |N|$. В условиях неопределенности будущего алгоритмическая регулируемость достигается на основе самоорганизующейся спонтанности, как это показывает Владимир Костюк на примере рынка¹.

В том случае, если граница неустойчивости не преодолена, реализуются рациональные адаптивные ожидания конформистского большинства (К), сформированные на основе прошлого опыта. В этом случае социальная система попадает в организмический гомеостаз. Можно предположить, что носителями рациональных ожиданий и группой, поведение которой описывается теориями адаптаций, являются конформисты, составляющие те самые 50%. Именно на конформистов опирается бюрократическая иерархическая система управления.

В том случае, когда инноваторы приобретут властную легитимность, перед конформистами может встать вопрос о выборе другой стратегии, чем следование власти. Тогда эта группа может поддержать трансформационный тренд и войти в процесс участвующего управления. Участвующее управление в этом случае формируется союзом инноваторов и конформистов, с одной стороны, и властвующей элитой и реформаторами-реакционерами, с другой, и представляет периодический обмен социальной негаэнтропией и энтропией между этими двумя группами. Однако формирование лидирующей роли носителей «иррациональных» ожиданий требует формирования нового видения системы –

¹ Костюк В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы. М., УРСС. 2001. С.50.

новой парадигмы, новых институтов и создания новых ментальных образов – новой ментальности.

Выскажем предположение, что модели формирования новых возможностей, образцы поведения и методы решения проблем, которые будут предлагать Homo Divinans, будут весьма отличны от ролей, предлагаемых играющими манипуляторами Homo Ludens, и будут отличаться от тех образцов, которые выработаны Homo Faber.

В зоне кризиса, вблизи точки бифуркации, где исчезает похожесть, ожидания становятся интуитивными. Интуитивные ожидания индивидуализированы и иррациональны. Поэтому крайне важным представляется изменять в социальной среде отношение к кризису от вестника потерь к создателю новых возможностей.

Для рассматриваемой ниже модели управления по принципу алгоритмического «обмена неустойчивостями» крайне необходимо культивировать Homo Divinans, образ творца и создателя новых отношений.

Будем исходить из того, что в зоне неустойчивости ментальное видение будущего Homo Divinans определяет выбор системы в точке бифуркации. Социальными акторами достигается согласие относительно базовых ценностей. Кроме того, социальные акторы приобрели свойство суперинформационности и обладают высоким уровнем самоорганизации. Продемонстрируем этот тезис результирующей развертки временного ряда странного аттрактора (рис.11).

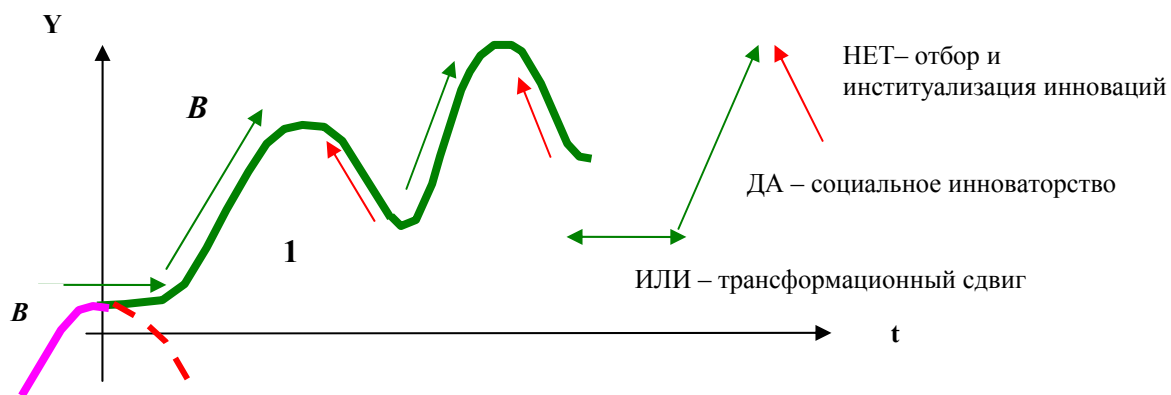

Рис.11. Алгоритм управления по принципу «обмена неустойчивостями»

В случае трансформационного сдвига возникает возможность формирования управления по принципу «обмена неустойчивостями», т.е. алгоритмического обмена энергиями негэнтропии и энтропии в зонах динамического равновесия, которые для неравновесных систем являются зонами неустойчивости.

Суперинформациональный гражданский социум трансформирует интуитивные ожидания социума в управляющие инициативы. А суперинформациональный властвующий социум трансформируется в конформистский антикризисный менеджмент. Чем активнее инновационная деятельность социума, тем интенсивнее его социальное развитие. Чем эффективнее антикризисный менеджмент, тем короче кривая спада, и тем ближе новый инновационный подъем.

Многочисленные исследования подтверждают отсутствие или очень низкий инновационный потенциал в системе управления и высокую креативность, инновационность, в самоорганизующемся гражданском социуме, который в условиях открытого общества становится суперинформациональным.

На протяжении всей истории человечества в любой сфере его деятельности формировались группы носителей изменений. Особенность заключалась в том, что темпы этих изменений в предыдущие периоды либо совпадали со сроками жизни человека, либо значительно превышали их. Это давало время для «естественной» смены модели управления, культурных ценностей и ментальных моделей поведения вместе с поколением их носителей. Анализируя управление как социокультурную и информационную характеристику состояния социума, можно заметить, что смена властвующей элиты в период социального упадка обеспечивала подъем и новый цикл социального развития. В доиндустриальную эпоху, когда периоды подъема и спада исчислялись сотнями лет, формировались правящие династии. Смена династий означала смену моделей управления. В индустриальную эпоху период этого цикла стал сравним со временем жизни, по крайней мере, одного поколения¹. Теперь уже следует говорить не о династиях, а о поколениях. Новому поколению властвующей элиты по определению необходимо становиться носителем изменений, формировать новый набор моделей управления. Освоенному искусству управления поколение властвующей элиты следовало в течение своей жизни.

Ускорение социальных изменений в последние два десятилетия нарушили этот ритм. Информационная революция и то, что с ней связано, внесло радикальные перемены во все сферы человеческой деятельности. В наше время скорость обновлений сократилась до нескольких лет и стала неотъемлемой составляющей экономической и политической конкуренции. Возникла потребность более частой смены моделей управления. Это формирует когнитивную и ментальную проблему и для общества, и для властвующих элит.

¹ Нужно заметить, что и в среде властвующей элиты всегда можно обнаружить тех, кто пытался опередить революционное изменение качественных характеристик системы. Но чаще всего они опаздывали и их сменяли либо вместе с элитой, к которой они принадлежали, либо элита изгоняла или даже уничтожала их как нечто инородное. Такова судьба большинства трансформаторов. Применяя термин «трансформаторы», мы ссылаемся на Р.Акоффа, который дал представление о сущностном различии реформаций, модернизаций и трансформаций. <http://spkurdyumov.narod.ru>

Неадекватность генерируемых моделей управления маргинализирует и элиты, и общество. Неадекватные модели управления не в состоянии затормозить необратимый процесс социальных изменений. Но они могут ускорить перемещение самой социальной системы в зону неустойчивости и бифуркаций.

Социальная технология «обучающейся организации» пока воспринимается как панацея, как метод гармонизации скорости технических и социальных инновационных периодов¹. Информационные технологии в свою очередь предоставляют обществу новые возможности в виде дистанционного обучения. Государственные и негосударственные структуры включились в процессы транслирования знаний различным социальным группам. В итоге, это создает достаточно устойчивые предпосылки информатизации социумов. Социум трансформирует информационные ресурсы в ресурсы самоорганизации, которые несут в себе еще большие возможности. Формируется новая культура управления, основанная на свободном доступе к информации. В этих новациях заключается вызов традиционным бюрократическим элитам, который ускоряет их собственную трансформацию или уход.

Следует отметить, что властвующие элиты трансформациям предпочитают модернизацию. Модернизация бюрократических структур является запаздывающей, но все же это не лишает их возможности совершить «информационный сдвиг», обсуждавшийся нами выше. Следует также отметить большой интерес к «информационным» или «интеллектуальным системам управления». Эти системы управления основаны на информационных технологиях, сочетающих многообразные современные методы, такие, как метод нейронных сетей, генетические алгоритмы, нечеткие системы, экспертные системы, а также методы системной динамики. Общим свойством интеллектуальных систем является то, что они имитируют природные процессы. Но, как показано нами выше, такая имитация, или моделирование, для социальных систем в значительной мере зависит от того, находится ли создатель моделей внутри системы или снаружи, и от его восприятия системы, то есть от его собственной когнитивной парадигмы. Системный подход позволяет оценивать когнитивные модели социумов и исследовать его креативность.

Внешняя информация в открытом обществе инициирует выработку социальной негэнтропии в виде новых моделей управления, формируя возможности трех типов взаимодействия: энтропийного диссипативного, энтропийно-негэнтропийного синергетического взаимодействия либо негэнтропийно-энтропийного по принципу периодического обмена неустойчивостями.

¹ Самоотверженным пропагандистом этой социальной технологии «обучающейся организации» стал Петер Сенге / Сенге П. М. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М.: Олимп-Бизнес, 1999. 408 с.

Информационная невосприимчивость общественной системы, будь то в силу закрытости или внутреннего истощения, означает ее «тепловую смерть», энтропийное разрушение, или затухание этногенеза, по Гумилеву¹. В закрытом обществе скорость затухания системы либо полностью зависит от скорости энтропии, либо даже усиливается за счет ее дополнительного воспроизводства в консервативной модели развития. В закрытом обществе при отсутствии внешней информации социум переходит в состояние традиционного затухающего общества, как это описано выше.

Человеку не свойственно воспринимать состояние стабильности как состояние неустойчивости. Он не чувствует в стабильности надвигающейся угрозы умирания. В человека не вложено предчувствие социальной катастрофы. Очевидно, это связано с его ментальностью.

Изменение, которое необходимо внести в социальную культуру, состоит в позитивном восприятии кризиса. Видение возможностей в кризисе необходимо развивать, и это можно делать развитием и пропагандой культуры просвещенного инновационного управления, управления для изменений.

Таким образом, мы подошли к противоречию элементарного и системного. В реальности, в усложняющемся, ускоряющемся и открытом мире социальные процессы оказываются более сложными и взаимосвязанными, последствия принятых решений не подчиняются ни детерминистской логике, ни логике операционно замкнутых систем. Противоречие между устойчивостью как стагнацией и неустойчивостью как развитием отражает не только конфликт тезаурусов, конфликт организмической и эволюционной системной парадигм, но и ментальный конфликт трансформаторов и реформаторов. В этом источник социальных и политических проблем нашего времени.

Романов отмечает, что в классической парадигме «организация и управление фактически оказываются направленными против самоорганизации, поскольку введение рамок поведения и деятельности закрывает систему, что можно интерпретировать как сдерживание или прекращение самоорганизации»².

Формирование управления как синергетического сложения энтропии и негэнтропии жизнедеятельности властвующего и гражданского социумов приводит в результате к формированию и становлению демократической государственной организации³. Государство возникает как институт постоянных переговоров взаимодействующих социумов. Его роль в сопряжении интересов и управляющих воздействий социумов в процессе их совместной эволюции.

¹ Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: Гидрометеониздат, 1990. С.79–150.

² Романов В.Л. Методологический аспект разработки критериев и показателей развития социальных систем // www.spkurdyumov.narod.ru

³ Миронова Н.И. Общество и государство: динамика социального развития // Управление социальными процессами в регионах. Третья Всероссийская науч.-практ. конф. Ч. 2. Социология регионального управления. Екатеринбург, 2003. С. 81–84.

Исследование деятельности общественных движений дает нам примеры самоорганизации социума и его включения в регулирование социального пространства¹.

Выводы

Исследование процессов социальной самоорганизации выявляет энтропийную особенность самоорганизации властвующего социума и негаэнтропийную особенность самоорганизации гражданского социума. Мы определяем три типа взаимодействий: энтропийную автократию, синергетическое демократическое делегирование и алгоритмическое интерактивное гражданское участие. Информационная открытость общества и информациональность социума является ресурсом производства негаэнтропии. Информационно закрытые социальные системы характеризуются консерватизмом, преобладанием сопротивляемости новой информации и предрасположенностью к ускоренному старению, деградации и структурной гибели.

Описаны три результирующие векторов управляющих взаимодействий гражданского социума и властвующей элиты: реформация, модернизация и трансформация. При рассмотрении управляющих взаимодействий мы исходим из представлений о дихотомическом взаимодействии социальных акторов.

Показано, как негаэнтропийные процессы социальной организации вступают во взаимодействие с энтропией управления. Показано, что в демократическом обществе управление формируется как синергетическое взаимодействие энтропии и негаэнтропии, а в гражданском – на основе алгоритмического «обмена неустойчивостями» взаимодействующих социальных акторов. Показано, что в открытом обществе информация не является негаэнтропией сама по себе, но ее переизбыток содействует воспроизводству негаэнтропии социумом. Решена задача нахождения условий, при которых происходят изменения или согласования различающихся культурно-ценностных образцов с целью формирования новой социальной реальности и новых социальных практик. Теоретические подходы аргументированы примерами социальных взаимодействий и роли в них социальной самоорганизации.

Взаимоотношения самоорганизации и управления в России мы рассмотрим в пятой главе «Управление и самоорганизация в современной России».

¹ Maria Tysiachniouk, Natalia Mironova, and Jonathan Reisman. A Historical Perspective on the Movement for Nuclear Safety in Chelyabinsk, Russia // International Journal of Contemporary Sociology, Vol. 41, No. 1, 2004, April.

На месте иерархий возникают организации,
построенные по сетевым моделям, корни которых
лежат в естественных, эгалитарных
и спонтанных образованиях –
группах единомышленников.
Сети перестраивают структуры власти
и коммуникационных потоков в организации,
заменяют вертикаль горизонталью.
Джон Нейсбит

ГЛАВА 5. УПРАВЛЕНИЕ И САМООРГАНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.1. Моделирование властных взаимоотношений

В этой главе мы реализуем важный социологический принцип — принцип рефлексии. Мы исходим из того, что знания, которыми обладает социум, имеют прямые и непосредственные практические следствия. То, что люди думают о социальных изменениях, принципиально важно для того, чтобы предвидеть их действия. Можно соглашаться или не соглашаться с мнением П.Штомпки, который считает, что если теория способна предсказать изменения, то само предсказание будет продвигать противников изменений к тому, чтобы их не допустить. В обществе, кроме противников изменений, есть и их сторонники. Но, кроме того, есть объективные и субъективные факторы, сочетание которых делает изменения необратимыми. Это тем более важно осознавать, если социум уже находится в зоне флуктуаций.

Проанализируем эмерджентные свойства российского социума, которые мы выделяем как параметры порядка: уровень согласованности ценностей, самоорганизации и информациональности. Российское социальное пространство следует считать авторитарным, оценивая его по параметру энтропийности управления, исходя из нарастающих тенденций мобилизации власти и ресурсов в руках властвующей элиты.

Но с другой стороны, заметный рост самоорганизации и информациональности позволяет говорить о флуктуациях в зоне авторитарного полюса (рис.5) и о потенциальной возможности перемещения общества в направлении одного из трех других полюсов социального пространства. При этом следует подчеркнуть, что принцип минимизации энтропии выдерживается только при движении в сторону традиционного или гражданского общества. Но гражданское общество может опираться на институты, формирование и

практика использования которых приходит в демократическом эволюционном сценарии. В то же время скачок цен на нефть, казалось бы, создает уникальную возможность перевода системы в аттрактор управления, характеризующий демократическое делегированное управление. Но этот перевод следует сопровождать формированием возможностей увеличения информативности как гражданского социума, так и властвующей элиты. Отсюда вытекает необходимость информационного насыщения общества и поддержки открытого доступа к информации. Но это входит в противоречие с принципами и культурой авторитарного общества и автократического управления.

Для России исторически сложилось так, что глобальная трансформация институтов управления, ставшая отражением процессов формирования постиндустриальной информативной культуры, совпала с чередой кризисов системы автократического управления. Перефразируя Франсиско Варелу¹, можно предположить, что причинами последовательной череды кризисов являются воспроизводство ошибок управления, как «воспроизводство организационно закрытой единицы целостности, воспроизводимой сетью взаимодействий ее составных частей, которые посредством взаимных контактов рекурсивно воссоздают сеть тех же взаимодействий, которые их и произвели». Предложенная Варелой метафора автопоэзиса характеризует динамическую, но неразвивающуюся систему, тратящую общественные ресурсы на поддержание, чаще всего, не самого эффективного социального сценария.

Таким образом, мы видим, что организмический подход, опирающийся на представления об операционно замкнутой системе, позволяет поставить диагноз, но назначает неверное лечение, сводящееся к поддержанию гомеостаза ущербной системы.

Еще одно существенное различие линейного, организмического и системного подходов выделили Алленна Леонард и Стаффорд Бир, подчеркнув, что оно содержится в различии стратегий «solving», «resolving» и «dissolving»², что можно трактовать как различие между решением проблемы сверху, решением проблемы с ее широким обсуждением и исследованием, и исчерпанием проблемы. Исчерпание проблемы, с точки зрения системной парадигмы, представляется наименее затратным. Однако, как считает С.Белковский (август, 2005), современная властвующая элита практикует тактику игнорирования проблем, рассмотренную нами в третьей главе. Эта

¹ Автопоэзисная система «организационно закрытая единица целостности (unity) определяется в качестве составной целостности сетью взаимодействий ее составных частей, которые (а) посредством взаимных контактов рекурсивно воссоздают сеть тех взаимодействий, которые их же произвели, и (б) актуализируют данную сеть как некое единство в пространстве, в котором существуют данные составные части, таким образом, конституируют и специфицируют границы целостности как акт обособления от фона», Франсиско Варела. Автономность и автопоэзис // <http://www.synergetic.ru>

² Allenna Leonard with Stafford Beer "The Systems perspective: Methods and Models for Future" // <http://www.acasa.upenn.edu>

тактика, как мы показали, переводит общественную систему в точечный аттрактор управления, формирующий «затухающее» общество.

Современное российское управление унаследовало от тоталитарного режима встроенные признаки высокой затратности, опирающиеся на резкую поляризацию базовых ценностей. Об этом говорят результаты опросов, проведенных Центром социологических исследований Российской академии государственной службы¹. Можно предположить, что череда кризисов управления в России обусловлена, с одной стороны, поляризацией ценностей властвующей элиты и социума, а с другой – процессами самоорганизации как во властвующей элите, так и в социуме.

В результате наложения внутренних кризисов и вхождения системы в зону флуктуаций за последние 15 лет в России сменилось несколько сценариев развития и моделей управления. Спонтанно возникший в начале 90-х годов квазигражданский сценарий сопровождался резким ростом самоорганизации, информационализации. Это был период институализации ценностей гражданского общества через процесс законотворчества. Была создана Конституция России и целый свод законов, защищающих гражданские права. Институализация базовых ценностей гражданского общества является основным свойством гражданского общества. Набранной инерции хватило даже на два первых года следующей, сменившей гражданский сценарий, квазидемократической модели, которая реализовывалась в период с 1993 по 1998. Но уже после 1995 года началось активное дезавуирование гражданских ценностей. Это обусловлено тем, что в результате самоорганизации оставшейся у власти номенклатуры во властвующей элите возникли сильные лоббистские новообразования, поддерживаемые финансово-промышленными группами военно-промышленного комплекса. Оружейные и нефтегазовые лоббисты стали определять модели управления. Внутри властвующей элиты стали развиваться скрытые конфликты, проявляющиеся в различии предлагаемых моделей. Эти противоречия проявляются пока как слабые дополнительные флуктуации управления.

После 2000 года, на фоне явного тренда в автократию, было заявлено сначала о модели управляемой демократии, а в 2005 году предложена следующая модификация в виде суверенной демократии². Было заявлено о наличии у российской властвующей элиты собственного набора конвенциональных предложений и образцов демократического сценария. Артикуляция суверенности на фоне тенденций глобализации лишь подтверждает отмеченный нами тренд в автократию. Представления о базовых общественных

¹ См. параграф 5.6. данной главы

² Меликова Н. Суверенитет важнее демократии. Новая газета, 13 июля 2005 // www.ng.ru

ценностях вытесняются массовой пропагандой провозглашаемых ценностей властвующей элиты: укрепление властной вертикали. Внимание общества активно переключается на структурные перестройки института власти. Этот набор действий подчинен логике линейного и организмического подходов. Более того, не становясь более безопасной для социальной системы, эта стратегия находит широкую экспертную поддержку.

Например, П. Штомпка со ссылкой на исследования Маргарет Арчер поддерживает утверждение, что «структура логически предшествует действию, которое видоизменяет ее». Такие иконоклассики социологии, как Парсонс, Луман и Гидденс, тоже основывают свои представления на структурах.

Наше исследование показывает, что «структурная» логика, являющаяся характерным признаком линейного и организмического подходов, демонстрирует свою неэффективность в отношении систем, находящихся в зоне неустойчивости. Системный подход ставит действие, то есть методы, предшествующими структурам. Такие системы оказываются более эффективными, чем структурно-ориентированные.

Новые, более эффективные, модели управления генерируются гражданскими и коммерческими сетями. Однако не менее важно и то, что повсеместно одновременно действуют различающиеся логики, выстроенные в различных парадигмах, привнесенные в современность из различных социальных сценариев, или социальных времен. Повторяющиеся упущения свидетельствуют о встроенных дисфункциях системы управления, что лишь подтверждает тезис Корнаи о вызове дисфункциональности, с которым сталкивается системная парадигма. Именно системная парадигма принимает этот вызов.

Попробуем провести моделирование возникновения дисфункций, исходя из предположения, что это позволит определить возможные пути минимизации ущерба или найти пути редизайна управления в российском обществе, представляющем неравновесную динамическую социальную систему.

Рассмотрим модель управленческого алгоритма, формирующегося во взаимодействии управленческих циклов социальных акторов – властвующей элиты и гражданского социума. Такой подход позволяет провести исследование особенностей взаимодействия социальной самоорганизации и государственного управления, позволяет выявить различие моделей управления, генерируемых властвующей элитой и социумом. Это различие можно классифицировать как жесткую и мягкую модели управления.

Рассматриваемая алгоритмическая модель позволяет продемонстрировать механизм взаимодействия двух различающихся логик, выявить и описать возможные упущения системы и пути их устранения.

Мы исходим из того, что модели строятся на основе миссии и базовых ценностей. Мы подчеркиваем сопряжение интересов властвующего и гражданского социумов по поводу обладания общественными ресурсами. Конфликт или консенсус базовых ценностей определяет конфликт или консенсус по поводу распределения общественных ресурсов¹. Мы исходим из обобщенного представления о ресурсах в их топографическом многообразии: географическом, геологическом, демографическом, биологическом (рис. 12).

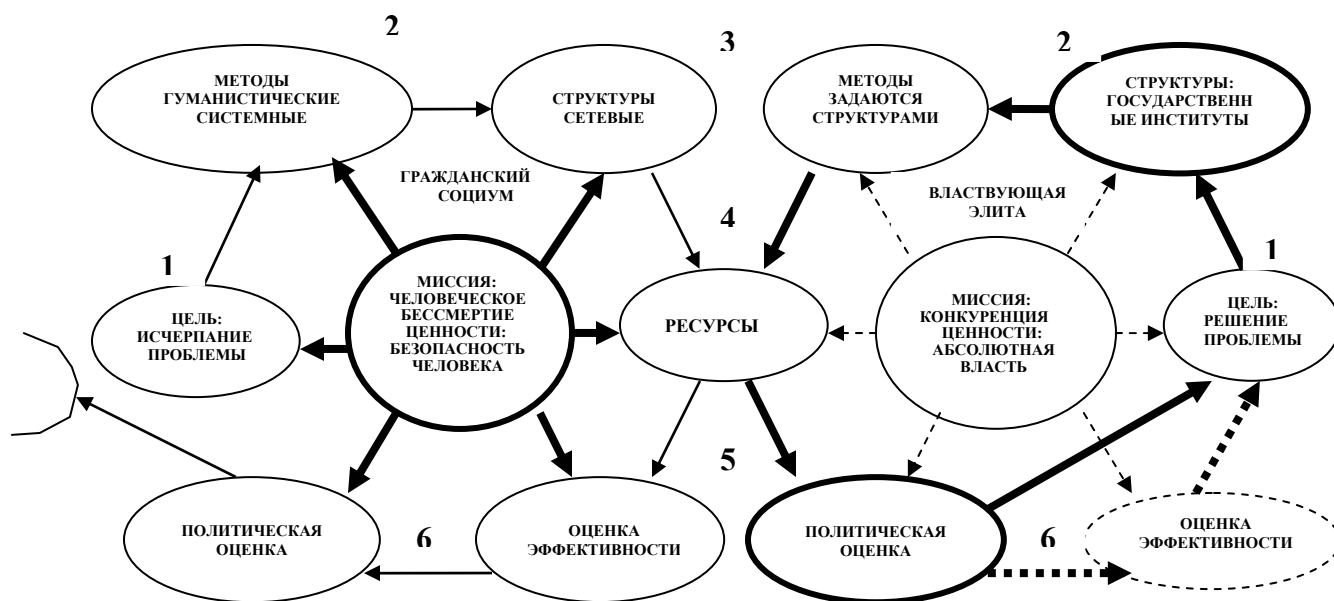

Рис. 12. Модель управленческого алгоритма.
Диалектика и дихотомия самоорганизации и управления

Как следует из модели управленческого алгоритма, миссия и ценности социумов определяют генерируемые ими модели управления, формируют характер их взаимодействий, методы, структуры, а также экспертные возможности для оценки затратности управления.

Исследование предложенной модели управленческого алгоритма направлено на то, чтобы:

Исследовать кризис управления как конфликт базовых ценностей.

¹ Эффективное распределение ресурсов демонстрируется Школой эффективных переговоров в легенде о споре двух сестер за один апельсин. Разделив его пополам, каждая из них выбросила часть этого ресурса, оказавшуюся для нее незначимой. Одна выбросила шкурку, а вторая половинку плода, поскольку одна хотела получить сок, а вторая цедру для кекса. Если бы они провели переговоры и согласовали свои ожидания, то эффективность использования ресурса для каждой из них удвоилась бы при том же самом количестве ресурсов – одном апельсине.

Показать взаимосвязь миссии международной конкуренции, ценностей власти и артефактов оружия массового уничтожения.

Объяснить возникновение модели «участвующего управления». Показать возможные тенденции и описать уроки ее формирования.

Исследовать возможности и препятствия на пути к эффективному управлению.

Погружаясь в историю формирования отношений по поводу ресурсов, сошлемся на мнение социолога Георгия Дерлугьяна, что вся человеческая цивилизация – «это система изъятия, которая позволяет ... сосредоточить продукт в руках некоей элиты, который далее эта элита может потратить по своему усмотрению. Например, создать высокую культуру. Они могут создать дворцы, они могут понастроить себе замки, они могут пригласить туда менестрелей и заказать летописи в монастырях»¹. Эта сентенция недостаточно полна, по нашему мнению. Ибо венцом модели «изъятия и сосредоточения продукта в руках некоей элиты» стали не столько дворцы и летописи, сколько угрожающие самому существованию человечества арсеналы оружия массового поражения.

Различия ценностей сведены нами в таблицу.

Табл. 1

Социальная группа	Базовые ценности	Провозглашаемые ценности	Артефакты
Властвующий социум	Абсолютная власть	Безопасность государства	Арсеналы оружия массового уничтожения, терроризм
Гражданский социум	Безопасность человека	Безопасность человека	Миротворческие, правозащитные, экологические движения

Мы видим, наличие конфликта базовых и провозглашаемых ценностей властвующей элиты, совпадение базовых и провозглашаемых ценностей гражданского социума. Изменение сложившихся общественных отношений по поводу распределения ресурсов становится не только источником изменений распределения власти в социальной системе, но и источником изменения

¹ Дерлугьян Г. Эволюция Российского государства в миро-системной перспективе, 1000–2010 гг. н.э.// www.inop.ru/RussRead/derluguian.htm

отношения к власти в самом гражданском социуме, активизируя актуализацию его управляющего потенциала через Новые общественные движения¹.

Выявление интересующих нас параметров моделей управления можно провести, приняв за основу организационный подход Деминга-Шухарта, который позволяет отразить внутренние параметры организации (ценности и миссию самого социального актора) и внешние параметры (ценности и миссию второго социального актора). Кроме того, у нас появляется возможность выстроить управленческие циклы жесткой и мягкой моделей управления. Сравнение этих моделей позволяет исследовать системные дисфункции.

5.2. Кризис управления как конфликт базовых ценностей

Конфликт моделей управления, генерируемых социумом и властвующей элитой, определяется различием культурных образцов, которые могут отображаться одними и теми же словами, но быть наполнены различным содержанием. Это привело к возникновению парадигмальных контрадиктов в современном российском обществе. Ярче всего это отражено в понятиях общественной безопасности и в представлениях об общественных ценностях.

Ценности властвующей элиты связаны с обладанием властью. Миссия², как мы выявили, состоит в политической конкуренции. Ценности власти не являются общественно значимыми в современном мире. Это ведет к сокрытию властвующей элитой своих базовых ценностей и подменой их ценностями провозглашаемыми.

Методологический подход властвующей элиты соответствует авторитарной модели управления в линейной парадигме («экспорт энтропии») и формирует жесткую затратную модель регулирования социальных отношений в соответствии с организмическим подходом устранения девиаций. Методология задания целей «сверху» обрекает систему на отстраненность от социально ожидаемой проблематизации. Структурная иерархия приводит к безответственности большей части властной вертикали и к передаче ответственности снизу вверх. Коммуникационные же каналы направлены сверху вниз, что уменьшает объем значимой информации для нижних уровней вертикали. Объем власти в авторитарной системе управления определяется положением в иерархии. Усилия властной элиты направлены на поддержку нормы (масштаба) управляемости.

¹ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. С.111–150

² Миссия – предназначенность, реализуемая на основе базовых ценностей, метод консолидации и самоидентификации социальной общности, наиболее общее выражение социальной предназначенности, сконцентрированное выражение базовых ценностей.

Исследуя механизм формирования затратности управления, мы обращаем особое внимание на то, что ценности властвующей элиты состоят в формировании абсолютной власти.

Говоря словами В.Федотовой: «Власть преследует частные интересы — в этом состоит моральная катастрофа власти»¹. В этом берут начало ее затратность и неэффективность, и ее высокая энтропийность.

С неэффективным энтропийным управлением связаны современные проблемы: быстрое истощение общественных ресурсов; неверная оценка стоимости человеческих ресурсов; коррупция, т.е. экспроприация и перераспределение ресурсов на основе клиентской модели.

Все это сопровождается отсутствием реальной ответственности, несвоевременностью, подменой проблем социума возможностями управляющей системы, исключением этапа экономической оценки эффективности управления, ограничившись политической оценкой. Для исключения оценки эффективности управления властвующей элитой России переформируется даже политический институт законодательной власти. При его переформировании он полностью теряет свои экспертные функции.

В то же время устойчивость неэффективной модели управления поддерживается системой клиентел, на которые возлагаются функции барьеров защиты власти от социума. Их как минимум три: промышленная номенклатура, научная номенклатура, региональная номенклатура. Клиентами властвующей элиты являются также политические и социологические экспертные новообразования, проправительственные молодежные и политические движения.

В период ускорения информационного насыщения властной элиты обостряется борьба за власть внутри самой властной элиты, которая идет между политическими группами и карьерной бюрократией². Как предсказал в 90-х годах Элвин Тоффлер: «...во времена быстрых перемен выход за пределы замкнутого круга министерств или департаментов является, по-видимому, единственным способом добиться чего-то. Это ...приводит к образованию неформальных организационных единиц, а те все больше разрушают правительство, конкурируя с официальной бюрократией и истощая ее... Эта организационная агония начнется, когда политики будут пытаться совладать со все более настойчивой мировой системой и теми опасностями, которые обрисованы ранее — от не имеющих прецедента в прошлом кризисов, связанных

¹ Федотова В.Г. Социальные знания и социальные изменения, М.: Российский гуманитарный интернет-университет, 2001. Глава 5. Социальное знание и российские реформы 90-х годов // <http://www.i-u.ru>

² Азбаров С. Военная элита, май 2004 // www.polit.ru/research/2004/05/27/military_elite.html

с окружающей средой, до взрывоопасной межэтнической вражды и усиливающегося фанатизма»¹. Все это уже обретает плоть и кровь в России.

Предложения, внесенные В.Путиным 13 сентября 2004 года, раскрывают механизм изменения государственного устройства России через концентрацию власти и ресурсов в руках президента: «Борьба с террором – это общегосударственная задача, задача, для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов. И очевидно, что единство действий всей исполнительной вертикали здесь должно быть обеспечено в первую очередь, и безусловно».

Как видим, для концентрации власти используется очень удобный повод борьбы с фантомом мирового терроризма: «Сегодня мы обязаны своими практическими действиями поддержать инициативы граждан в их стремлении бороться с террором, должны вместе найти механизмы, скрепляющие государство». Борьба с террором и «скрепление» государства ставятся через запятую. Под лозунгом борьбы с террором социуму отказано в выборах губернаторов, в продвижении в органы выборной власти непартийных кандидатов. Идет выкорчевывание слабых ростков федерализма: «И в этой связи полагаю, что высшие должностные лица субъектов Российской Федерации должны избираться законодательными собраниями территорий по представлению главы государства»².

Но и это не предел. О том, что вслед за уничтожением основ федерализма последует уничтожение принципов муниципального управления, упомянул Эдуард Россель, сообщивший о данном ему поручении разработать соответствующий проект закона³.

В основе этих изменений, по нашему мнению, лежит парадигмальная невосприимчивость элит, следующих линейной системе управления, к моделям федерализма. Но в то же время, гражданский социум уже овладевает иным парадигмальным подходом – системным. Парадигмальные противоречия формируют конфликт.

¹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.:Изд. АСТ, 2004. С.316.

² «... Сегодня мы обязаны своими практическими действиями поддержать инициативы граждан в их стремлении бороться с террором, должны вместе найти механизмы, скрепляющие государство. Одним из таких механизмов, обеспечивающих реальный диалог и взаимодействие общества и власти в борьбе с террором, должны стать общенациональные партии. И в интересах укрепления политической системы страны считаю необходимым введение пропорциональной системы выборов в Государственную Думу...»Выступление Владимира Путина на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004 года // <http://www.rtr-vesti.ru>

³ «это...проект закона, предусматривающего возможность влияния глав субъектов Федерации на выборную систему глав местного самоуправления. Власть не может где-то оборваться в этой вертикали на полпути, потому что эта централизация власти должна распространяться от губернатора до любого населенного пункта. Необходимо в вопросах коррупции и экономики проводить государственные линии до конца» / Выступление Э.Росселя перед журналистами Екатеринбурга 15 сентября 2004 г // <http://www.uralpolit.ru>

Суть этого конфликта сконцентрирована аналитиками Совета по национальной стратегии до ее бескомпромиссной сущности: региональной власти отведено служить демпфером между гражданским социумом и властвующей элитой: «Важнейшее позитивное свойство федерализма – способность выступать демпфером социально-политических и других системообразующих конфликтов... Для современной России...наличие такого демпфирующего механизма исключительно важно, поскольку защищает федеральную власть от острых и немедленных проявлений социальной нестабильности на местах»¹.

Необходимость подобного демпфера является признанием кризиса власти. А строительство новых линий обороны в виде проправительственного молодежного движения или проправительственного движения среднего бизнеса, указывает на глубину кризиса власти.

Одним из тезисов нашего исследования является утверждение о манипулировании понятием государственной безопасности, которое практикует властвующая элита. Эта манипуляция заключается в подмене безопасности нации стратегией международной конкуренций. Более того, мы пришли к выводу, что властвующая элита воспринимает международную конкуренцию как свою миссию. На реализацию этой миссии она расходует общественные ресурсы. При этом элиты, участвующие в международной конкуренции, повышают стандарты собственных благ. Уровень собственных благ возрастает до международных стандартов, определяющих вхождение в элитарный клуб. Все это увеличивает затратность управления и увеличивает изъятие ресурсов у социума.

Таким образом, неравномерность ресурсного обеспечения является следствием конфликта базовых ценностей властвующей элиты и гражданского социума.

Различие базовых ценностей формирует различия оценки стоимости окружающей среды. Еще в 60-е годы, исследуя гипотезу эффективного рынка, Осборном было высказано несколько предположений: «Цена и ценность взаимосвязаны», эта связь определяет рыночные прибыли, покупатели и продавцы «не расположены к торговле, пока нет равенства возможностей для дохода»². Таким образом, ценность власти определяет ее достижение «любой ценой».

¹ «Мы исходим из того, что федеральная власть должна в достаточной мере бережно относиться к демпфирующему механизму, предоставляя регионам достаточное количество полномочий и ресурсов для упреждения конфликтов или их разрешения на ранних стадиях» / Новая вертикаль власти: перспективы российского федерализма и роль региональных элит в формировании новой национальной элиты. Доклад Совета по национальной стратегии. 22 сентября 2003 г. // <http://www.snsr.ru/reports>

² Петерс Э. Порядок и хаос на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка. М.: Мир, 2000. С.32.

В наше время стало очевидным, что при производстве оружия массового поражения происходит беспрецедентное загрязнение окружающей среды. Оружие массового поражения, являясь артефактом власти, имеет высокую ценность для властвующей элиты. Увеличение производства оружия возможно за счет удержания на возможно низком уровне цены на компенсации или восстановление загрязненной окружающей среды. Можно предположить, что именно поэтому эффективность государственных институтов, ответственных за регулирование загрязнения, с точки зрения социума, низкая, не обеспечивающая ожидаемых социумом результатов.

Если бы ожидания социума совпадали с ожиданиями властвующей элиты, то социум был согласен, что с целью производства оружия следует удерживать стоимость окружающей среды на возможно низком уровне. Это привело бы (как и было в период СССР) к нарастающему экологическому загрязнению и депопуляции, связанной с плохим качеством воды, воздуха, продуктов (что и является проблемой современной России, наследницы СССР). Таким образом, следование декларируемым ценностям безопасности, достигаемым с помощью военной мощи, вело бы к добровольному самоуничтожению социума. Подобный феномен необъяснимого раздвоения сознания описан Стругацкими в их повести «Жук».

С точки зрения современного информационного социума, цена окружающей среды должна быть достаточно высокой, чтобы прекратить ее загрязнение. Для социума окружающая среда является основой воспроизводства и существования, то есть составляющей его базовых ценностей. Конфликт базовых ценностей социума и властвующей элиты формирует социальные кризисы.

Совпадение социальных кризисов с кризисами власти ведет к тому, что социальные кризисы формируются в зонах флуктуации вблизи предельных величин аттракторов управления. Это свидетельствует о нарастающем отказе социума от дальнейшего изъятия у него общественных ресурсов. Социальный кризис выражается и в крайне низких доходах большинства населения, формируя, по В.Суркову (май 2005), 140 миллионов «бедных родственников» властвующей элиты. Российский социум катастрофически отчужден от производимых им ресурсов. Глубокий анализ, показывающий историю и механизм отчуждения, был проведен известнейшим российским социологом Николаем Лапиным. Лапин выявил последовательность этапов взаимоотношения властной элиты и социума, приведшие социум в состояние патологического социокультурного кризиса, в состояние «самоотчуждения общества от способности к развитию»¹.

¹ Лапин Н.И. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.:ИФРАН. 1994. Гл.IU.

Но в условиях открытого общества у социума появляются возможности изменения. Естественной реакцией на усиление социальной неоднородности является повышение социальной самоорганизации и формирование социума. Однако в соответствии с принципами преактивного управления, свойственного авторитарной модели, на повышение самоорганизации общества российская властвующая элита отвечает нарастающими инициативами по замораживанию общественного развития. Социальная самоорганизация вытесняется организацией социума сверху. Информационное пространство сужается. Затратность управления возрастает.

Частично рост затратности управления возмещается за счет роста цен на нефть и контролем властвующей элитой этих финансовых потоков. За счет нефтяных денег увеличиваются размерность аттрактора управления, внутри которого возрождаются и разрастаются репрессивные институты. Видимым признаком возрождения этих институтов являются вложения в недвижимость. Повсеместно можно увидеть возведение новых административных комплексов служб безопасности и служб управления. Мы отметили, что процессы самоорганизации в социуме «бедных родственников» и во властвующей элите имеют различное направление, опираясь на разный доступ к общественным ресурсам, различающиеся кластеры социальных правил, установлений и норм поведения и наборы конвенциональных предположений.

Таким образом, мы приходим к заключению, что различие ценностей властвующей элиты и социума, использование властвующей элитой государственных институтов в целях защиты своих ценностей ведут к конфликту ожиданий и различию в оценке эффективности действий государственных институтов. Конфликт ожиданий отражает конфликт ценностей.

Важно отметить, что из конфликта ценностей властвующей элиты и социума вытекают три глобальных конфликта, обозначенных ООН: конфликт роста бедности (за счет нарастающего изъятия ресурсов), конфликт роста вооружений (за счет международной конкуренции и роста числа элит, заинтересованных в приобретении этого оружия), конфликт роста загрязнения окружающей среды (за счет роста производства вооружений и товаров двойного назначения).

5.3. Оружие массового уничтожения как артефакт элитарного управления

Современные исследования показывают, что бесконтрольность распоряжения отчужденными властной элитой общественными ресурсами несет в себе риски не меньшие, чем отчуждение социума от ресурсов.

Исчерпывающий анализ истоков процессов отчуждения общественных ресурсов и стремления к бесконтрольности властвующих элит дан Карлом Поппером при критическом анализе платоновского тоталитарного «идеального государства». Сегодня мы уже можем продемонстрировать результаты, к которым привела вдохновленная Платоном «измена человечеству со стороны его интеллектуальных лидеров»¹.

Будем исходить из того, что миссией властвующих элит является международная конкуренция. Международная конкуренция поддерживается за счет милитаризации общества. Российская властвующая элита заинтересована в формировании и поддержании глобальной милитаризации. Объемы торговли оружием в 2003 году и на период до 2005 годы планировались на уровне 4 млрд долларов в год². Однако, по заключениям экспертов, уже в 2004 году продажи оружия возросли до 6 млрд долларов³. Российским оружием оснащаются формирующиеся авторитарные африканские военные режимы, ведущие гражданские войны.

Экономист Владимир Костюк приводит характерный пример, которые сегодня говорит о «преемственности политики» властвующей элиты: «в 1973 – 1985 гг. СССР получил примерно 200 млрд долл. от нефтеэкспорта. Эти средства были потрачены на производство оружия и поддержку зарубежных компартий. Уровень жизни был повышен незначительно..., а на модернизацию собственной экономики не было потрачено ничего»⁴. Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня.

Политическая конкуренция в индустриальном милитаристском обществе традиционно осуществлялась за счет экспроприации общественных ресурсов в пользу развития военной индустрии. Кастельс делает вывод, что экспроприация на «наступательную оборону» достигала 70 %⁵. Алексей Арбатов делает еще более жесткие оценки. Он считает, что российское правительство до сих пор в военную сферу вкладывает 90% общественных ресурсов, а НАТО, включая США, до 70%⁶. В качестве возмещения затрат в советские времена в социум возвращалось не более двенадцати процентов⁷.

Такое чувствительное изъятие общественных ресурсов на милитаризацию и поддержку политической конкуренции властвующих элит поддерживается авторитарной системой управления. Этой системе свойственны

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под ред. В.Н.Садовского. М.:Феникс, 1992. С.233

² Азбаров С. Военная элита // www.polit.ru/research/2004/05/27/military_elite.html

³ Путилов С. Распродажа российской оборонки // <http://www.rosbalt.ru/2005/06/20/213685.html>

⁴ Костюк В.Н. Теория эволюции и социальноэкономические процессы. М.: УРСС. 2001. С.67.

⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура: пер. с англ. Под науч.ред. О.И.Шкаратана. М.:СЕУ, 2000. С.451.

⁶ Арбатов А. Международная конференция директоров европейских институтов. Стенограмма. 12–14 декабря 2003 г. Москва.

⁷ Кастельс М. со ссылкой на анализ работ Ханина Г.И. (1991). С. 444.

ослабленный механизм оценки эффективности/затратности и манипуляция ценностями. Отсутствие институтов гражданского контроля ведет к неэффективному и нецелевому использованию ограниченных общественных ресурсов. Этот общий вывод находит частное подтверждение в результатах проверок Счетной палатой деятельности министерств, и в частности Минатома¹.

Под влиянием провозглашаемых властвующей элитой ценностей происходит деформация многих важных сфер общественной жизни, что становится все более опасным для гражданского социума. Руководитель Центра проблем стратегических ядерных сил В.Дворкин отмечает, что вызовы оружейных арсеналов «связаны с региональной нестабильностью, зоны которой находятся в непосредственной близости от границ России, где вооруженные конфликты могут иметь совершенно непредсказуемый характер и эскалацию... Можно упомянуть проблему распространения ОМУ и средств доставки, а также международный терроризм... Причем по отношению к распространению ОМУ много проблем лежит внутри России. По оценкам специалистов, только около 25% всех наших объектов ядерной и химической инфраструктуры имеют режимы охраны, соответствующие международным требованиям. Для других просто не хватает средств, несмотря на то, что около 4 млрд долл. были израсходованы по программе Нанна – Лугара»².

Обратим внимание на деформации науки. С одной стороны, мы видим позитивный процесс производства научным сообществом рыночного продукта. Но, с другой стороны, в условиях доминирования на мировых рынках властвующих элит в качестве основного покупателя, рынок трансформируется в рынок оружия³, военных и политических технологий, в лучшем случае – технологий двойного назначения. Международный рынок становится рынком

¹ Постановление Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 14 декабря 2001 года № 43 (279) «О результатах проверки хода выполнения и финансирования федеральной целевой программы «Обращение с радиоактивными отходами и отработавшими ядерными материалами, их утилизация и захоронение на 1996-2005 годы» Бюллетень Счетной палаты, №3, 2002 г. С. 122–139.

² Дворкин В. Перспективы многонационального Российского государства в контексте глобальных вызовов современности / По материалам «круглого стола» в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. РАГС, 4 декабря 2003 г.

³ Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (СИПРИ) опубликовал доклад, согласно которому Россия получила в 2004 году на торговле оружием 6 млрд долларов... контракт на поставку 12 истребителей МиГ-29 Судану стоимостью свыше 200 млн долларов позволил в прошлом году Российской самолетостроительной компании (РСК) «МиГ» войти в пятерку лидеров оборонных предприятий страны... речь идет о поставках оружия режиму, проводящему массовый геноцид в западной провинции Дарфур. Только за последний год там погибли 30 тысяч мирных жителей и более миллиона превратились в беженцев, что недавно вынудило ООН принять решение об отправке в эту африканскую страну контингента миротворцев... За последние пять лет... объем экспортных поставок составил 820 млн долларов. Причем одна из основных статей дохода – поставка боевых машин в «горячие точки» Африки – Йемен, Эритрею, Судан и другие страны непрестанно воюющего континента. Выбор партнеров производится простым размещением объявлений в туземных глянцевого журналов, словно речь идет о рекламе легковых автомобилей или пылесосов. Кто заплатил – тому и продали, будь то хоть хартумский диктатор аль-Башир, уничтоживший тысячи сограждан... // Путилов С. Распродажа российской «оборонки» / Росбалт, 20.06.2005// <http://www.rosbalt.ru/2005/06/20/213685.html>

насилия и рынком террористических услуг. Как уже называлось, 70–90% общественных ресурсов тратится на выпуск оружия массового уничтожения, то есть – уничтожения социума.

Российскими военными обсуждается такая инновация как сдача в лизинг индийской властвующей элите атомных подводных лодок – средств доставки ядерного оружия¹. Таким образом, российская властвующая элита инициирует новый виток гонки ядерных вооружений в регионе Юго-Восточной Азии², вызывая «малые начальные флуктуации» для больших отклонений во взаимоотношениях Индии–Пакистана, Индии–Китая, Китая–Юго–Восточной Азии.

Более того, силовые элиты начали дорогостоящую конкуренцию за контроль из космоса³.

Силовая международная конкуренция, в свою очередь, поддерживает приход и удержание власти военными и мафиозными кланами. Именно в этой среде доминирует линейный детерминистский подход к управлению. И тогда тот же космический прицел наводится на ядерные, химические или биологические объекты либо иные объекты, разрушение которых нанесет невосполнимый ущерб социуму и его среде обитания.

Социальные последствия линейных решений проявлены и в новой стратегии уничтожения ядерных ракет на взлете. Такая акция, несомненно, нанесет невосполнимый ущерб стране-агрессору, но, в первую очередь, ее гражданскому социуму (не принимавшему решение об агрессии!). Трагизм обширного радиационного загрязнения территории на многие тысячелетия выходит за рамки жизни самих социальных систем.

Это ставит вопрос о смысле человеческой ответственности перед будущим. В ядерном столкновении социум лишается среды обитания. А вот силовая элита, решившаяся на поднятие ядерных ракет в воздух, скорее всего, уцелеет (в подземных бункерах), и более того, извлечет из этой акции политические дивиденды.

¹ Как отмечают эксперты, «в зарубежных и отечественных СМИ ходят слухи о возможности достройки и сдачи в аренду Дели одной или двух российских многоцелевых атомных подводных лодок проекта 971 (Akula II по натовской классификации), которые сейчас стоят на стапелях Амурского судостроительного завода. Официальные военные лица в Москве упорно опровергают эту информацию. В первую очередь потому, что до сих пор нет четкого понимания: попадают эти АПЛ под договор о нераспространении ядерных технологий или все-таки нет. Впрочем, проблемы российского оружейного экспорта не ограничиваются этими субмаринами, которые из-за уникальной бесшумности и высоких скоростных качеств моряки называют «совершенными убийцами». Эти проблемы гораздо шире и острее // Рынок оружия: от железа к мозгам. РИА Российское агентство информации, 21-01-05.

² «Ядерный Тадж-Махал» – тренажерный центр для офицеров-подводников атомного флота Индии начнет свою работу в сентябре 2005 года на южном берегу Финского залива, в городе Сосновый Бор (80 км к западу от Санкт-Петербурга) // Балтийский вестник «Зеленого Мира», 8 августа 2005 // www.greenworld.org.ru

³ Cagnon B. The nuclearisation and militarisation of outer space: the policies of the USA and the other space powers // Rally for International Disarmament (nuclear, biological and chemical)/RID-NBC, Saintes, France, 29-31 Oct. 2004.

Оружие массового уничтожения стало артефактом современного элитарного правления, зримым материальным продуктом группы, производство которого поддерживается ее организационными структурами и процессами. Таким образом, артефакты элитарной власти объективно вошли в конфликт с провозглашаемыми ценностями безопасности. Провозглашаемые современными государственными организациями ценности безопасности представляются не более чем манипуляцией общественным сознанием.

Все это весьма далеко от принципов «Human security», сформулированных Организацией Объединенных Наций как: «...обеспечение достойного будущего...свободного от угроз жизни отдельного индивида и ее качеству, при одновременном создании условий для его свободного развития и реализации его прав и возможностей участвовать в общественной жизни как на национальном, так и глобальном уровне»¹.

Миссия международной конкуренции сформировала ценности института власти в абсолютном обладании властью. Абсолютная власть, как базовая ценность властвующей элиты, привела к дискредитации понятий общественного капитала, таких, как — национальная безопасность, неприкосновенность личности, жилища и иной собственности, соответствующие международным стандартам уровня жизни и образованности, гарантированность общепризнанных прав человека, всего, что составляет смысл общественного блага. Предметы традиционного общественного блага, которые, по определению, не являются рыночным товаром, выставляется на торг, как это имеет место в случае предложений российского правительства о сооружении на территории России международного ядерного депозитария, и многих других подобных же проектов ядерного лобби, суть которых сводится к ущербу для социума торговле территорией его проживания.

Мы являемся свидетелями того, как в настоящее время российская властвующая элита, следуя своему мифологическому сознанию², замыкается сама на себя и, под предлогом аккумуляции полноты власти и полноты информации у одного лица, Президента РФ, начинает самодостаточное существование. Создается ощущение, что она все больше приобретает свойства низко профессиональной, безответственной и потому высокочатратной, системы государственного управления, для обеспечения функционирования которой, как отметил единодушно поддержанный губернаторами президент, потребуются мобилизация всех ресурсов общества. То, как властвующая элита готовится к

¹ Концепция Human Security базируется на гуманистическом подходе и приоритете личностной безопасности / Балуев Д. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы, т.2 №2 (5), май-авг. 2004 г.

² Процесс формирования мифологического сознания и его воздействия на взаимоотношения власти и социума описал Альбер Камю // Камю А. Калигула. М.: Фолио, 2003. С.5–103.

новой мобилизации, следует отметить особо, так как это помогает понять влияние базовых ценностей правящей элиты на затратность управления.

Российские исследователи в области развития вооружений, исследуя смену парадигмы вооруженной борьбы и формирование новых технологий, в том числе технологии «бесконтактной войны» и новые виды вооружений, такие, как беспилотные летательные аппараты (БЛА), отмечают: «Некоторые типы БЛА идеально подходят для использования в операциях, проводимых специальными подразделениями, и в отдельных случаях даже при проведении миротворческих акций для нейтрализации скоплений агрессивно настроенного населения в условиях городской и сельской местности...Важным преимуществом многих типов БЛА является небольшой размер, что позволяет с большой скрытностью перемещать их на значительные расстояния и хранить в специальных контейнерах в течение длительного времени без ущерба их техническому состоянию»¹.

Трудно не заметить, что политические технологии «войны всех против всех», сконструированные линейно мыслящими политиками на основе теории малых флуктуаций, поднимаются на один уровень с оружием массового поражения. Подобные инициативы лишь подтверждают отсутствие во власти современных представлений об эффективности управления².

В условиях нарастающего риска конфликта с применением ядерных материалов или оружия неэффективность управления особенно опасна для «ядерной» нации. Отставание изменений управления отчетливо проявляется на фоне ускоряющихся процессов глобализации.

Различия линейных и нелинейных подходов к управлению ядерными рисками подчеркивает аналитик Алексей Фененко: «Ключ к пониманию этих «правил» (ядерного сдерживания Н.М.) – различная трактовка сути ядерного сдерживания в отечественной и англосаксонской традициях. В русскоязычной литературе сдерживание рассматривается, прежде всего, как феномен историко-политический. Он четко привязан к военной сфере и эволюционирует вместе с развитием военно-стратегических доктрин. Американские же авторы рассматривают его как некий теоретический конструкт, применимый в принципе к любой ситуации»³.

¹ Евстафьев Г., Павлюшенко М. Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. Использование БЛА в антитеррористических операциях, а также в деятельности правоохранительных органов / Ядерный контроль №3 (73), том 10. Осень 2004 г. С.81.

² "Нам объявлена война, на нас совершено нападение. Я считаю вполне оправданным и возможным использование превентивных ударов, в том числе и за границей, по базам террористов и по местам их временных стоянок», Иванов С. С., министр обороны РФ. 6 октября 2004 // <http://www.itv.ru>

³ Различия линейных и нелинейных систем управления и подходов к управлению ядерными рисками становятся особенно очевидными на примере анализа Алексеем Фененко работы Патрика Моргана «Сдерживание сегодня» / Алексей Фененко. Парадоксы ядерного сдерживания // Международные процессы. Т. 2. № 5. Май-август 2004. С. 151–154.

Таким образом, следует сделать вывод, что следование линейной парадигме лишь закрепляет историческое «структурное насилие» властвующей элиты над социумом и ведет к нарастанию кризиса элитарного управления и противоречит мировым тенденциям изменений.

Однако в этом противоречии содержатся и новые возможности, которые открываются для социума как ответы на вызовы. В марте 2005 г. экспертами, отражающими взгляды некоторой части американской властвующей элиты, впервые за почти 10-летний период взаимодействия с неправительственными экспертами и как реакция на продолжающееся распространение ядерного оружия и растущую угрозу ядерного терроризма, был сформулирован призыв к девальвации ядерного оружия как инструмента политики безопасности¹.

5.4. Тенденции и уроки формирования модели «участвующего управления»

Как альтернативу сложившимся социальным практикам управления социум формирует инновационную модель участвующего управления. Этой модели еще предстоит занять свое место в социальной практике и стать привлекательной для субъектов управления.

Модель участвующего управления в России возникает в ответ на этот вызов элитарного автократического управления. Ключевые особенности этой модели следует искать в различии базовых ценностей и миссий. Если миссия властвующей элиты – это политическая конкуренция, то миссия социума – воспроизводство: биологическое, интеллектуальное, когнитивное. Говоря высоким стилем, миссия социума – в обеспечении бессмертия нации (этноса, по Гумилеву). Отсюда особая чувствительность к состоянию окружающей среды. Ценности сосредоточены вокруг безопасности человека².

Российский социум, исходя из своего опыта, обеспокоенный незащищенностью своих жизненно важных интересов, актуализирует свой управляющий потенциал. Социум генерирует новые модели управления, гипотезы, предложения, создает схемы согласования ожиданий и инновационные модели решения проблем. Проблема загрязнения окружающей среды облекается в форму социального опыта, структурированного новыми

¹ Summary of Policy Recommendations: ...Devalue the security and political status associated with nuclear weapons // Perkovich G., Matthews J., Cirincione J., Gottemoeller R., Walfsthal J. Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P 131.

² Балуев Д. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы, т.2 №2 (5), май-авг. 2004 г.

знаниями, и осознается социумом как угроза условиям воспроизводства¹. Защита окружающей среды связана с миссией, ценностями и целями социума – сохранением способности воспроизводства. Здесь социум наиболее последовательно выступает в качестве субъекта управления. Информациональный социум отказывается от роли подопытного сообщества, на котором, как это было и в случае радиационного загрязнения окружающей среды², «исследовались ресурсы человеческого организма в экстремальных условиях».

Первый опыт осознанного формирования «участвующего управления» в России можно отнести к концу 90-х годов³. Шагами на пути внедрения новой модели стали формулирование проблем и оценка эффективности управления. Результатом оценки эффективности стал вывод о воспроизводстве властной элитой моделей перенесения ответственности за политические ошибки на социум.

Незащищенность социума и перенесение на него ответственности за ошибки управления нашли подтверждение и в опыте Чернобыльской катастрофы. Конституционный суд РФ признал, что «вред, причиненный чернобыльской катастрофой, является вредом реально невозполнимым и неисчислимым»⁴. В результате катастрофы ядерного реактора государство приняло на себя обязательства, превышающие его возможности⁵. Защита причинителя вреда и отказ от компенсации ущерба привели к тому, что властвующая элита пожертвовала государством, приняв на него обязательства оператора АЭС и объявив, таким образом, государство банкротом.

Причины такого отношения к гражданам кроются в различии ценностей, в том числе разного отношения к ценности жизни. Это подтвердил вывод рабочей группы Ядерного энергетического агентства (NEA) по методологии оценки экономических последствий аварий реактора. Рабочая группа пришла к заключению, что «существуют два подхода к проблеме – подход, основанный на оценке человеческого капитала, и подход, вытекающий из нежелания платить»⁶.

Российское правительство отказывается от выплат компенсации ущерба, нанесенного гражданам государственной ядерной политикой: «...наше

¹ Ермакова И.В. Психические заболевания как следствия неблагоприятных факторов окружающей среды / Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье человека. Под ред. проф. Ю.П.Гичева. Новосибирск, 2002. С.77.

² Медико-биологические и экологические последствия радиоактивного загрязнения реки Теча / под ред. А.В.Аклеева, А.Ф. Киселева, М.: ФУ Медбиоэкстрем, 2000. с.431. С. 272–323.

³ Миронова Н. Общество–Правительство: стратегия переговоров / Экология и права человека. Материалы международной конференции. Миасс–Челябинск: Изд. ЧГМУ. 2003. С.160-177. Общество–Правительство: Диалоги о ядерной политике. <http://www.nuclearpolicy.ru>

⁴ Постановление КС РФ №18-П от 1.12.1997, и Постановление КС РФ от №11-П от 19.06.2002.

⁵ Бычкова К.Ф. Особенности правоотношений по возмещению вреда, причиненного аварией на Чернобыльской АЭС // Атомная энергия. 1999. Июль. С. 4 –6.

⁶ What is the cost of a reactor accident? Nuclear engineering international, October 2000, vol. 45, № 555, p. 28–29.

правительство сражалось в суде против брянских деревень, словно здесь живут басурмане. В конце концов, право селян на более чем скромные выплаты подтвердил Президиум Верховного суда, ...но о решении высшей судебной инстанции забыли, будто его и не было»¹, так описывает историю взаимоотношений социума и властной элиты корреспондент газеты «Труд» А.Федосов.

Социум воспринимает это как нарушение гражданских прав. Это знание становится источником самоорганизации на территориях, подвергшихся радиационному заражению. Как показывает исследование автора (Миронова, 2003), уральские общественные движения, защищая права пострадавших, формируют обширную судебную практику отстаивания гражданских прав, нарушаемых деятельностью ядерной индустрии².

Характерным проявлением энтропийно-негаэнтропийной синергетической модели управления являются ответные (реактивные) инициативы правительства и Конституционного суда, приведшие к сужению пространства взаимодействий³ и консервации энтропийного управления в сфере обеспечения экологических прав граждан. Отношение президента к экологической экспертизе дает сигнал к дальнейшему ограничению гражданских прав⁴.

Заниженная оценка человеческого капитала в авторитарной системе увеличивает риски управления. Именно так складывается ситуация в современной России. В этом истоки того состояния, которое экологическими движениями характеризуется как экоцид – состояние демографического и нравственного истощения общества. Истощение социума, в свою очередь, ведет к тому, что государственная экспансия в форме экспансии властвующей элиты распространяется на все социальное пространство.

Это приводит к маргинализации гражданского социума и, соответственно, к общественному кризису, формируя зону неустойчивости, кризиса власти и общества, кризиса государственного управления.

Вячеслав Романов описывает процесс деградации государственного управления как энтропийный процесс: «...система становится социально патогенной...направляет свою гиперактивность исключительно на реализацию

¹ Федосов А. А может, Чернобыля не было? Труд, 23.03.2004.

² Миронова Н. Общество–Правительство: стратегия переговоров / Экология и права человека. Челябинск: ЧелГУ – ЦЭПР. 2003. С.160–176.

³ По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. // Вестник Конституционного суда Российской Федерации.

⁴ 20 июля 2005 Путин на встрече с правозащитниками и экологами в Кремле заявил, что "экологические экспертизы не должны препятствовать развитию страны и ее экономики" // www.novoteka.ru/time/?from=2005-07-20

собственных интересов. Осуществляя сверхактивный отбор ресурсов своего окружения без адекватной их продуктивной компенсации, формируя параметры порядка "под себя", система подавляет активность систем – доноров и приводит их в состояние латентной социальной патологии»¹. Наш подход позволил выявить базовые параметры порядка, которые возникают как системные свойства сложной неоднородной динамической социальной системы. Управление этими параметрами возможно, но лишь в пределах их собственных величин.

Ключевую роль, как мы отметили, играет поляризация базовых ценностей властвующей элиты и гражданского социума, которая порождает взаимное недоверие.

Недоверие граждан к власти подрывает готовность соблюдать законы – основу успешного функционирования общества в условиях роста индивидуальной свободы и личной независимости.

Сравнительное исследование различий миссий, функций, структур и экспертных возможностей, предлагаемых властвующей элитой и социумом моделей управления, приводит нас к выводу, что методологический подход гражданского социума к управлению тоже имеет особенности. Это формулирование целей на основе реальных проблем сообщества. Структурный выбор чаще всего останавливается на самоорганизующихся сетях. Это формирует культуру делегирования прав и ответственности принятия решений. Идет развитие горизонтальных сетей коммуникации. Власть перемещается по горизонтали по принципу наибольшего профессионализма для решения проблемы. Ответственность персонифицирована, делегируется вместе с властью. Методологический набор соответствует просвещенному эффективному управлению². Артефактами гражданского социума становятся миротворческие, правозащитные и экологические движения.

5.5. Возможности и препятствия формирования эффективного управления

Предложенная нами модель участвующего управления рождается во взаимодействии властвующего и гражданского социумов на основе алгоритма принятия управленческих решений. Эта модель позволяет описать дихотомию власти, механизм формирования затратности управления и возможность его экспертной оценки и исследовать дисфункции управления.

¹ Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. М.:РАГС, 2003. Гл.2.

² Маслоу А. Маслоу о менеджменте. Самоактуализация. Просвещенный менеджмент. Организационная теория / Пер. с англ. СПб: Питер, 2003. С.87 – 93.

Предположим, что существует алгоритмическая последовательность в цикле принятия управленческих решений и что на каждом этапе управленческого алгоритма идет согласование с миссией и ценностями данного социума. Наличие жестких структур определяет жесткую модель управления, предлагаемую властвующей элитой. Структуры определяют методы. Жесткая система управления нацелена на решение проблем (solving, solution). Решение проблем начинается как предложение возможностей уже существующими структурами. Чаще всего это приводит к дополнительному разрастанию структур.

Мягкую модель управления определяет отсутствие жестких структур. Эта модель основывается на превалировании методов над структурами. В мягкой модели управления решение проблем нацелено на их исчерпание (dissolving, dissolution) и начинается с выявления наиболее эффективных и согласующихся с ценностями социума методов, ориентированных на исчерпание проблем. Для этой стратегии более подходят гибкие структуры.

Будем исходить из предположения, базирующегося на миссии и ценностях социума, определяющего, что общественные ресурсы должны направляться на решение социально значимых проблем. В цикле принятия решений происходит выявление проблем, препятствий и недостатков, мешающих осуществлению миссии, проводится анализ возникающих возможностей. Формулирование проблем идет на языке базовых ценностей социума.

Таким образом, мы подтверждаем воззрения Рассела Акоффа, что ценности, убеждения и другие человеческие факторы проявляются в социальной деятельности и выражаются в ее результатах¹, в том числе моделях управления.

Эффективное управление, менее затратное и потому более предпочтительное с точки зрения социума, базируется на понятии самоорганизации для разрешения социально значимых проблем, обеспечивающих благосостояние, качество жизни, возможности развития. Отсюда искренний интерес к экологической безопасности и благополучию². Эффективное управление более соответствует системной парадигме. Предпочтение социумом эффективного управления предопределяется изменяющимися качествами социума, в частности, его быстрой информационализацией и гуманизацией. Важным отличием гражданского

¹ Акофф Р. Акофф о менеджменте / Пер. под ред. Л.А. Волковой, СПб.: Питер, 2002. С.35–37.

² Неоднозначное отношение к экологическому мировоззрению, сформированное на уровне знаний и представлений 90-х годов прошлого века, мы находим у Тоффлера. К сожалению, современные российские исследователи легковесно повторяют эти сентенции. Нам же ссылка на Тоффлера интересна его выводами о близости подходов к взаимоотношению с природой традиционного и пост-демократического, у нас – гражданского, общества, что поддерживает наше обращение к базовым общественным ценностям. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: Изд. АСТ, 2003. С. 357–463.

управления является создание набора альтернатив и поиск наиболее эффективного пути.

Первым шагом является выявление проблемы, что позволяет сформулировать достижимую и социально значимую цель. Здесь можно прогнозировать столкновение или согласование ценностей в модели участвующего управления.

Вторым шагом становится создание набора альтернатив в методах достижения целей. На третьем шаге происходит выбор наиболее эффективных структур.

Сравнивая мягкую и жесткую модели управления, видим, что второй и третий шаг в этих моделях меняются местами, что существенно изменяет алгоритм управления. В жесткой модели структуры доминируют над методами. Или, как мы уже отмечали, возможности системы превалируют над потребностями решения проблем и общественными представлениями об эффективности. На втором и третьем шагах возможен конфликт или процедуры согласования между взаимодействующими в выработке управляющих воздействий социумами.

Далее, четвертым шагом, определив методы и структуры, проводится ограниченная этими условиями мобилизация ресурсов. В условиях жесткой модели возникает затратный тип управления, определяемый практически неограниченными возможностями мобилизации ресурсов. Мобилизация ограничена лишь предельным аттрактором затратности управления, за границами которого наступают структурный хаос, организационная агония – и строительство новых социальных форм.

Пятым шагом в мягкой, эффективной модели является экспертная оценка эффективности решения проблемы. В мягкой и жесткой модели этапы оценки эффективности и политических согласований также меняются местами. В жесткой затратной системе пятым этапом является этап политических согласований. Он предшествует этапу оценки экономической эффективности, что приводит, на практике, к исключению оценки эффективности из жесткой схемы вообще либо к имитации этой оценки, которая становится несущественной после принятия политического решения. В этом заключена встроенная неэффективность модели жесткого управления.

Этап политических согласований (шестой шаг в мягкой модели) особенно важен в условиях различающихся культур и парадигм.

Различия миссий и ценностей взаимодействующих общностей являются предпосылками различий в выделении и формулировании проблем, методов, структур и средств их достижения, оценки эффективности управляющей деятельности. Таким образом, различные базовые ценности являются

предпосылками формирования различных культур управления в социальных средах властной элиты и социума.

Исходя из отмеченных различий в жестком и мягком подходе к управлению, мы должны быть готовы на каждом шаге управленческого алгоритма к возникновению противоречий в системе в целом. Таким образом, получает подтверждение тезис системной парадигмы, сформулированный И.Корнаи: «никакая система не является совершенной, дисфункции существуют в любой, предрасположенность к ним является встроенной чертой системы»¹. Но вполне возможно предположить, что этот тезис будет исчерпан в случае сочетания мягкой модели управления властвующей элиты и мягкой модели управления гражданского социума. Итак, мы пришли к заключению о возможности моделирования управления по принципу «обмена неустойчивостями».

В рамках синергетической энтропийно-негаэнтропийной модели мы можем определить причины организационной патологии системы управления в поляризации базовых ценностей. Особенность ценностных противоречий состоит в неуничтожимости ни одной из сторон такого противоречия, в их несводимости друг к другу.

Современные усилия экспертов по оздоровлению общества на основе базовых ценностей гражданского социума² поддерживают своевременность нашей оценки и использования ценностного анализа для определения возможностей переустройства российского социального пространства и выявления в нем точек роста и ресурсов для изменений.

Практический опыт автора исследования свидетельствует, что внедрение модели управления, предлагаемой социумом, сталкивается с проблемами преднамеренного ограничения властвующим социумом институционального пространства, осваиваемого гражданским социумом, и недостаточностью ресурсов для развития гражданского социума³.

Среди наиболее чувствительных проблем, характерных для авторитарного общества, следует назвать неинституализированность схем мобилизации внутренних и внешних ресурсов жизнедеятельности гражданского социума и неинституализированность схем позиционирования социума как субъекта управления. Современное отчуждение социума от общественных ресурсов и отсутствие институтов гражданского общества, в том числе

¹ Корнаи Я. Системная парадигма // Общество и экономика. 1999. №3–4. С.85–96.

² Rassel L.Akoff & Sheldon Rovin. Redesigning Society. Stanford University Press. Stanford, California. 2003. Гл. 1,2,8.

³ Миронова Н. Общество-Правительство: стратегия переговоров / Экология и права человека. Челябинск: ЧелГУ – ЦЭПР. 2003. С.160–176.

института перераспределения ресурсов, являются ключевыми проблемами. Они и указывают на точки возможного роста.

Решение проблем общественного развития в России возможно на пути развития общественных институтов лишь в рамках демократического сценария. В первую очередь, речь идет о финансовых институтах. Создание неправительственных фондов поддержки общественных инициатив и самоорганизации позволит демонтировать барьер между общественными ресурсами и социумом и ускорить эволюционное развитие общества на основе его базовых ценностей – жизни, благосостояния и возможности развития¹.

Такой тренд можно назвать не только ожидаемым обществом, но и предопределенным мировыми тенденциями «третьего пути» к социальному государству и современными представлениями Организации Объединенных Наций о человеческом развитии.

Следует остановиться на этом подробнее, поскольку в подходе ООН содержатся важные для понимания состояния российского общества ключевые положения.

Концепция Human Security, впервые предложена в 60-е годы. В 1994 году доклад ООН по развитию был полностью посвящен трактовке Human Security, в 1997 ООН выделила развитие личности, «которое означало устранение не просто материальных причин бедности, но и бедности как лишения возможности жить достойной жизнью», а в июне 1999 на встрече министров иностранных дел «большой восьмерки» было заявлено, что они «настроены бороться с причинами множества угроз Human Security».

В перечень характеристик ООН ввела «защищенность от хронических угроз, таких, как голод, болезни, репрессии, а также защиту от неожиданного и пагубного нарушения образа повседневной жизни»². Концепция развивается в докладах ООН по человеческому развитию.

В концепции Human Security в качестве заглавной поднимается проблема несовершенства модели управления ресурсами: «Ядро социоэкономических элитных групп и маргинализированные группы, находящиеся на мировой периферии, взаимодействуют таким образом, что последние обрекаются на постоянную экономическую и социальную эксплуатацию.

«Структурное насилие» укоренено в международной системе и опровергает понятие комплексной взаимозависимости. Процесс принятия решений регулируется достаточно жесткими режимами, которые укрепляют эту

¹ Мы не обсуждаем в нашей работе необходимость повышения общего уровня благосостояния, хотя путь повышения уровня минимального размера оплаты труда (МРОТ) представляется единственно эффективным в данной ситуации.

² цитируется по Д.Балуеву / Балуев Д. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы, т.2 №2 (5), май-август 2004 г.

эксплуатацию»¹. Поэтому, как отмечает Д.Балуев, «в первом докладе Программа ООН по развитию постулировала, что развитие должно быть нацелено на людей, а не на безопасность национальных границ, на развитие здравоохранения, образования и политической свободы в дополнение к экономическому благосостоянию».

При исследовании несовершенства управления ресурсами, как это следует из нашей модели на рис.12, следует исходить из различия базовых ценностей взаимодействующих социумов.

5.6. На пути к достижению ценностного консенсуса

Обращаясь к работам Шейна, мы находим путь к формированию моделей управления на основе согласования базовых ценностей.

Шейн также обращает внимание на то, что ценности безопасности в их понимании коллективных базовых представлений закрепляются в моделях поведения, которые ранее в ситуации предыдущего социального кризиса способствовали адаптации социума к изменениям внешней среды, содействовали его внутренней интеграции².

Но в том случае, если коллективные базовые ценности приводят к дезинтеграции социума, дезинтегрированный социум предпочитает переход в более устойчивое состояние низшего порядка³, и эта практика закрепляется в социуме как его базовая ценность.

Введенное нами упрощение социальной системы до взаимодействия двух социумов – властвующей элиты и гражданского социума – несет в себе новые возможности исследования влияния неоднородности каждого из этих социумов и учета большего числа сочетаний параметров порядка и взаимосвязей, в которых может происходить достижение консенсуса относительно базовых ценностей.

Рассмотрим новые возможности на примере исследования неоднородности гражданского социума. Предположив, что гражданский социум неоднороден, мы показываем, что в нем, по крайней мере, могут существовать три выраженные группы – конформистов, реакционеров и трансформаторы. Конформисты в зонах неустойчивости жертвуют своими базовыми ценностями и присоединяются к властвующей элите. В этом и проявляются адаптационные

¹ Балуев Д. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы, т.2 №2 (5), май-август 2004 г.

² Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. С.31–32.

³ Миронова Н.И. Социальная эволюция и цивилизационные сдвиги: модели динамического развития социальных систем и управления / Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции // Под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 1. С.357–367.

свойства этой доминирующей группы. Мы можем представить социальную драму реакционеров и трансформаторов, принуждаемых к принятию выбора большинства. Для других групп этот процесс адаптации означает необходимость выбора между своими базовыми ценностями, и ценностями властвующей элиты. В закрытой системе такие группы ожидают дезадаптация, маргинализация и исчезновение. Но и саму систему в каком-то будущем ожидает тот же финал. В открытой системе у таких «несогласных» групп даже в случае невозможности влияния на изменение базовых ценностей власти появляется возможность выживания. Происходит перемещение этих групп в другие социальные системы, более близкие по ценностным приоритетам и видению процессов социального развития. Активные процессы таких перемещений происходят во всем мире, в том числе в России. Ускорение социальной динамики приводит к тому, что люди должны делать такой выбор не однажды, определяя, таким образом, социальный и географический статус своего рода на века, а несколько раз в течение одной жизни.

Обратимся теперь к проблемам доминирующей социальной подгруппы, обычно это подгруппа конформистов. В ситуации ускорения социальной динамики ей приходится принимать адаптационные решения тоже несколько раз в течение жизни. Шейн утверждает, и это подтверждено практикой, что в ситуации нового выбора социум с доминирующей линейной или организмической парадигмой («стрела времени» обращена в прошлое) чаще всего применяет устаревшие адаптационные образцы, которые плохо работают или вообще не работают в новых условиях. В этом состоит еще одна историческая драма человечества, «забывающего», что нельзя в одну реку войти дважды. Именно этот парадокс выбора конформистов на основе устаревших адаптационных паттернов приводит к «ошибкам упущения», по Акоффу¹, гораздо более существенным, чем ошибки компетенций.

Социум, мыслящий в категориях операционно замкнутой системы, не способен предвидеть, что условия в следующей точке социального выбора будут отличны от предыдущей. Это особенно актуально при современных нарастающих скоростях изменений.

Энергетика преобразований, по Акоффу, сосредоточена в подгруппе трансформаторов, сконцентрировавших в себе потенциал креативности и инновационности общества. Креативность и инновационность позволяют «трансформировать общество в такое, которое способно на более справедливое распределение благосостояния, качества жизни, возможности развития»².

¹ Акофф Р. Трансформация в продвижении систем. Май 2004 / Пер. Н.Мироновой // <http://spkurdyumov.narod.ru>

² Ackoff R., Rovin Sh. Redesigning Society / Stanford University Press, Stanford, California, 2003. С. 161.

Однако для того, чтобы группа трансформаторов стала лидером изменений и смогла реализовать свои модели управления, должны сложиться условия, определяемые сочетанием выделенных нами управляющих параметров: типа парадигмы, вида аттрактора затратности, уровня консенсуса базовых ценностей, уровня самоорганизации и уровня информациональности социумов.

Современные тенденции ускорения возврата России к авторитарному управлению и авторитарному обществу противоречат логике общественного развития и основным трендам глобализующегося мирового сообщества. Но это происходит и, более того, сопровождается активной риторикой по поводу отсутствия гражданского общества в России и предложениями строить его в условиях и вместе с укреплением вертикали власти¹. Подобные инициативы лишь еще раз подтверждают неоднозначность оценки состояния общества, сложность понимания закономерностей взаимодействия социумов, попытки навязывания обществу устаревших моделей управления в изменившейся ситуации.

В этих условиях современный российский социум, обеспокоенный незащищенностью своих жизненно важных интересов и базовых ценностей, актуализирует свой управляющий потенциал. Социум генерирует новые модели управления, гипотезы, предложения, создает схемы согласования ожиданий и инновационные модели решения проблем. На эти вызовы социума правящая элита отвечает инициативами, ограничивающими общество в гражданских правах и либеральных свободах. Анализ этих тенденций проводит Александр Аузан².

Задержка общественного развития, осуществляемая российской властвующей элитой в полном соответствии с теорией малых флуктуаций, подтверждает, что правящие элиты активно противодействуют возрастающему участию социума в трансформации социального пространства.

Властвующие элиты предлагают свой проект модернизации в полном соответствии с описанными Бекон надзирающими обществами, которые превращаются в «государства-крепости, где на первом плане стоят безопасность и военная мощь, а свобода и демократия играют второстепенную роль...эта тенденция может привести к политике государственного авторитаризма, когда во внешней сфере идет приспособление к потребностям мирового рынка, а внутри страны господствуют авторитарные подходы. Для тех, кто выигрывает от

¹ Указ Президента РФ "О дополнительных мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации"/ опуб.28.09.2004.

² Аузан анализирует российский опыт редизайна общества на основе правового договора между властвующей элитой и представителями нового бизнеса, предлагавшими инновационную модель управления. Результатом открытых переговоров по смене модели управления Аузан называет арест Ходорковского / Аузан А. Экономические основания гражданских институтов.19 мая 2004. <http://www.polit.ru>.

глобализации, действуют принципы неолиберализма, а тех, кто остается в проигрыше, пугают терроризмом и засильем иностранцев и дозированно травят ядом расизма»¹.

Подтверждением первому тезису Бека об избирательном пользовании выгодами неолиберализма является концентрация власти и ресурсов в руках властвующей элиты России, в частности, прибыли от роста цен на нефтяном рынке. Реализация второго тезиса об ущемлении гражданских свобод проявляется особенно заметно в России. Избирательное использование принципов неолиберализма находит свое нормативное подтверждение в заключении соглашений об облегченном визовом режиме для правящей элиты России по сравнению с ее остальными гражданами².

В условиях открытого общества социум становится более пассионарным и креативным. Он сам в этом случае становится носителем изменений. И, что очень важно подчеркнуть, именно социум является носителем гуманизации социальных практик. На эту инновацию обращает наше внимание Тейяр де Шарден, отмечая, что научный поиск, «направленный вперед, на продолжение «человеческого феномена», выявляет...удивительную перспективу растущей «гуманизации» человечества»³. Гуманизация общества предполагает большее внимание к гуманистическим ценностям. Общественные проблемы настоящего времени уже формулируются на основе ценностей постиндустриального демократического общества. Это привело нас к необходимости более внимательного исследования культурно-ценностных моделей как властных элит, так и социума, а также различий базовых и провозглашаемых ценностей.

Таким образом, системный подход позволил автору рассмотреть кризис управления как проявление дисфункции власти. Мы выявили важную роль несогласованности базовых ценностей, социальных ожиданий, описали характер взаимодействия самоорганизации и управления, выявили кризис согласования базовых ценностей властной элиты и социума, исследовали источники конфликта и возможности его исчерпания (Миронова, 2003)⁴.

¹ Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска / Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 5, с. 10-19, С.18–19.

² Россия и Германия намерены облегчить визовый режим. Но не для туристов. Представители делегации МВД РФ уточнили "Интерфаксу" категории лиц: представители исполнительной власти, члены законодательных органов власти, в том числе депутаты всех уровней, спортсмены, деятели культуры, студенты, обучающиеся по программам обмена, а также бизнесмены. 13.10.2003. http://www.ratanews.ru/news/news_13102003_6.stm. Подобное же соглашение готовится с Францией и Италией (увеличение сроков действия виз для членов правительства, сотрудников администрации президента).10.06.2004. http://www.ratanews.ru/news/news_10062004_5.stm.

³ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. М.: АСТ. 2002. С.499.

⁴ Нами ранее показан механизм формирования и устранения дисфункций в системе государственного управления. Обнаружено, что дисфункции управления заложены в процесс формулирования проблем. Исключение этапа согласования ожиданий, приводит к возникновению абстрактных, то есть недостижимых, с точки зрения эффективного использования социальных ресурсов, целей / Миронова Н.И. Общественные движения в системе государственных решений социально значимых проблем территорий. Челябинск. УрАГС, 2003 г. Глава 1. Дипломная работа на правах рукописи.

Расценивая инициативы по укреплению властной вертикали как линейный подход к управлению, мы разделяем озабоченность Рассела Акоффа: «... те, кто осуществляют общественную политику и вовлечены в принятие общественно важных решений, не понимают, что усовершенствования в функционировании частей системы, взятых отдельно, не могут, и обычно не улучшают функционирование системы как целого. Фактически это может ухудшить возможности системы или даже разрушить ее»¹.

Таким образом, мы видим, что в авторитарном сценарии при автократическом управлении сложилась социальная практика низкой оценки стоимости человеческой жизни, которая ведет к истощению гражданского социума (примером тому демографический ущерб как следствие перенесения затрат управления на социум). Ничтожная стоимость человеческой жизни, с одной стороны, позволяет не учитывать ущерб человеческому ресурсу, «снижая», таким образом, затратность управления. С другой, уценка человеческого ресурса ведет к нарастанию «ошибок компетенций» (Акофф), создаваемых линейной политикой экономического роста и доминированию подхода «экономически оправданных рисков». Таким образом, в линейной системе «вход – выход», действительно, любые самые затратные схемы управления выглядят экономически оправданными, если они восстанавливают или поддерживают сложившийся социальный порядок или социальный порядок, мифологизированный властвующей элитой.

Системная парадигма позволяет увидеть путь трансформаций, что радикально меняет подход к социальному развитию, устройству общества и управлению. В глобальном информационном обществе устойчивость общественного устройства связывается уже не с возможностями властвующей элиты подавлять гражданский социум, а, наоборот, со способностью общества функционировать как открытая, операционно разомкнутая система.

5.7. Факторы взаимодействия государственного управления и гражданской самоорганизации в России

Анализ результатов опросов общественного мнения позволяет получить эмпирическое подтверждение или опровержение выдвинутых гипотез о характере взаимодействий самоорганизации и управления, о состоянии, а также о сочетании параметров порядка и управляющих параметров в российском социуме, способствующих возникновению управляющих взаимодействий в социальной системе.

¹ Акофф Р. Трансформации в продвижении систем / Пер. Н.Мироновой // <http://www.spkurdyumov.narod.ru>

Параграф содержит анализ массовых опросов граждан и экспертов, проводимых в течение последних трех лет Социологическим центром РАГС, Фондом общественного мнения, исследовательским холдингом ROMIR Monitoring, ВЦИОМ, и др. профессиональными социологическими объединениями.

Кризис взаимоотношений властвующей элиты и гражданского социума подтверждают результаты многочисленных социологических исследований. Поляризация ценностей является признаком нового времени в российской истории. Однако опросы общественного мнения указывают, что происхождение конфликта базовых ценностей уходит корнями в советское время. В докладе Института комплексных социальных исследований Российской академии наук (ИКСИ РАН) «Экономическая элита в зеркале общественного мнения», представленном его директором М. Горшковым в июне 2004 г., в частности, сообщалось, что 72% респондентов были уверены, что нынешняя экономическая элита сформирована из бывшей партийной и комсомольской номенклатуры. Еще 31% считало, что это бывшие руководители предприятий и учреждений. Таким образом, практически все опрошенные сошлись в одном, нынешняя экономическая элита России сформирована по признаку ее номенклатурного прошлого. Номенклатурное прошлое властвующей элиты связано в массовом сознании с ее противостоянием социальному развитию. Отвечая на вопрос о том, кто создает препятствия для выхода России из кризиса и ее успешного развития, все социально-демографические группы на первое место поставили государственную власть. Опрошенные отметили засилье бюрократии и некомпетентность федеральных структур¹.

Вывод, который можно сделать на основе этой информации, состоит в том, что смена номенклатурной элиты может снять внешние признаки конфликта.

Следует отметить, что российский социум рисует портрет властвующей элиты, составленный из карьеризма, использования служебного положения в личных целях и в обход закона, из воровства и коррупции, протекционизма, пренебрежения интересами людей. По данным опроса, проведенного в октябре 2003г. Социологическим центром РАГС², респонденты выделяют как сильные и умеренные свойства номенклатурный карьеризм – стремление «пробиться» в элиту и удержаться в ней – 86,3%. Мнение опрошенных о том, чем занимается правящая элита, распределилось следующим образом: решают проблемы в

¹ «Экономическая элита в зеркале общественного мнения» // Известия / 23 июня 2004 // <http://www.izvestia.ru/community/article164336>

² Опрос проведен Социологическим центром РАГС в октябре 2003 г. Опрошены 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в 20 субъектах Российской Федерации по репрезентативной общероссийской выборке // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

обход закона – 82,6%; используют служебное положение в личных целях – 90,8%; занимаются воровством и коррупцией – 82,9%; протекционизмом – 79,5%; пренебрегают интересами людей – 83%.

По данным опроса, проведенным Социологическим центром РАГС по общероссийской репрезентативной выборке, власть неспособна эффективно оказывать услуги обществу и отдельным гражданам – в этом уверены 59,6% респондентов¹. И лишь 18,9% считают, что существующая в России государственная система в основном способна оказывать услуги гражданам и обществу. При этом лишь 23% предполагают, что административная реформа направлена на повышение возможностей оказания услуг, а 69,2% уверены в том, что она решает интересы самой власти. Результаты этого опроса отражают конфликт ценностей властвующей элиты и общества.

Поляризацию базовых ценностей подтверждают и другие социологические опросы.

Исследовательский холдинг ROMIR Monitoring в сентябре 2003 г. опубликовал результаты опроса, по которому 86 процентов респондентов (выборка 1500 человек) считают, что государство осуществляет социальную защиту своих граждан в малой степени или совсем не осуществляет². В том, что госслужащие защищают свои собственные и корпоративные интересы в октябре 2003 года были уверены 98,8% опрошенных РОМИР. В том, что госслужащие защищают интересы граждан, были уверены только 8,3%.

Низкую оценку трансформационных способностей властвующей элиты и убежденность респондентов в недемократическом наборе ее базовых ценностей дают опросы РАГС. При этом лишь 12% высокопоставленных экспертов, представляющих позицию властвующей элиты, считают, что утверждение демократических ценностей в сознании госслужащих будет способствовать укреплению госслужбы³.

В обществе конфликт ценностей связывают с несправедливым распределением ресурсов. Экспертные опросы также показывают растущее ощущение обострения конфликта между верхами и низами в обществе. Так считают 92% экспертов, из них 65,3% экспертов отмечают наличие острых конфликтов, еще 26,7% находят наличие не очень острых конфликтов.

¹ Опрос проведен Социологическим центром РАГС в октябре 2003 г. Опрошены 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в 20 субъектах Российской Федерации по репрезентативной общероссийской выборке // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

² ROMIR Monitoring. Россияне о социальных проблемах и социальной политике. Актуальные проблемы общества. Сентябрь 2003 г // <http://rmh.ru>

³ Результаты выборочного социологического опроса 200 экспертов Российской Федерации. В качестве экспертов выступили работники органов исполнительной власти субъектов РФ, занимающие должности начальника отдела и выше по реестру государственных должностей // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

Идентифицируют эти конфликты с конфликтами бедности и богатства – 93,2%, с конфликтами власти и общества – 94,4%¹.

Следует подчеркнуть, что и внутри властной элиты существует критическое отношение к власти. Таково мнение лиц, принимающих решение на уровне исполнительной власти, участвовавших в экспертном опросе². Почти половина (46,5%) представителей власти признают, что административная система страны не в состоянии эффективно оказывать услуги обществу и гражданам. Но при этом большинство, 60%, считают, что сокращать функции государственных органов не следует, и 52% считают, что не следует ограничивать вмешательство власти в экономику. В том, что административная реформа не улучшит жизнь основной массы людей, уверены 55% экспертов, представляющих органы власти.

Таким образом, по шкале согласования ценностей, по данным социологических опросов, российское общество находится в состоянии поляризации ценностей, что соответствует модели авторитарного сценария с автократическим управлением либо ранней стадии демократического общества в условиях растущей информативности социума.

Этот вывод подтверждает и представление об уровне самоорганизации населения в России. Данные получены из октябрьского 2003 года опроса, проведенного РАГС³ – 83% опрошенных признались, что у них нет опыта общественного мониторинга деятельности органов власти, пассивность граждан и их нежелание граждан взаимодействовать с властью отметили 55,5% опрошенных, нежелание власти взаимодействовать с гражданами подчеркнули 45,9% участников опроса. При этом 53–57% считают полезной организацию гражданского контроля деятельности власти, и только 13–18% считают ее вредной. О том что, самоорганизация общества сдерживается, даже блокируется властью, говорят 65,3% респондентов. В том, что само общество не способно к самоорганизации, уверены 46% участников опроса.

По данным мониторинга ВЦИОМ, опубликованным в марте 2005 года⁴ пессимистически эффективность протестной самоорганизации оценивают 37% опрошенных. В то же время, среди оптимистов, число которых составляет примерно 40%, на институциональные изменения в пользу населения надеются

¹ Экспертный опрос проведен Социологическим центром РАГС. Опрошен 251 эксперт в 25 субъектах Российской Федерации с 25 ноября по 3 декабря 2003 года // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

² Экспертный опрос проведен Социологическим центром РАГС в период с 1 по 7 октября 2003 года. В качестве экспертов выступили 200 работников органов исполнительной власти субъектов РФ, занимающие должности начальника отдела и выше по реестру государственных должностей // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

³ Опрос проведен Социологическим центром РАГС в октябре 2003 г. Опрошены 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в 20 субъектах Российской Федерации по репрезентативной общероссийской выборке // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

⁴ Монетизация льгот, протестная активность идет на спад // www.invur.ru

24%, на смену курса, отставку правительства или министров рассчитывают 32% россиян.

На основании этих данных можно сделать вывод, что, с одной стороны, наметилась тенденция к снижению уровня пессимистически настроенных к социальной самоорганизации людей с 46 до 37%. Но с другой стороны, эти данные отражают процентный уровень настроений «финализма» и фатализма, носителями которых можно назвать приверженцев линейной и организмической парадигм. Этот результат достаточно оптимистичен с точки зрения поведения социума в момент изменений.

Игнорирование или замораживание властью гражданской самоорганизации соответствует линейно-организмическому подходу и ведет социальную систему к стагнации. Следует отметить, что в 2000 году стагнацию экономической, политической и социальной жизни отметило большинство опрошенных Социологическим центром РАГС.

Еще одна подробность привлекает внимание при анализе данных опроса ROMIR Monitoring в марте 2005 года – это отсутствие в обществе духа консюмеризма, которая характеризует его высокую предрасположенность к переходу в режим с меньшим аттрактором затратности управления. Россияне стремятся не столько зарабатывать, сколько экономно тратить. Это подтверждается тем, что в то время как проблемой низкой зарплаты озабочены 47% респондентов, рост инфляции беспокоит 50% респондентов¹.

Таким образом, говоря о потенциале самоорганизации, можно констатировать, с одной стороны, низкую пассионарность общества, замороженность в нем самоорганизационных инициатив, а с другой – понимание обществом намеренных действий власти по сдерживанию общественного развития. Однако уровень недоверия к власти настолько высок, что у общества не возникает желания взаимодействовать с нею.

В случае трансформационных сдвигов у общества в таком состоянии более высока вероятность перехода в традиционный сценарий развития с низкой затратностью. Предотвратить такой переход может только интенсивная информационализация социума. Этому может способствовать состояние открытого общества и независимость средств массовой информации от властвующей элиты.

Однако тенденции трансформации России в открытое общество тоже невысоки – свободное информационное пространство ценят только 11,4%

¹ ROMIR Monitoring. Рост цен и низкие зарплаты беспокоят россиян больше всего. Март 2005 г // <http://rmh.ru>

опрошенных россиян, 33,5% выступают за частичное ограничение и 38,1% поддерживают полное ограничение информационной свободы¹.

Уровень информациональности социума является очень сильным параметром управления, но и воздействие на него может иметь неоднозначные последствия². Сдерживание роста информациональности, с одной стороны, замораживает общественное развитие, но, с другой стороны, и закрывает переход к общественным отношениям, характерным для постиндустриального информационального общества³. Увеличивается вероятность непротивления превращению территории страны в площадку для депозитариев технологических отходов эпохи «заводских труб» со всем спектром опасностей для окружающей среды и демографических показателей нации⁴.

Представление об уровне информациональности современного российского общества дает ROMIR Monitoring, который ведет исследование изменения информациональности российского социума с 1999 года, проводит ежеквартальный опрос с 2003 г⁵. Данные ROMIR Monitoring говорят о том, что в среднем по России число пользователей Интернета растет на 1,5% в год, и изменилось с 10% в начале 2003 года до 13% в начале 2005 года. Однако активных пользователей Интернета (минимум раз в день) в 2005 году было всего 4%, что, правда, это на четверть выше, чем в 2003 году. Домашний компьютер имеют 63% пользователей Интернета, но подключением к Интернету из дома пользуются лишь 45%. Эти данные мало отличаются от данных опроса

¹ По результатам выборочного социологического опроса населения страны в связи с публикацией Доктрины информационной безопасности. Опрошены 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 20 субъектах Российской Федерации по общероссийской репрезентативной выборке с 5 по 11 октября 2000 года. Социологический центр РАГС // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

² А.Сиырбаев сообщает о том, что Азия делает упор на информационную революцию: «... в Сингапуре в 1998 году был создан фонд в размере одного миллиарда долларов для развития современных информационных технологий. В этой сфере бизнесменам предоставляются всяческие льготы. В Малайзии от производства чипов (электронных схем высокой интеграции) переходят к изготовлению изделий самого верхнего уровня (суперкомпьютеры, роботы). Для этого развивают местные университеты и "перекачивают мозги" из других стран...Под воздействием Интернета, вошедшего в экономику стран ЮВА, формируется новый слой предпринимателей младшего поколения. Так, ...в Малайзии и Таиланде... многие юноши через подставных лиц – родственников – и на их средства участвуют в торгах фондовых бирж с 14 лет. Повзрослев, они становятся предпринимателями новой формации. Через Интернет они изучают компанию, а потом скупают её акции» / Сиырбаев А. «Летающие гуси», с востока на запад. Экономическое чудо Юго-Восточной Азии // Мировая экономика, 2003, №1.

³ М.Кастельс приводит в своей работе (Галактика Интернет, с.301) данные о том, что Юго-Восточная Азия является наиболее быстро развивающимся регионом мира в пользовании Интернетом. К концу 2000 года лидером стала Южная Корея, в которой 42% жителей имеют доступ к Интернету, в том числе 25% через высокоскоростные каналы с домашних компьютеров. На Тайване 36% жителей являются пользователями Интернета.

⁴ Такая перспектива, по нашему мнению, весьма реальна для России, Китая и Индии. Страны же Юго-Восточной Азии, используя исторический шанс «эволюционного лифта», благополучно миновали эту цивилизационную остановку. С другой стороны, это еще больше ухудшило эволюционные перспективы для России в современном взаимосвязанном глобализующемся мире.

⁵ ROMIR Monitoring. Цифры и факты. Мониторинг Интернета - результаты за 1 квартал 2005 года. <http://rmh.ru>.

проведенного РАГС в декабре 2003 г.¹ Пользователями персональных компьютеров в 2003 году являлись 38,8% опрошенного населения, Интернет пользовались регулярно 10% населения, нерегулярно – еще 17,4%.

По данным ROMIR Monitoring можно увидеть и пространственное распределение информационной аудитории – это в основном жители мегаполисов и городов-миллионников. Преимущественно эта аудитория использует Интернет 1–2 раза в неделю, и ее прирост составил 2%, поднявшись с 8% – в 2003 до 10% – в 2005. Данные июньского 2005 года опроса компанией «СОЦИС»² в одном из средних городов, Ярославле, выявил более высокий процент пользователей Интернета 15,3% в 2004 г. и 16,1% в 2005г. Выросло в Ярославле и число домашних компьютеров с 15,4% в начале 2004 г. до 26,5% в июне 2005 г. СОЦИС отмечает тенденцию увеличения пользования Интернетом, 47,9% пользователей выходят в Интернет 2 раза в неделю и чаще.

Говоря о социально-демографических характеристиках пользователей Интернета, ROMIR Monitoring отметил, что мужчины являются более активными пользователями (56%), но самой активной группой является молодежь от 18 до 24 лет (39%). У большинства российских пользователей Интернета – 41,5% – уровень среднемесячного дохода – от 1000 до 3000 тыс. руб. (до 1,3 тысяч долларов годового дохода), у 24% доход от 3000 до 5000 тыс. руб. (до 2,2 тыс. долларов годового дохода) имеют и у 20% – от 5000 до 10000 тыс. руб. (до 4,3 тыс. долларов годового дохода).

Крайне интересно данные по России сравнить с данными по США и миру, собранными американским социологом Мануэлем Кастельсом, исследующим влияние Интернетом на развитие общества³. Кастельс приводит данные, что в августе 2000 года среди жителей в возрасте старше трех(!) лет 41,5% домохозяйств и 44,4% граждан США имели доступ к Интернету, причем 51% домохозяйств имели домашние компьютеры. Анализируя доступ к Интернету в зависимости от уровня доходов, Кастельс отмечает дифференциацию. Среди лиц с годовым доходом свыше 75 тысяч долларов 70,1% имели доступ к Интернету, среди лиц с годовым доходом от 25 до 35 тысяч долларов – 25,3%, среди лиц с годовым доходом от 15 до 25 тысяч долларов, соответственно 18,4%. Возрастной разрыв также существует. Люди старше 50 лет являются пользователями Интернет только в 29,6% случаев. Средний возраст (25–49 лет) является активным пользователем – 55,4%, но

¹ Опрос проведен с 25 ноября по 3 декабря 2003 года. Опрошены 2404 человека в возрасте от 18 лет и старше в 25 субъектах Российской Федерации по общероссийской репрезентативной выборке // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

² Компания «СОЦИС» (socismr.com) в рамках регулярного проекта «Барометр» изучает различные сферы жизни жителей разных городов России. Одной из тем исследования с 2000 года является Интернет // <http://www.789.ru/portal/modules.php?name=News&file=article&sid=4051>

³ Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, У-Фактория при участии издательства Гуманитарного университета, 2004. С 284–311.

самая активная группа – молодежь (18–24 года) –56,8%, и есть еще одна активная группа – тинэйджеры (9-17 лет), среди них число пользователей Интернета составляет 53,4%. Так же, как и в России, женщины не менее активно пользуются Интернетом, чем мужчины (44,2% и 44,6%), хотя Кастельс отмечает устойчивую тенденцию изменения этого соотношения в пользу женщин.

Таким образом, сравнивая возможности роста информативности общества и формирования информационного социума, следует сделать вывод, что в России на пути этой тенденции стоит имущественный ценз, причем этот ценз общей бедности, даже нищеты, российского социума в целом. Наиболее активная группа пользователей имеет годовой доход меньше 1,3 тыс. долларов, что в 10 раз ниже, чем нормативный минимальный уровень годового дохода в США – 12 тыс. долларов (6 долларов в час). Российской власти нужно было очень сильно постараться затолкнуть народ в такое узилище, чтобы после этого с элитарного Олимпа бросать ему упреки в отсутствии гражданского духа и инициатив.

Низкий уровень годового дохода большинства населения является важной характеристикой высокой затратности авторитарного управления и узурпации общественных ресурсов в руках властвующей элиты.

В зоне социальных флуктуаций такое состояние социума и власти формирует большую вероятность эволюционного сдвига в сценарий традиционного общества.

Затратность управления отражена в социологических опросах в представлениях о справедливости или несправедливости распределения общественных ресурсов, обеспечивающих достойный доход и право на развитие. Такие данные содержатся в исследованиях РАГС, проведенных в декабре 2003 г.¹ Достаточность дохода как признак социальной справедливости отметили 61,3% экспертов и 58,1% населения, не согласны с этим 37% экспертов и 37,2% населения. В то же время опрошенные не нашли, что большая разница в доходах стимулирует личные достижения. Равные шансы на образование отметили 92,4% экспертов и 84,9% населения, на медицинское обслуживание 92% экспертов и 78,3% населения. При этом 89,2% экспертов и 78,7% населения считают социальные различия в России несправедливыми. Более того, 60,2% населения чувствует себя обделенным.

Бедность основной части населения, как индикатор несправедливого распределения ресурсов, определили 63% опрошенных РАГС в декабре 2003 г., в том числе низкий уровень заработной платы отметили 53,9% респондентов. По

¹ Экспертный опрос проведен Социологическим центром РАГС. Опрошены 251 человек в 25 субъектах Российской Федерации с 25 ноября по 3 декабря 2003 года // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

опросам РОМИР, бедность в июне 2004 и марте 2005 года выделяют как проблему 47% респондентов.

В итоге, в необходимости перераспределения власти и уменьшение функций государственных органов убеждены 51,5% респондентов, и только 19,9% уверены в том, что следует сохранить статус-кво властвующей элиты.

Оценивая реформационно-модернизационно-трансформационные предпочтения 2003 года, можно полагаться на опросы РАГС, проведенные в октябре – в глухую оппозицию к власти ушли 46,4% россиян, конформисты составляют 30,7% , реформистскую (в системной терминологии, то есть как возврат к прошлым образцам) деятельность поддерживают 20,7%, к трансформаторам можно отнести только 5,8% опрошенных.

Сделанное обобщение подтверждает ответ респондентов на прямой вопрос о влиянии административной реформы на улучшение жизни граждан – оптимисты составляют 15,9%, пессимисты – 60,2%.

Воодушевляет, что все же 22,9% экспертов РАГС полагают, что реформа создаст условия для самоорганизации общества. В то же время отсутствие системы диалога с властью подтверждают 27,5% участников опроса, незаинтересованность власти в таком диалоге видят 32,8%, собственную незаинтересованность отмечают 36,2%.

Опрос, проведенный институтом общественного мнения «Квалитас» в Воронеже в конце мая 2005 г.¹, свидетельствует, что лишь 7% процентов респондентов будут активно отстаивать существующую власть в случае революции. Еще 12,6% заявили о своих симпатиях к защитникам власти. В то же время 7% респондентов намерены активно участвовать в смещении власти, и 17,1% заявили о своей поддержке смены власти. При этом 40,9% намерены остаться в стороне от конфликта.

Декабрьский 2003 года опрос экспертов Социологическим центром РАГС свидетельствует, что к общественным трансформациям готово 54,6% опрошенных, при этом 60,3% не видят в этом социальной катастрофы, а 32,7 расценивают как катастрофу.

Опросы РОМИР в январе 2005 года свидетельствуют об уменьшении группы «неопределившихся». Число пессимистов составило близкую к 2003 году цифру – 31%, остальные 69% готовы активно защищать свои права, из них 15% готовы к активным протестным акциям².

¹ Полтаев Г. //Газета "Воронежский Курьер" //9 июня 2005г.

<http://www.789.ru/portal/modules.php?name=News&file=article&sid=4075>

² РОМИР-мониторинг. Цифры и факты. Две трети россиян готовы к активным действиям по защите своих прав. Январь 2005 г // <http://rmh.ru>

Опрос Социологического центра РАГС в октябре 2003¹ дает следующие показатели:

47,3% опрошенных уверены в возможности демократического сценария для России;

31,9% считают такой сценарий нереальным,

20,8% респондентов не определились во мнении.

К признакам демократического общества респонденты, в том числе, отнесли:

участие граждан в принятии решений органов власти – 83,7%,

гражданские инициативы населения – 76,1%,

открытость органов власти – 86,2%,

деятельность общественных организаций – 73,4%.

Однако текущая ситуация в России и способность граждан влиять на решения властей оценена очень низко – 87,8% считают, что у них нет возможности влиять на решения властей (61,2%) или есть, но только в отдельных случаях.

Анализируя тенденции развития общественного сознания и их устойчивость, опросы РАГС выявляют², что оптимистическое восприятие экономических изменений 1992–2000 разделяли в 1998 г. 35,4%, в то время как негативно к ним относились 49,8%, в 1999, после кризиса августа 1998, оптимисты составили 36,4%, а вот число пессимистов возросло до 53,4%.

В 2000 году произошла инверсия общественного отношения к кризису – общественный оптимизм возрос до 55,8%, а число пессимистов снизилось до 34,9%.

Процессы роста самоорганизации можно выявить на уровне начавшихся муниципальных выборов, в ходе которых произошла смена муниципальной власти сразу в нескольких городах Челябинской области.

Социологи считают, что выборы мэра в Челябинске стали голосованием за перемены³.

Московский политолог Андрей Воронов, отмечая, что столица Южного Урала давно ассоциируется с политическим и административным застоем,

¹ Опрос проведен Социологическим центром РАГС в октябре 2003 г. Опрошены 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в 20 субъектах Российской Федерации по репрезентативной общероссийской выборке // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

² Тенденции развития общественного сознания. Аналитическая записка. Социологический центр РАГС, М.2000 г. По результатам выборочного социологического опроса населения страны. Опрошены 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 20 субъектах Российской Федерации по общероссийской репрезентативной выборке. Опрос проведен с 5 по 11 октября 2000 года // <http://www.rags.ru/content.php?id=84>

³ Так считает екатеринбургский политолог Дмитрий Голованов // Игорь Юров // Новый Регион. 21.03.2005.

считает, что люди проголосовали против номенклатурщиков¹. Опрос, проведенный аналитической группой ИСЦ «Зырянов и партнеры»², показывает, что 62,5% горожан вложили в это голосование надежды на изменения, и только 12,4% уже не верят в перемены.

Среди оптимистов больше женщин, а среди пессимистов больше молодых мужчин с невысоким уровнем образования. За смену власти проголосовали 45% избирателей при высокой активности избирателей, явка была 40%. Отказ нового мэра от совмещения должности председателя городской Думы поддержали 50,4% респондентов, что подтверждает общественную поддержку тенденций перераспределения власти.

Обзор приоритетов жителей Челябинска показывает их соответствие базовым ценностям социума – безопасность окружающей среды (экологический контроль предприятий и охрана окружающей среды) – в сумме 69,4%; жизнеобеспечение (водо- и теплоснабжение и уборка мусора) – 69,1%; равные права на развитие (доступность школьного образования) – 50,9%; чувствительность к транспортным коммуникациям (городской транспорт, строительство и содержание дорог) – 52,5% – следует объяснить потребностью в улучшении городского планирования. Это подтверждает и 63,6% голосов, отданных за приостановку строительства объектов, обоснованность постройки которых вызывает сомнения.

Граждане не только готовы перепланировать власть, но и перепланировать пространство вокруг себя. Это свидетельствует также о росте потенциала самоорганизации в социуме.

Таким образом, опросы общественного и экспертного мнения подтверждают, что перемены в России ожидаемы, а муниципальные выборы свидетельствуют, что перемены начались.

Выводы

Моделирование дихотомии власти показывает зависимость моделей управления, генерируемых властвующим социумом и гражданским социумом от их базовых ценностей. Достижение консенсуса в отношении базовых ценностей может повлиять на кризис управления, и открыть возможности трансформации управления и формирования новых форм взаимодействия гражданской

¹ Таково мнение московского политолога, эксперта общественно-политический фонда «Реалити» Андрея Воронова // Челябинск: Мэр Челябинска Тарасов сделал все, чтобы проиграть выборы – мнение экспертов // <http://www.789.ru/portal/modules.php?name>

² Всего опрошено 507 респондентов, статистическая погрешность в выборке +4 % // Сто дней деятельности нового главы Челябинска: оценки и ожидания населения // http://www.uralpress.ru/show_review.php?id=221

самоорганизации и государственного управления. Гражданским социумом формируются модели и практики эффективного участвующего управления.

Конфликт управления в России является отражением кризиса элитарного управления с его артефактами – арсеналами оружия массового уничтожения. В условиях повышения самоорганизации общества растут риски использования властвующей элитой оружия массового поражения против гражданского социума.

Инициативы гражданского социума по формированию участвующего управления направлены на предупреждение этой опасности. Одним из условий достижения ценностного консенсуса предстоит считать девальвацию ценности оружия массового уничтожения.

Российское общество находится в зоне флуктуаций около полюса авторитарного цивилизационного сценария. По данным опросов можно сделать вывод о вхождении социальной системы в зону предельного аттрактора управления. Опросы свидетельствуют о готовности российского общества к социальным изменениям. Муниципальные выборы подтверждают, что такие изменения уже начались.

...мы не хотим сильного лидерства в
вопросах государственного масштаба,
потому что мы в основном управляем сами собой.
Джон Нейсбит

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассматриваем формы общественного устройства, в которых управление возникает как продукт взаимодействия социумов. Важным представляется определение параметров порядка социумов, сочетание которых определяет социальную динамику. Мы свели эти параметры в формулу социокультурного поля. Полюса социального пространства – традиционное, авторитарное, демократическое и гражданское общества, определяются набором парадигмальных смыслов и аттракторами управления. Мы полагаем, что выбор социальной системы в точке бифуркации определяется сочетаниями параметров порядка системы и характеристиками той точки пространства-времени, в которой социальная система находится в момент бифуркации.

Социальная динамика обуславливается сочетаниями параметров состояния социума и параметров управления и предстает как флуктуации социальной системы около социокультурных полюсов либо как бифуркация и перемещение от одного полюса к другому, следуя принципу минимизации производства энтропии управления. Характерные для каждого из четырех рассмотренных полюсов параметры самоорганизации, информациональности, консенсуса ценностей, миссий, базовых ценностей влияют на состояние сложной социальной системы, предопределяя бифуркации в зоне неустойчивости системы и выбор ею эволюционного сценария. Мы показываем обусловленность нарушения линейной темпоральности при бифуркациях социальных систем.

Таким образом, мы даем современную интерпретацию платоновской теории Моделей, показывая, что она действительно является хорошим методологическим инструментом, позволяя синтезировать социологическое мнение об изменяющемся мире и физическое знание о природе изменений. Мы получаем ключ к теории изменений, но трактуем ее не как теорию упадка, а как теорию возможностей. Более того, мы показываем, что платоновская утопия «наилучшего государства» вырождается в стагнирующее общество. Мы раскрываем современные причины и механизмы задержки (замораживания) общественного развития, приводящие к социальной стагнации.

Возможности эволюционных трансформаций социальных систем зависят от принятой в обществе парадигмы, как это показано нами на модели парадигмальных различий (рис.1). Возможности согласования социальных

ожиданий от изменений зависят от количественного распределения в обществе социальных групп, социумов, следующих одной из названных парадигм, подчиняясь эффекту Вавилонской башни (рис.2).

Социокультурные особенности и типология обществ были сведены нами в матрицу культур управления (рис.3) и модель организационного устройства общества (рис.4). Топологическая матрица социокультурных полей (рис.5) дает представление о топологии социокультурного поля и полюсах притяжения. Взаимосвязь системных ресурсов управления с социальными и культурными характеристиками возникающих общественных организаций отражена в матрице аттракторов затратности управления (рис.6).

Возникновение самоорганизации в неоднородном динамическом обществе в сочетании с другими важными факторами, является «праматерией» демократического и гражданского обществ, как это проиллюстрировано нами на модели эволюции социальных систем (рис.7). Возможности бифуркационного выбора социальной системы, определяемые сочетаниями характеристик внутреннего состояния системы и внешних управляющих параметров, описаны нами моделью эволюционного выбора (рис.8). Прогноз возможностей и потерь социальной системы проведен на основе модели эволюционной динамики и цивилизационных сдвигов (рис.9).

Взаимодействие управления и самоорганизации мы рассматриваем в контексте теории самоорганизации как энтропийно-негаэнтропийное взаимодействие. Смыслы, приобретаемые в системной теории понятиями реформации, модернизации и трансформации описаны нами моделью синергетического энтропийно-негаэнтропийного управления (рис.10). Формирование просвещенного участвующего управления представлено моделью алгоритма управления по принципу «обмена неустойчивостями» (рис.11). Возможности генерирования жесткой и мягкой моделей управления на основе базовых ценностей субъектов управления продемонстрированы нами на модели управленческого алгоритма (Рис. 12). Показана взаимосвязь диалектики и дихотомии управления и самоорганизации. Сравнительный анализ базовых, провозглашаемых ценностей и артефактов сведен в таблицу 1.

Достоинство найденных нами подходов мы видим в том, что они дают возможные решения не только для демократических обществ. Они позволяют увидеть цивилизационные сценарии как организационные полюса в социокультурном поле, и позволяют прогнозировать возможные общественные бифуркации как выборы, формируемые сложной динамической социальной системой в зоне флуктуаций в зависимости от сочетания присущих ей изменяемых параметров порядка.

Повышение информативности гражданского социума превращает его из наводящей ужас на власть «толпы на городских площадях» в лидера

изменений, в партнера и коллегу. Но при этом рушится ценность абсолютной власти. И именно это вызывает, скорее всего, уже хорошо осознаваемую утрату. По мнению Пьера Бурдьё, научное знание в социологии это знание «особого рода: часто речь идет о тайне, которую, как и тайны в некоторых семьях, предпочтительнее не раскрывать, т. е. речь идет скорее о вытесненном». Этим «вытесненным» в социальное подсознание мы полагаем само элитарное управление. Но в современном обществе власть больше не принадлежит абсолютно властвующей элите. Дихотомия власти становится все более явственной.

Однако чтобы дихотомия власти стала социальной реальностью гражданскому социуму еще надлежит сформировать институты гражданского общества, отличные от институтов демократического общества, основанные не на делегированном, а на участвующем управлении, функцией которых станет справедливое перераспределение общественных ресурсов, обеспечивающее безопасность, развитие и достойное существование человека.

Консервативные системы, обладающие внешними признаками постоянства, не являются жизнеустойчивыми в изменяющемся постиндустриальном мире, они деградируют и уходят из истории развития любой сферы жизнедеятельности, будь то техническая или социальная. В результате постепенной или мгновенной деструкции системы, системной катастрофы, происходит ослабление и исчезновение системных свойств и связей. Поддержание целостности такой системы ведет к увеличению производства энтропии управления и выходу за пределы аттрактора управления. В этом случае социальная система распадается, воссоздаваясь в других, менее затратных формах и связях, как это проиллюстрировано предложенной нами моделью эволюции. Системная катастрофа в нижней точке кризиса, кризиса власти и социума, может привести к структурной регрессии и переходу к более простым системам, к примеру, традиционным обществам, не исключая переход в «затухающее» общество.

Описанные нами консолидированные интернациональные усилия властвующих элит по замораживанию общественного развития находят объяснение в нашей теории. Властвующие элиты мобилизуют и тратят общественные ресурсы, пытаясь сдержать необратимый поток общественных изменений. Они вносят «малые флуктуации в начальные условия», пытаясь не столько удержать общество в цивилизационном демократическом сценарии, сколько опустить его до авторитарного сценария. Цивилизационный сдвиг в авторитарный сценарий – это путь властвующей элиты к возврату ей ценностей абсолютной власти. Гражданскому обществу в этом случае придется искать возможности защиты гуманистических ценностей и ценностей безопасности человека.

Проявление дихотомии базовых ценностей власти и общества повышает социальную температуру и ускоряет в обществе самоорганизацию, что необратимо ведет к дихотомии власти. В этой дихотомии и на основе базовых ценностей формируется миссия социума и генерируются новые модели управления и взаимодействий. Сравнительный анализ базовых ценностей, провозглашаемых ценностей и артефактов проявляет социальную реальность, в которой арсеналам ядерного, химического и биологического оружия и терроризму противостоят миротворческие, правозащитные и экологические движения. Артефакты позволяют оценить глубину ценностного конфликта властвующей элиты и гражданского социума и роль каждого из этих социумов на пути к консенсусу ценностей. Поляризация базовых ценностей властвующей элиты и социума перерастает в кризис управления и/или кризис общественных отношений. Выбор социальной системы в зонах кризиса определяется типом взаимодействия самоорганизации и управления, формируемого набором факторов – параметров порядка.

Исследование генерируемых моделей и практик взаимодействия самоорганизации и управления показывает их зависимость от сочетаний параметров порядка, от доминирующей в обществе парадигмы и от уровня общественных ресурсов, которые могут быть мобилизованы на управление. Параметрами управления этим процессом являются ментальные представления социальных акторов, определяемые социокультурно-информациональной парадигмой, и качественно-количественные характеристики затратности управления. Приведены подтверждения того, что параметрами порядка социальной системы, определяющими характер управления, являются ценностный консенсус, уровень самоорганизации и информационность. В качестве управляющих параметров рассмотрены затратность управления и парадигмальные смыслы. Доминирующая в обществе парадигма определяет роли самоорганизации в управлении общественными отношениями. Переход к системной парадигме раскрывает новые возможности современного самоорганизующегося общества. Самоорганизующиеся социумы активизируют управляющие воздействия, формируют инновационные модели общественных отношений. При определенном наборе факторов самоорганизующиеся социумы становятся лидерами эволюционных изменений социальной системы в современном обществе. Мы предлагаем взгляд на управление как на эмерджентное свойство неоднородной неравновесной самоорганизующейся социальной системы, возникающее в результате энтропийно-негаэнтропийного взаимодействия властвующей элиты и самоорганизующегося социума.

Социальный механизм взаимодействия самоорганизации и управления описывается теорией самоорганизации. Синтез системного подхода и теории

самоорганизации открывает возможности прогнозирования цивилизационных трансформаций – сдвигов, лифтов и падений.

Мы показываем возможность использования системного подхода для решения парадоксов современного общества. Более того, в рамках системной методологии возникают возможности исследования управления с точки зрения диссипативных энтропийных процессов. Это позволяет выявить внутренние противоречия, отраженные в конфликте линейных и нелинейных моделей управления. Постигание этого конфликта помогает понять, почему не работает государство по ожидаемой схеме: граждане платят налоги, государство расходует их на создание общественных благ.

Пьер Бурдьё заметил, что «социология раздражает, потому что она разоблачает». Синтез социологии и системной теории позволяет не только осуществлять «раздражающий» критический анализ, но описать новые возможности социальных систем. Постигание конфликта элитарного управления позволяет не только приоткрыть закономерности его воспроизводства, но почувствовать и описать те взаимосвязи и критерии, которые эти закономерности отражают и воспроизводят.

И хотя мы сознательно избегали вхождения в две сферы – политологии и экономики, практические результаты нашего исследования позволяют поставить под сомнение эффективность сформированных в линейной парадигме институтов элитарного управления и сформированные в рамках этого управления стратегии экономического развития.

Ориентация экономической деятельности на сложившиеся в экономической сфере критерии прироста национального продукта, промышленных объемов, мощностей не приводят к социальному благосостоянию населения, но лишь способствуют перераспределению ресурсов. Особенно очевидным это становится в условиях глобализации. Таким образом, под влиянием системной парадигмы возникают идеи смены критериев социального развития общества. Подобная инновация потребует смены парадигмы, а возможно и смены самих международных экономических институтов. И, хотя подобное кажется из области иллюзий, мы уже отметили первые, пока еще робкие, выступления в ООН с критикой показателей роста.

Открытое общество формирует новые свойства социокультурного пространства и самого социума, ускоряя его информатизацию и вызывая возникновение новых свойств. И то, и другое представляет интерес для социологического исследования и диагностики состояния, как управления, так и самой социальной системы. В контексте системного эволюционного подхода мы предлагаем модели, способные объяснить, какие метаморфозы переживают управление и самоорганизация в информационном обществе, и как это влияет на социальную динамику.

Системный подход позволяет увидеть свет в конце тоннеля, обнаружить новые формы существования общества, рассмотреть формы жизни после авторитарного суверенного государства, обсудить возможности и проблемы, трудности и решения.

Вместе со свободой приходит и ответственность. Билет в гражданское общество стоит личных усилий каждого по трансформации себя в гражданина, лидера, носителя изменений и носителя власти.

Наше время – это время возможностей. Упущенные возможности – это ошибки, и более серьезные, чем ошибки компетенций. Так считает гуру управления Рассел Акофф. Прислушаемся к его мнению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейская Хартия местного самоуправления // Серия Европейских договоров №122. Страсбург, 15 октября 1985 г. Совет Европы.
2. Хартия экономических прав и обязанностей государств. 12 декабря 1974.
3. Объединенная Конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами // Вена: МАГАТЭ, INFCIRC/546. 1997.
4. Окинавская Хартия глобального информационного общества. Принята 22 июля 2000 года лидерами стран "Большой восьмерки" <http://www.g8kyushu-okinawa.go.jp/e/documents/it1.html>
5. Стокгольмская Декларация ООН от 16 июня 1972 г.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятым из ядерных военных программ. Москва, 24 июля 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 1998. № 10. С. 73.
7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М.: Юридическая литература. 1993. 62 с.
8. О специальной комиссии по вопросам ввоза на территорию Российской Федерации облученных тепловыделяющих сборок зарубежного производства. Указ Президента РФ №828 от 10.07.2001. <http://businesspravo.ru>
9. Об утверждении Положения о специальной комиссии по вопросам ввоза на территорию Российской Федерации облученных тепловыделяющих сборок зарубежного производства и ее состава. Указ Президента РФ №858 от 31.07.2003. <http://businesspravo.ru>
10. Указ Президента РФ "О дополнительных мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации" // опуб. 28.09.2004.
11. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 769.
12. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ //
13. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: Федеральный закон от 15 мая 1991 г. №1244-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 32.
14. Об общественных объединениях: Федеральный Закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
15. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. N 35. Ст. 3506.
16. Об использовании атомной энергии: Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.
17. О радиационной безопасности населения: Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 1996. 17 января.
18. О ратификации Европейской Хартии местного самоуправления: Федеральный закон от 11 апреля 1998 г. №55-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 15. Ст. 1695.
19. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча: Федеральный закон от 20 мая 1993 г. №4995-1 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 48. Ст. 5850.

20. О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории: Федеральный закон от 10 июля 2001 г. № 92–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2947.
21. О внесении дополнений в статью 50 Закона РСФСР "Об охране окружающей природной среды: Федеральный Закон от 10 июля 2001 г. № 93–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001 г. № 29. Ст. 2948.
22. О внесении дополнений в Федеральный закон "Об использовании атомной энергии": Федеральный закон от 10 июля 2001 г. № 94–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2949.
23. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
24. О мерах по ликвидации последствий радиоактивного загрязнения в результате деятельности производственного объединения "Маяк" Минатомэнергопрома СССР и защите населения от его воздействия: Распоряжение Президента РСФСР от 10 сентября 1991г. № 39–рп // Архив Движения за ядерную безопасность.
25. О признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации по вопросам продажи валютной выручки: Указ Президента РФ от 6 апреля 2000 года № 634 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 15. Ст. 1576.
26. О федеральной целевой программе «Социальная и радиационная реабилитация населения и территорий Уральского региона, пострадавших вследствие деятельности производственного объединения «Маяк» на период до 2000 года»: Постановление Правительства РФ от 13 мая 1996 г. № 577 // Собрание законодательства РФ. 1996. N 21. Ст. 2505.
27. О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов // Постановления Правительства РФ №418 от 11 июля 2003 г. / <http://www.gov.ru>.
28. План подготовки проектов актов Правительства РФ, необходимых для реализации законов о ввозе иностранного отработанного ядерного топлива в Россию: Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 1371 // Архив Движения за ядерную безопасность.
29. Об утверждении перечня мероприятий Правительства РФ по реализации итогов Гражданского форума: Распоряжение Правительства РФ от 7 марта 2002 г. № 278–р // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 11. Ст. 1068.
30. Социальная реабилитация и радиационная безопасность Уральского региона на 2001 – 2005 годы и на период до 2010 года. Федеральная целевая программа // Документ не опубликован.
31. Постановление Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 14 декабря 2001 года № 43 (279) "О результатах проверки хода выполнения и финансирования федеральной целевой программы "Обращение с радиоактивными отходами и отработавшими ядерными материалами, их утилизация и захоронение на 1996–2005 годы" Бюллетень Счетной палаты, №3, 2002. С. 122–139.
32. Решение от 19 декабря 2002 года об отказе ФГУП "ПО "Маяк" в выдаче лицензий на право эксплуатации комплекса с ядерными материалами, предназначенного для радиохимической переработки облученного ядерного топлива из-за несоответствия заявленной деятельности требованиям нормативных правовых документов по обеспечению ядерной и радиационной безопасности // Опубликован в электронном виде: Госатомнадзор России. <http://www.gan.ru>.
33. По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. / Вестник Конституционного суда Российской Федерации"
34. Об организации взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными и иными общественными организациями: Генеральная прокуратура Российской Федерации от 17 декабря 2002 г. №74 // Документ не опубликован.

35. О признании не соответствующим действующему законодательству распоряжения Правительства РФ от 15.10.1998 № 1483-р. Верховный суд Российской Федерации от 26.02.2002 по заявлению Талевлина А.А. и Мироновой Н.И. // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2003. N 1 (в извлечениях).
36. Оставить в силе без изменения Решение Верховного суда РФ от 26 февраля 2002 г.: Определение Кассационной коллегии по делу № КАС02-225. Верховный суд Российской Федерации // Документ не опубликован.
37. Определение Кассационной коллегии Верховного суда РФ по делу № КАС03-634 от 25 декабря 2003 года по гражданскому делу по заявлению Талевлина А.А. и Мироновой Н.И. о признании недействующими пунктов 2, 3, 10, 15, 16, 17, 18, 19 подпункта «г» пункта 11 положения о ввозе в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов, утвержденного постановлением Правительства РФ от 11 июля 2003 г. № 418... «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов».
38. О переселении жителей села Муслюмово и станции Муслюмово Кунашакского района: Постановление губернатора Челябинской области от 28 июля 1997 г. № 551 // Сборник законов и иных нормативных правовых актов Челябинской области". 1997. № 7. С.87–88.

Литература

1. Азбаров С. Военная элита, май 2004 // www.polit.ru/research/2004/05/27/military_elite.html
2. Акофф Р.Л. Акофф о менеджменте / Пер. с англ. под ред. Л.А.Волковой. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
3. Акофф Р. Трансформация в продвижении систем. Май 2004 / пер. Н.Мироновой // <http://spkurdyumov.narod.ru>
4. Анфилатов В.С., Емельянов А.А., Кукушкин А.А. Системный анализ в управлении. М.: Финансы и статистика, 2002. 367 с.
5. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание и направления для дальнейших исследований // Полис, 1995. №3.
6. Арбатов А. Международная конференция директоров европейских институтов. Стенограмма. М., 12–14 декабря 2003 г.
7. Арнольд В.И. Теория катастроф. М.:Наука. 1990. С. 16–32.
8. Атаманчук Г.В. Синергетические аспекты государственного управления // http://www.ihtik.lib.ru/philosarticles_22apr2005
9. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М.: Юридическая литература, 1997. 400 с.
10. Аузан А. Экономические основания гражданских институтов. 19 мая 2004. <http://www.polit.ru>.
11. Балувев Д. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы, т.2 №2 (5), май–август 2004 г.
12. Бахрах Д.Н. Административное право России. М.: НОРМА, 2000. 623 с.
13. Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска / Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 5, с. 10–19, С.18–19.
14. Белановский С.А. О природе научного знания. Влияние методологии на исследовательский процесс // <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/rek-lit/nauka/stat/n-znan.htm>
15. Бергаланфи Л. фон. История и статус общей теории, систем // Системные исследования. Ежегодник. 1973. М., 1973. С. 20–36
16. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. 650 с.
17. Бойетт Д. Г., Бойетт Д. Т. Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи мастеров управления /Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2001. 416 с.
18. Бункина М. Национальная экономика. Учебное пособие. М.: Дело, 1997. 271 с.

19. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / пер. В.Л.Кальковой. Stanford Univ.Press, 1990. с. 123 – 130.
20. Бытие 11: 6–8.
21. Бычкова К.Ф. Особенности правоотношений по возмещению вреда, причиненного аварией на Чернобыльской АЭС // Атомная энергия. 1999. Июль. С. 4–6.
22. Васильева М.И. Судебная защита экологических прав. М.: Научная книга, 1996. 217 с.
23. Василькова В.В. и др. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск: НГУ, 1992. 227 с.
24. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика. СПб.: Лань, 1999. 479 с.
25. Варела Ф. Автономность и автопоэзис / <http://www.synergetic.ru>.
26. Вишневский. Ю.Г., Ирюшкин В.М., Кислов А.И., и др. О регулировании безопасности при обращении с жидкими радиоактивными отходами, накопленными в водоемах-хранилищах ПО "Маяк", Сибирского химического комбината и Горно-химического комбината // Вестник Госатомнадзора России, 2002. №3–4, С.5–14.
27. Возжеников А.В. Национальная безопасность России. М.: РАГС, 2002. 423 с.
28. Возжеников А.В., и др. Общая теория национальной безопасности. М.: РАГС, 2002. 318 с.
29. Воробьев Ю.Л. Управление стратегическими рисками чрезвычайных ситуаций в системе обеспечения национальной безопасности России / Стратегические риски чрезвычайных ситуаций: оценка и прогноз / МЧС России. М.: Триада, ЛТД. 2003 г. С.4–13.
30. Газарян А. Некоторые теоретические предпосылки и проблемы организации местного самоуправления в пост-тоталитарном обществе. Клайпеда: SPTC, 1992. 128 с.
31. Гальперин И., Стафилин Б., Соколова Е., Макаркин А.. Подоплека уранового скандала // Совершенно секретно. 2003. №2. С.3–7.
32. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М.:Академический проект, 2003. 528 с.
33. Гичев Ю.П. Экологическая обусловленность основных заболеваний и сокращения продолжительности жизни. Новосибирск: СО РАМН, 2000. 90 с.
34. Гражданское общество: взгляд изнутри. М.: Центр развития демократии и прав человека. 2002. 303 с.
35. Гражданское общество и окружающая среда / Под ред. Э. Кульпина, О. Цитцер, М. Николаева: Московский лицей, 2001. 285 с.
36. Греф Г.О. О вступлении России в ВТО // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование/ #2–3 (11–12), Август 2002.
37. Гроув Э. С. Высокоэффективный менеджмент. М.: Филинь, 1996. 280 с.
38. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1991. // <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/61982>
39. Голубков Е.П. Системный анализ как методологическая основа принятия решений / Менеджмент в России и за рубежом. №3, 2003.
40. Гуйяр Ф. Ж., Келли Д. Н. Преобразование организаций. М.: Дело, 2000. 375 с.
41. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград: ЛГУ, 1990. 526 с.
42. Даванков А.Ю. Социально – экономическая оценка природно-техногенных комплексов. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 231 с.
43. Дворкин В. Перспективы многонационального российского государства в контексте глобальных вызовов современности / По материалам «круглого стола» в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. РАГС, 4 декабря 2003 г.
44. Джордж Буш (младший). Поле битвы – Земля: Обращение к Конгрессу и стране. 20 сентября 2001. http://www.servisism.lg.ua/b_st5.htm

45. Делягин М: Терроризм как элемент государственной политики // Открытый форум. 17 февраля 2004 / <http://www.openforum.ru> .
46. Дерлугьян Г. Эволюция Российского государства в миросистемной перспективе, 1000–2010 гг. н.э.// www.inop.ru/RussRead/derluguian.htm
47. Добренъков В.И., А.И. Кравченко. Социология. Социальные институты и процессы. М.: Инфра-М, 2000. 255 с.
48. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке / Пер. с англ. М.: «Вильямс». 2001. С.48.
49. Евстафьев Г., Павлюшенко М. Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. Использование БЛА в антитеррористических операциях, а также в деятельности правоохранительных органов / Ядерный контроль №3 (73), том 10. Осень 2004 г. С.81.
50. Ежегодный отчет / Foreign Policy, 2003. <http://www.ichip.ru>
51. Ермакова И.В. Психические заболевания как следствия неблагоприятных факторов окружающей среды / Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье человека. Под ред. проф. Ю.П.Гичева. Новосибирск, 2002. С.77.
52. Ерохина Е.А. Развитие национальной экономики: самоорганизационный подход // Материалы второго научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск: СО РАН, 1998. 130 с.
53. Заключение экспертной комиссии Экспертного совета при Правительстве РФ по проекту «Государственная целевая комплексная программа по социальной и радиационной реабилитации населения и территории Уральского региона, пострадавшего вследствие деятельности производственного объединения «Маяк» на 1996-1997 г.г. и на период до 2000 года». М., 1996.
54. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. 171 с.
55. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение: экономика и управление. М.: Дело, 2000. 411 с.
56. Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века / Россия в глобальной политике, 2005, №2
57. Иойрыш А.И., Супотьева О.А., Чоборняк А.Б. Ответственность за ядерный ущерб. М.: Наука, 1993. 112 с.
58. Источники радиоактивного загрязнения р. Теча и района расположения производственного объединения «Маяк», Урал, Россия // Программа по изучению возможного влияния деятельности ПО «Маяк» на радиоактивное загрязнение Баренцева и Карского морей. Совместная российско-норвежская группа экспертов по изучению радиоактивного загрязнения северных территорий. Осло: Остерас, 2000. 134 с.
59. Камю А. Калигула. М.:Фолио, 2003. С.5–103 .
60. Кантер Р. Рубежи менеджмента. Книга о современной культуре управления. М.: Олимп-Бизнес, 1999. 302 с.
61. Караганов С. Международная конференция директоров европейских институтов. Стенограмма. 12–14 дек. 2003 г.
62. Кастельс М. Галактика Интернет, Екатеринбург, У-Фактория, 2004. 328 с.
63. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Высшая школа экономики, 2000. 606 с.
64. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. / Пер. с англ. под ред. Д.М.Гвишиани. М.:Прогресс, 1991. 340 с.
65. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. С.456.
66. Концепция Российской Федерации по обращению с плутонием, высвобождаемым в ходе ядерного разоружения. М.: Минатом, 1998.
67. Костин В.А. Основы эктропийной теории организации: социально-институциональный аспект. Екатеринбург: УрАГС, 1998. 202 с.

68. В.Н. Костюк, Г.Л. Смолян, Д.С. Черешкин. Об экономическом фундаменте информационного общества. Информационное общество, 2000, вып. 5, с. 6 – 13.
69. Костюк В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 176 с.
70. Корнаи Я. Системная парадигма. // Общество и экономика. 1999. №3–4. С.85–96
71. Кох Р. Менеджмент и финансы от А до Я. СПб.: Питер, 1999. С.310.
72. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / В авт. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН. 245 с.
73. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Изд. АСТ». 2003 г. 605 с.
74. Курдюмов С.П. Темпомиры, правила коэволюции, влияние прошлых и будущих стадий развития. XXX Звенигородская конференция по физике плазмы и УТС, 24 – 28 февраля 2003 г.
75. Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Синергетика – новые направления. М.: «Знание», 1989. 47 с.
76. Куркин Б.А. Бремя мирного атома. М.: «Молодая гвардия», 1989. 269 с.
77. Лапин Н.И. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.:ИФРАН. 1994. 245 с.
78. Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории. <http://www.spkurdyumov.narod.ru>.
79. Лебон Г. Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+. 1998. 416 с.
80. Лесли Б. Преобразование экономики «по-восточному» и «по-западному». Искусство управления переменами // Перспектива. 1998. Зима. С.5–12.
81. Лоскутов А.Ю. Синергетика и нелинейная динамика: новые подходы к старым проблемам / <http://www.spkurdyumov.narod.ru>.
82. Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А.О. Бороноева. СПб., 1994. С. 25–42.
83. Луман Н. Почему необходима «системная теория»? Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А.О. Бороноева. СПб., 1994. С. 25–42 / <http://www.synergetic.ru>
84. Любимов А.П. Лоббизм как конституционно-правовой институт. М.: ИГП РАН, 1998. 255 с.
85. МАГАТЭ никогда не предлагало Минатому строить всемирное хранилище для ОЯТ около Красноярска. 04.02.2004 / <http://www.antiatom.ru>
86. Малинецкий Г.Г. Информационное управление и будущее России // Синергетика и социальное управление. М.: РАГС, 1998. С.164–179.
87. Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. Нелинейная динамика и проблемы прогноза. Вестник РАН, 2001, т.71 №3, С.210–232.
88. Маслоу А. Маслоу о менеджменте. СПб.: Питер, 2003. 413 с.
89. Матвеева С.Я. Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России // Социальный конфликт. Калуга: Калужский институт социологии. 1994. №4. С.3–20.
90. Материалы Комиссии по изучению экологической ситуации в Челябинской области. М., 1991.
91. Материалы «круглого стола» в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. РАГС, 4 декабря 2003 г.
92. Материалы парламентских слушаний по решению проблемы Теченского каскада водоемов. М.: ГД РФ, 2002. 29 ноября. 120 с.
93. Медико-биологические и экологические последствия радиоактивного загрязнения реки Теча / Под ред. А.В. Аклеева и М.Ф. Киселева. М.: Медбиоэкстрем, 2000. 530 с.
94. Межуев В.М. Ценности в современном контексте модернизации и глобализации. 2002. http://www.russianflobalclub.com/gw_02_10.htm.
95. Мерсер Дэвид. ИБМ. Управление в самой преуспевающей корпорации мира. М.: Прогресс, 1991. 453 с.
96. Миронова Н. и др. Авторское свидетельство на изобретение № 1321688. Способ термической деаэрации воды. Госкомитет СССР по делам изобретений и открытий. М., 1987.

97. Миронова Н.И. и др. Авторское свидетельство на изобретение № 1643869. Способ вакуумной деаэрации жидкости и вакуумный деаэратор для его осуществления. Государственный комитет по изобретениям и открытиям при Государственном комитете СССР по науке и технике. М., 1990.
98. Миронова Н.И. Анализ системы принятия решений, заложенной в первых подзаконных нормативных актах о ввозе иностранного ядерного топлива в Россию. Принят к публикации в журнал «Право и безопасность», М. 2004.
99. Миронова Н.И. Влияние зарубежных контрактов на переработку облученного ядерного топлива на экономику и процессы конверсии на ПО «Маяк» Минатома России // После холодной войны: разоружение, конверсия, безопасность. Красноярск: ГЦЯН, 1994. С. 37–39.
100. Миронова Н. Глобальное партнерство: новая ядерная политика США – новая ядерная дипломатия России // Общество – Правительство: диалоги о ядерной политике. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, 2002. С. 119 – 125.
101. Миронова Н. Изменение государственных границ и безопасность объектов ядерной индустрии // Границы безопасности и безопасность границ. Челябинск: ЮУрГУ, 2001. С. 416 – 420.
102. Миронова Н.И. Общество и государство: динамика социального развития. Управление социальными процессами в регионах / Третья Всероссийская науч.-практ. конф. Ч.2. Социология регионального управления. Сб. статей. Екатеринбург, 2003. С. 81–84.
103. Миронова Н.И. Общественные движения в системе государственных решений социально значимых проблем территорий. Челябинск, УрАГС, 2003 г. Дипломная работа. Глава 1. На правах рукописи.
104. Миронова Н.И. Общественные трансформации в России на пороге третьего тысячелетия // Гуманитарные проблемы российского общества. Челябинск: ЮУрГУ, 1999. С. 8–11.
105. Миронова Н. Общество-Правительство: стратегия переговоров / Экология и права человека. Челябинск: ЧелГУ – ЦЭПР, 2003. С.160–176
106. Миронова Н. Процессы самоорганизации как фактор устойчивости и как фактор риска / Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции // Под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 2, часть 1. С.249–263.
107. Миронова Н. Переговоры как основа взаимодействия. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, Центр поддержки гражданских инициатив, 1998. 22 с.
108. Миронова Н.И. Социальная эволюция и цивилизационные сдвиги: модели динамического развития социальных систем и управления / Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции // Под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 1. С.357–367
109. Миронова Н.И. Три парадигмы мышления – три подхода к государству – три культуры управления // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции // Под общ. ред. проф. В.Л.Романова. М.: Проспект, 2004. Том 2, часть 2. С.203-214.
110. Миронова Н.И. Угрозы ядерной глобализации // Мир без границ – война без фронтов? Челябинск: ЮУрГУ, 2002. С. 164-183.
111. Миронова Н.И. Эволюция систем управления как необходимое условие устойчивого развития // Экологическое сознание – экологическая безопасность. Калуга: Институт социологии, 1996. С. 90–101.
112. Миронова Н. Ядерная политика России: прозрачность и гражданский контроль // Экология и права человека. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, 2002. С. 58–63.
113. Тысяннюк М., Миронова Н., Мейлах Э. Общество – правительство: диалоги о ядерной политике // Россия, Гражданский форум: год спустя / Под ред. Н. Дорошевой. М.: САФ, 2003. С. 66–72.
114. Моисеев Н.Н. Грядущие десятилетия: трудности и перспективы. М.: Наука, 1992. 27 с.
115. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: «Молодая гвардия», 1990. 351 с.

116. Мокров Ю.Г. Прогноз переноса стронция-90 с водами р.Течи. Часть 1 // Вопросы радиационной безопасности. 1996. №1.С.20–27.
117. Мокров Ю.Г. Реконструкция и прогноз радиоактивного загрязнения реки Теча. Озерск: ВРБ, 2002. 172 с.
118. Национальная и глобальная безопасность. Сотрудничество во имя глобальной безопасности / Под общей ред. Ю.Е.Федорова, М.: ПИР–Центр, 2002. 248 с.
119. Нейсбит Д. Мегатринды / пер. с англ. М.Б.Левина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.
120. Новая вертикаль власти: перспективы российского федерализма и роль региональных элит в формировании новой национальной элиты. Доклад Совета по национальной стратегии // <http://www.snsr.ru/reports/>
121. Общество – Правительство: диалоги о ядерной политике. Материалы для правительства. Челябинск: Движение за ядерную безопасность. 2002 // <http://www.nuclearpolicy.ru>.
122. Общество – Правительство: диалоги о ядерной политике. Сборник информационных материалов. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, 2002. 189 с.
123. Общество – Правительство: диалоги о ядерной политике. Сборник информационных материалов. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, 2001. 212 с.
124. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Библиотека Русского гуманитарного интернет-университета, 2002 // <http://www.i-u.ru/biblio/archive/hose%5Fpeople%5Ffighting>
125. Парсонс Т. Общества. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 786.
126. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева // Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Наука, 1998. 270 с.
127. Пацула А.В. Социологическое исследование результативности федеральных мер по социальной и радиационной реабилитации Уральского региона. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2001. 87 с.
128. Пацула А.В. Экологическая социология. Сравнительное исследование гражданских инициатив в сфере радиационной безопасности. Челябинск: Околица, 2000. 134 с.
129. Пацула А.В. Экосоциологические парадигмы. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2001. 194 с.
130. Петерс Э. Порядок и хаос на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка. М.: Мир, 2000. 333 с.
131. Петров В.. Двойная бухгалтерия ВПК // Звезда. 1994. №4. С. 8 – 19.
132. Плохих Г.П., Миронова Н.И. Опыт развития Челябинского «Движения за ядерную безопасность» как общественной просветительской организации // Экологическое сознание – экологическая безопасность. Калуга: Калужский институт социологии, 1997. С.14–21.
133. Повышение энергоэффективности как альтернатива новой атомной станции в Челябинской области. Независимый анализ. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, 1996. 60 с.
134. Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 124 с.
135. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под ред. В.Н.Садовского. М.: Феникс. 1992 г. 448 с.
136. Портер М. Конкуренция. СПб.: Вильямс, 2000. 495 с.
137. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина М.: ИНФРА-М, 2000. 344 с.
138. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 239 с.
139. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М: Эдиториал УРСС, 2000. 312 с.
140. Пригожин И. Философия нестабильности /Вопросы философии // <http://www.iph.ru>

141. Принцип неопределенности и прогноз развития социально-экономических систем / Под ред. А.В. Позднякова. Томск: Спектр ИОА СО РАН, 1999. 163 с.
142. Принципы самоорганизации / Под ред. А.Я. Лернера. М.: Мир, 1966. 618 с.
143. Порядок и хаос в развитии социально-экономических систем / Под ред. А.В. Позднякова. Томск: Спектр, ИОА СО РАН, 1998. 130 с.
144. Почепцов Г. Информационные войны. К.: Изд-во <АДЕФ-Украина>, 1998. 332 с.
145. Радиация – малые дозы. Как защитить здоровье. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, 2000. 80 с.
146. Радиация: медицинский, социальный и правовой статус пострадавшего. Челябинск: ГУРЭБ, 2002. 95 с.
147. Радиационная обстановка на территории России и сопредельных государств в 1998 г. СПб.: Тайфун, 2000. 62 с.
148. Романов В.Л. Концепция сценария "поддержка самоорганизации" // www.spkurdyumov.narod.ru
149. Романов В.Л. Методологический аспект разработки критериев и показателей развития социальных систем / <http://www.spkurdyumov.narod.ru>
150. Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. М.: РАГС, 2003. <http://www.spkurdyumov.narod.ru>
151. Россия. Риски и опасности «переходного» общества / Под редакцией О.Н. Яницкого. М.: РАН, Институт социологии, 1998. 136 с.
152. Россияне о ядерном оружии. Аналитический доклад по результатам Всероссийского социологического исследования. М.: ПИР-Центр, 2000. 167 с.
153. Сенге П.М. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М.: Олимп-Бизнес, 1999. 408 с.
154. Синергетика и социальное управление / Под ред. В.С. Егорова М.: РАГС, 1998, 351 с.
155. Сиырбаев А. «Летающие гуси» с востока на запад. Мировая экономика, №1, январь 2003.
156. Скотт С.Д., Джефф Д.Т. Управление переменами в организации. Челябинск: ЦПП, 1997. 58 с.
157. Современные подходы к оценке техногенного воздействия на здоровье населения Урала. Челябинск: Движение за ядерную безопасность, Челябинская государственная медицинская академия, 1998. 108 с.
158. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. 1044 с.
159. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Аспект Пресс, 1996. 460 с.
160. Софьин С.П., Бендяк М.Ю. Отражение вопросов радиационной безопасности СМИ Челябинской области в 2001 г // Сб. научно-практической конференции «ВУРС-45», Озерск: ВРБ, 2002. С. 331–334.
161. Старцев Я.Ю. Система государственного управления. Политический анализ. Екатеринбург: УрАГС, 2001. 286 с.
162. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // <http://filosof.historic.ru>
163. Талевлин А.А. Ввоз на территорию России отработавшего ядерного топлива: правовые проблемы лизинговых отношений // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 15–17.
164. Талевлин А.А. Юридическая ответственность за ядерный ущерб // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 3–7.
165. Тарасенко В.В. Синергетика и социальное управление. М.: РАГС, 1998. С 47–66.
166. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+. 1998. 263 с.
167. Тейяр де Шарден. Феномен человека. М.: АСТ. 2002. 499 с.
168. Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: ПИР-Центр, 1999. 390 с.

169. Тойнби А. Постигание истории / Пер. с англ. под ред. В.И. Уколовой и др. М.:Ролья, 2001. 640 с.
170. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.:Изд. АСТ, 2003. 669 с.
171. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002.
172. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004. 557 с.
173. Федосов А. А может, Чернобыля не было? Труд, 23.03.2004
174. Федотова В.Г. Европейский «третий путь» и его символическое значение для России и других стран / Социологическое обозрение. Том 2, №1, 2002, с.3–17
175. Фененко Алексей. Парадоксы ядерного сдерживания // Международные процессы. Т. 2. № 5. Май – август 2004. С. 151–154.
176. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002. 576 с.
177. Фукуяма Ф. Великий Разрыв / пер.с англ. под общ. ред. А.В.Александровой. М.:ООО «Изд. АСТ», 2004. 474 с.
178. Хакен Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 419 с.
179. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. Москва–Ижевск. Институт компьютерных исследований, 2003. 320 с.
180. Хиценко В.Е. Самоорганизация: становление теории и перспективы социальных приложений.
181. Хиценко В.Е. Эволюционный менеджмент / Московский международный синергетический форум. www.sinergetic.ru
182. Шайхутдинов Рифат. К проблеме модернизации власти / 5.07.2005 // <http://www.polit.ru>
183. Шарафутдинов Р.Б. Системный подход к нормативному регулированию безопасности при обращении с радиоактивными отходами // Вестник Госатомнадзора России. 2002. №1. С.12–18.
184. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. С.31–32.
185. Шмиттер Филипп К., Терри Линн Карл. Что есть демократия. Русский Журнал. 14.08.1997. <http://www.russ.ru/journal/predely/97-08-14/shmitter.htm>.
186. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
187. Шумпетер И.. Капитализм, социализм и демократия. Гл.13./ <http://lib.rin.ru/doc/i/16981p.html>
188. Щекочихин Ю. Золото партии и его новые хозяева // Новая Газета. 2002. №22.
189. Шютц А. "Возвращающийся домой" // Электронная библиотека Мошкова / <http://www.lib.ru>
190. Эволюционный позитивизм Герберта Спенсера / "http://historic.ru/" "Исторический проект Historic.Ru".
191. Экологическая политика в Челябинской области: проблемы, решения: Сб. статей. Челябинск: Региональный центр радиоэкологии и реабилитации загрязненных территорий, 1997. 75с.
192. Экологическое движение в России. Сборник научных трудов / Под ред. Е. Здравомысловой и М. Тысячнюк. СПб: «Наука», 1999. 107 с.
193. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. Т.1. М., 1965. С.46.
194. Яблоков А.В. Атомная мифология. М.: Наука, 1997. 270 с.
195. Ярошинская А.А. Чернобыль: совершенно секретно. М.: «Другие берега», 1992. 574 с.
196. Ackoff R. A brief guide to interactive planning and design. May31, 2001 / <http://www.acasa.upenn.edu> .
197. Akoff Russel L. & Sheldon Rovin. Redesigning Society. Stanford University Press. Stanford, California. 2003. Гл. 1,2,8.
198. Cagnon B. The nuclearisation and militarisation of outer space: the policies of the USA and the other space powers // Rally for International Disarmament (nuclear, biological and chemical) / RID–NBC, Saintes , France, 29–31 October 2004.
199. Capra F. The Web of Life. A new Scientific Understanding of Living Systems. New York, Doubleday, 1996. 347с.

200. Castells M. The Rise of the Forth World: Informational Capitalism, Poverty, and Social Exclusion // The End of Millennium. Oxford: Blackwell Publishers Inc., 2001. P.68– 101.
201. Castells M. Social Structure and Social Morphology: From Networks to Information Networks // Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. London: British Journal of Sociology, 2000. January.
202. Dalton R., Garb P., Lovrich N., Rierce J., Whiteley J. Critical Masses. Citizens, Nuclear Weapons Production, and Environmental Destruction in the United States and Russia”. London: MIT Press, 1999. 457 p.
203. Day P., Schuler D. Community Practice in the Network Society. Routledge, 2004. P. 137-230.
204. Fukuyama F. Death of hierarchy. From “The Great Discription: Human Nature and the Reconstitution of Social Order” // Financial Times 1999. June 12/June 13.
205. Gharajedaghi J. Systems Methodology. A Holistic Language of Interaction And Design: Deeing Through Chaos and understanding Complexities. February 2004. <http://www.acasa.upenn.edu> .
206. Jardine L., Halsey W., Smith C. Technical Framework to Facilitate Foreign Spent Fuel Storage and Geologic Disposal in Russia // US DOE LLNA, January 31, 2000. 9 p.
207. Leonard Allenna with Stafford Beer “The Systems perspective: Methods and Models for Future”/ <http://www.acasa.upenn.edu> .
208. Mironova N. Evolution of a Management System for Sustainable Development of Society. Warszawa: CONSIM–96, 1996. 55 p.
209. Mironova N. Danger links between Plutonium Bombs and Plutonium economy. Transparency and openness help society to make its choice. Tokio: 2000 World Conference against A&H Bombs, 2000. 156 p.
210. Mironova N., T. Muchamediarova. The Nuclear Policy of Russia and the Response of the Public. Hiroshima–Nagasaki: 2001 World Conference against A&H Bombs, 2001. 170 p.
211. Mironova N., Jakimets V. Tschernobyl 1949. Die Plutonium-Fabrik von Tsheljabinsk. Guessen: Klassenfeind Natur, 1992. 258 p.
212. National Nuclear Security Administration Strategic Plan. US Department of Energy, 2002. February. 120 p.
213. Perkovich G., Matthews J., Cirincione J., Gottemoeller R., Walfsthal J. Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P 225.
214. Re-shaping U.S. – Russian Threat Reduction. New Approaches for the Second Decade. Washington: Carnegie Endowment, 2002. 117 p.
215. Schuler D. New Community Networks: Wired for Change, 1996. <http://www.scn.org> .
216. To Combat Terrorism, a Systems Approach is Vital. Terrorism: A System Perspective / <http://www.knowledge.wharton.upenn.edu> / Public Policy and Management.
217. Tysiachniok M., Mironova N., Reisman J. A Historical Perspective on the Movement for Nuclear Safety in Chelyabinsk, Russia. International Journal on Contemporary Sociology, April 2004. V.41. #1. P.41–58.
218. What is the cost of a reactor accident? Nuclear engineering international, October 2000, vol. 45, № 555, p. 28–29.

Миронова Н.И.

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА:
МЕТАМОРФОЗЫ САМООРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ**

Монография

Сдано в набор 27.09.05.

Подписано в печать 4.10.05. Формат 60x84^{1/16}

Усл. п.л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ 3901.

ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск, Свердловский пр. 60.

ОБ АВТОРЕ
Миронова Наталия Ивановна

Общественный и политический деятель, исследователь в области гражданской самоорганизации и государственного управления. Закончила Академию Государственной службы при президенте РФ (2003) и Челябинский политехнический институт (1974). В 1976-1989 гг. работала над совершенствованием методов и устройств повышения эффективности термодинамических процессов в двухфазных средах. В 1990 вошла в состав государственной экологической экспертизы строительства Южно-Уральской атомной станции и в правительственную комиссию по изучению экологической обстановки в Челябинской области (1990-1991). В 1990-93 г.г. – депутат областного совета народных депутатов. Организатор челябинского городского референдума по ввозу иностранного ядерного топлива в Челябинскую область (1991). В 1991-92 гг. председатель Комитета по радиационной безопасности населения Челябинской области. С 1989 - председатель Движения за ядерную безопасность. Лидер и организатор российского экологического антиядерного движения. Автор проектов интерактивных взаимодействий общественных и государственных организаций в сфере нераспространения и безопасности ядерных арсеналов, обращения с радиоактивными отходами, социальной защиты пострадавшего населения.

С 2004 г. - член совета Директоров Челябинского регионального Института публичной политики и права. В 2005 г. избрана председателем Челябинского регионального отделения политической партии «Зеленая Россия». Член Высшего экологического совета Государственной Думы РФ (1996-2007).

Автор 8 изобретений и 20 публикаций в области термодинамики. Более 70 аналитических работ по ядерной политике, социологии управления и развитию гражданского общества опубликовано в российских и международных научных изданиях. Работает над кандидатской диссертацией по социологии управления.